

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2026

2

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2026

Сетевое издание

Вып. 2

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

- Д. Г. Смирнов*, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)
- М. В. Жульков*, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)
- М. А. Меликян*, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)
- Г. П. Аксенов*, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)
- П. А. Белоусов*, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)
- А. Г. Гачева*, д-р филол. наук
(Россия, Москва)
- Н. Н. Летина*, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)
- Т. Н. Соснина*, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

- А. В. Брагин*, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
- О. А. Габриелян*, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)
- В. А. Грачев*, д-р техн. наук
(Россия, Москва)
- Т. С. Злотникова*, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)
- Н. Н. Кожеников*, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)
- Сильвия Минева*, д-р филос. наук
(Болгария, София)
- В. В. Мантатов*, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)
- Зоран Милошевич*, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)
- С. В. Орлов*, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)
- Г. С. Смирнов*, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
- В. С. Фунтусов*, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nosnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

- Своевременный конгресс? (об аттракторах развития российской философии) 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

- Раков В. П.* Не кризис, а единение Логоса и Меона 5

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Булычёв И. И.* Триагностика (триалектика) как запрос на мировоззренческую и научную методологию современности 19

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

- Крохина Н. П.* К. Кедров — идея космического метакода 28

АКТУАЛЬНАЯ НООСФЕРОЛОГИЯ

- Жульков М. В.* Ноосферная трансформация метафизики: требование времени 35

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

- Лебедев В. С.* Экстремальное сознание в системе категорий «осцилляция», «антихрупкость», «лиминальность» (опыт описания) 45

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ

- Ветчинин В. М.* «Цифровое» право: опыт категориального анализа 54

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

- Мурунова А. В.* Связь права и доминирующего типа культуры в работах П. А. Сорокина 63
- Краевский А. А.* Теория правовых отношений в трудах московской и петербургской школ философии права 70
- Поцелуев Е. Л.* С. А. Муромцев — ученый, профессор, политик, спикер и осужденный 79

ДЕБЮТ

- Соловьева А. И.* Этический нигилизм Пола Куртца: за и против (опыт философского прочтения) 95
- Буньковская А. А.* Мир, труд, Маркс: философское переосмысление *homo ergaster* 105

- Информация для авторов** 110

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskommadzor) as an online edition
Registry entry Эл № ФС77-78954 of August 07, 2020

2026

Online edition

Vol. 2

Founder Ivanovo State University**Editorial Board:**

D. G. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)

N. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politics)
(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5
Phone. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:
<http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

CONTENT**EDITORIAL COLUMN**

Congress on time? (on the attractors of Russian philosophy's growth) 3

REGIONAL ARCHIVE

Rakov V. P. Not a crisis, but a unity of Logos and Meon 5

THEORY AND METHODOLOGY

Bulychev I. I. Trialistics (trialectics) as a request for the philosophical and scientific methodology of modernity 19

MODERN HUMANITIES

Krokhina N. P. K. Kedrov — the idea of a cosmic metacode 28

CURRENT NOOSPHEROLOGY

Zhulkov M. V. The noospheric transformation of metaphysics: the requirement of time 35

PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Lebedev V. S. Extreme consciousness in the system of categories "oscillation", "antifragility", "liminality" (description experience) 45

CEPHALIZATION OF THE NOOSPHERE

Vetchinin N. M. «Digital» law: experience of categorial analysis 54

PHILOSOPHY OF LAW

Murunova A. V. The relationship between law and the dominant type of culture in the works of P. A. Sorokin 63

Kraevsky A. A. The theory of legal relations in the works of the Moscow and St. Petersburg schools of legal philosophy 70

Potseluev E. L. S. A. Muromtsev — scientist, professor, politician, speaker and convicted 79

DEBUT

Solovyova A. I. Paul Kurtz's ethical nihilism: pro et contra (experience in philosophical reading) 95

Bunkovskaya A. A. World, labor, Marx: a philosophical reinterpretation of *homo ergaster* concept 105

Information for the authors 110

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

СВОЕВРЕМЕННЫЙ КОНГРЕСС? (ОБ АТТРАКТОРАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ)

В 2013 году — год празднования 150-летия академика В. И. Вернадского — журнал «Ноосферные исследования» открылся заметкой «Своевременный юбилей», завершившейся призывом «не поддаваться простым или навязываемым извне решениям, вслед за Вернадским думать о России и размышлять о ноосфере» [Смирнов, 2013: 4]. Тогда этот императив остался без внимания философской общественности, которая в большинстве своем продолжила жить не в своем пространстве и не в своем времени.

Ноосферная история [Смирнов, 2006], актором которой становятся широкие слои отечественной интеллигенции, постепенно обретает российское лицо. Жаль, что осознание необходимости интеллектуальной идентичности приходит с запозданием, что столичная философия как была, так и осталась слепа к достижениям философии региональной, что ей не хватает смелости признать «идеологические» ошибки. Вместе с тем радуется, что оригинальные идеи русской, советской и российской философии медленно, но верно пробивают себе дорогу в освобождающемся сознании интеллектуального сообщества России.

IX Российский философский конгресс «Философия в контексте современных вызовов» (18—20 июня 2026 года), продолжив зиновьевскую линию, намеченную еще в 2022 году, предложил осмыслить наследие русской философии. Именно эта проблематика, которую с полным правом можно назвать ноосферной, звучала рефреном в пленарных докладах. Справедливо полагать, что пленарные доклады (отобранные не случайно) фиксируют аттракторы (в терминологии системного подхода — концепты), закладные камни актуального философствования. Остановимся на двух наиболее интересных, с нашей точки зрения, сообщениях.

Содержательно открывая планарное заседание, декан философского факультета МГУ А. П. Козырев обратился к «вечной» аксиологической проблеме соотношения общего блага и частного интереса как определяющей для русской философии и значимой в контексте реалий современного мировоззрения¹. Напомним, что советская философия попыталась примирить (на наш взгляд, успешно) эти противоречивые интенции в так называемом основном моральном законе, утверждающем «отношение личности к благу общества и к благу личности как к первичной и конечной целям и к их единству как к высшей цели» [Гумницкий, 2016: 26—27]. Думается, что именно этот императив может стать регулятивом современного бытия российского социума в условиях ценностного разворота последнего десятилетия.

Профессор И. И. Докучаев, размышляя о прошлом и будущем России в условиях глобализации, четко определил концепции, на основании которых возможна позитивная социокультурная динамика страны. В числе таких пара-

¹ Более широкий аксиологический тезаурус был представлен в выступлении В. В. Сидорина, подробно рассмотревшего ценностную рефлексию отечественной философии первой половины XX века.

дигм оказались комплементарные друг другу учения — о ноосфере В. И. Вернадского, всеединстве В. С. Соловьева, общем деле Н. Ф. Федорова². Органично укладываются в этот перечень представления о пневмосфере П. А. Флоренского, техногенезе и техносфере А. Е. Ферсмана, семиосфере Ю. М. Лотмана, коллективном разуме Н. Н. Моисеева. Именно в координатах этих концепций возможно адекватное представление о глобализации. Напомним, что в свое время И. В. Дмитревская предложила основной ноосферный закон, раскрывающий смысл «круговорота» вещества, энергии и информации, — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [Дмитревская, 2023], который во многом объясняет логику разворачивания глобализации.

Примечательно, что вне фокуса внимания пленарных докладчиков осталась практически вся отечественная изофилософия (в ее живописном, музыкальном и литературном выражении) [Смирнов, 2016], хотя это обойденное философами измерение имеет выраженный эвристический потенциал.

Ответить на поставленный в названии материала вопрос, наверное, следует положительно. Конгресс действительно оказался своевременным, задав на годы вперед идейные координаты суверенного российского философствования. Отрадно, что спустя десятилетия философское сознание обратило свой взор на творческое наследие отечественных мыслителей, которое в течение долгого времени разрабатывалось в недрах региональных философских школ и традиций.

Библиографический список / References

- Гумницкий Г. Н. Основы этики. Иваново: Иван. гос. политех. ун-т, 2016. 132 с. (Gumnitsky G. N. *Fundamentals of Ethics*, Ivanovo, 2016, 132 p. — In Russ.)
- Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 2. С. 38—52. (Dmitrevskaya I. V. Noosphere as a systemic organized generality, *Noospheric Studies*, 2023, no. 2, pp. 38—52. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: Философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—29. (Smirnov G. S. Noospheric history of mankind: Philosophical and methodological problems of the evolution of the intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, 2006, no. 2, pp. 4—29. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Своевременный юбилей (к 150-летию со дня рождения академика Владимира Ивановича Вернадского) // Ноосферные исследования. 2013. № 1. С. 3—4. (Smirnov G. S. A timely anniversary (on the 150th anniversary of the birth of academician Vladimir Ivanovich Vernadsky), *Noospheric Studies*, 2013, no. 1, pp. 3—4. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Живописная глобальность сознания: от В. В. Кандинского до П. А. Филонова // Ноосферные исследования. 2016. № 1-2. С. 37—51. (Smirnov G. S. Picturesque globality of consciousness: from V. V. Kandinsky to P. A. Filonov, *Noospheric Studies*, 2016, no. 1-2, pp. 37—51. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

² Эта философическая триада оказалась дополнена автором доклада учением об интернационале В. И. Ленина.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 113/119(38)

DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.5-18

В. П. Раков

НЕ КРИЗИС, А ЕДИНЕНИЕ ЛОГОСА И МЕОНА*

Аннотация. В работе рассматривается кардинальная трансформация эстетической парадигмы на рубеже XIX—XX веков, связанная с переходом культуры в «постриторическое» состояние. Ключевым понятием работы становится меон (стихия небытия, деструкции и «ничтожности»), который, наряду с Логосом, формирует новую телеологию стиля. Автор вводит и детально разрабатывает понятие «квантованного» и дискретно-волнового характера художественного высказывания, где вербальная ткань сочетается с семантически значимыми лакунами, безднами и графическими элементами (точка, линия, тире), выступающими в роли символов меона и «распаковщиков» потенциальных смыслов. В работе анализируются морфологические признаки новых стилей: их орнаментальность, зрелищность, фигурность и космичность, а также природа бессознательности и безмерности (безначальность и бесконечность) как формообразующих принципов. Особое внимание уделяется синтезу гуманитарного и естественно-научного знания (синергетика, квантовая физика, теория множеств), позволяющему по-новому взглянуть на гетерогенность стилевых структур (сочетание монолитности и дискретности) и математическую моделируемость эстетических систем. Автор подчеркивает, что целью работы является поиск адекватных методик постижения «темной» семантики текстов Серебряного века. В финале обосновывается необходимость отказа от традиционной герменевтики в пользу вероятностных, виртуальных методов и феноменологического подхода, способных вскрыть активность человеческого духа в новых, логосно-меональных формах выражения.

Ключевые слова: Меон, Логос, Иное, ноосферное пространство эпохи, живая процессность, мнимость, бессознательность, ничтожность, дискретно-волновая поэтика, умное видение.

Ссылка для цитирования: Раков В. П. Не кризис, а единение Логоса и Меона // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 5—18.

V. P. Rakov

NOT A CRISIS, BUT A UNITY OF LOGOS AND MEON

Abstract. This work examines the fundamental transformation of the aesthetic paradigm at the turn of the 19th and 20th centuries, associated with the transition of culture to a “post-rhetorical” state. The key concept of the work is meon (the element of non-existence, destruction, and “nothingness”), which, along with Logos, shapes a new teleology of style. The author

© Раков В. П., 2009

© Раков В. П., 2026, с изменениями

* Текст приводится по изданию: Раков В. П. Не кризис, а единение Логоса и Меона // Антикризисный потенциал традиции и проблема имяславия / под ред. В. П. Океанского. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. С. 343—359.

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 5—18 ●

introduces and develops in detail the concept of the “quantized” and discrete-wave nature of artistic expression, where verbal fabric is combined with semantically significant lacunae, abysses, and graphic elements (dots, lines, dashes), acting as symbols of the meon and “unpackers” of potential meanings. The work analyzes the morphological characteristics of new styles: their ornamentation, spectacle, figurativeness, and cosmicity, as well as the nature of groundlessness and immensity (beginninglessness and infinity) as form-generating principles. Particular attention is given to the synthesis of humanities and natural sciences (synergetics, quantum physics, set theory), which allows for a new perspective on the heterogeneity of stylistic structures (the combination of solidity and discreteness) and the mathematical modeling of aesthetic systems. The author emphasizes that the goal of the work is to find adequate methods for comprehending the “obscure” semantics of Silver Age texts. Finally, the author substantiates the need to abandon traditional hermeneutics in favor of probabilistic, virtual methods, and a phenomenological approach capable of revealing the activity of the human spirit in new, logos-meonal forms of expression.

Keywords: Meon, Logos, Other, noospheric space of the era, living processivity, imaginary, groundlessness, insignificance, discrete-wave poetics, intelligent vision.

Citation Link: Rakov V. P. (2026) Not a crisis, but a unity of Logos and Meon, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 5—18.

Парадигмальный сдвиг, случившийся на рубеже XIX—XX столетий, связан с постриторическим состоянием культуры [Аверинцев, 1996: 12], что не могло не изменить представлений о языке литературного творчества. Реакция на этот процесс со стороны научной мысли весьма противоречива: одни филологи ассоциируют произошедший переворот с кризисом, другие же, и, похоже, их большинство, усматривают в новой эстетической формации признаки поступательного движения и существенное креативное содержание. Мы полагаем, что последняя точка зрения реалистичнее, нежели первая, еще не успевшая отдалиться от горячечной атмосферы советского литературоведения с его агрессивной полемичностью ко всему, что не соответствовало канонам жизнеподобия и так называемому «здоровому смыслу». Сейчас нет надобности опровергать анахронический скептицизм, а полезнее высказать соображения, которые базируются на аксиомах, принятых в современной науке.

Прежде всего здесь необходимо сказать о новом зрении, в горизонте которого оказались культура и творчество вообще. Изменился модус их восприятия, что приблизило исследователей к адекватному пониманию художественных шедевров и литературного процесса Серебряного века. Стало ясно и то, что в ноосферном пространстве эпохи установился режим известного [у]ожесточения самой онтологии искусства, его ритмики и темпа, напоминающих развитие, не лишённое моментов катастрофизма. Исследователь пишет по этому поводу следующее: «В акте саморазрушения только и может теперь существовать культура. Пока она себя не подрывает, не подтачивает, она не живет. Вне импульса саморазрушения она может быть только лживой, мертвой и поддельной» [Якимович, 2004: 46].

Само собой разумеется, что речь не идет о каком-то мазохистском самоуничтожении. Напротив, творчество расширяет пределы своих созидательных возможностей и стремится обрести такую свободу, которая не сковывается ограничениями, в первую очередь, обязательным принципом смысловой ясности, как

это понималось риторико-классической традицией. Живая процессность эстетического мышления вскрыла его большую сложность и загадочность, чем предполагалось ранее. Было уяснено, что «смысл искусства не сводится к тому, чего ждет от искусства культурный, разумный <...> homo sapiens», ставя теоретиков творчества перед задачей: «осваивать проблему Иного» [там же: 47]. Что собою представляет это Иное, мы попытаемся установить в данном кратком очерке об основных концептах релятивистской поэтики. Но вернемся к кризисологическим аспектам проблемы, содержание которой необходимо освободить от эсхатологических обертонов. Вслед за А. Ф. Лосевым скажем, что бескризисных эпох история не знает. Стагнация традиционных методов и стилей перекрывается другими эстетическими доминантами, что и наблюдается в эпоху Серебряного века. Художественный и философский Ренессанс — одна из блестящих страниц русской культуры, и мы должны смотреть на подобные явления с позиций их ценностной значимости, как это делают, например, специалисты в области истории европейского искусства. Один из них указывает, «что Возрождение — плоть от плоти Средних веков, и что оно является затяжным и чрезвычайно плодотворным кризисом средневековой культуры <...>» [Степанов, 2003: 10]. Более того, искусство этого времени как бы перерастает самого себя, движимое пророческими интенциями, определившими «характер европейского искусства на полтысячи лет вперед, вплоть до беспредметного искусства XX века» [там же: 70]. Да, сказано верно! Что же касается Серебряного века, то, несмотря на обширную специальную литературу, делать выводы, подкрепленные конкретным знанием морфологии искусства эпохи, составности и типологии стилей, преждевременно. В наших ранее опубликованных работах эти проблемы получили частичное освещение. Там мы размышляли о так называемых релятивистских стилях. Этот термин — отнюдь не символ творчества, замешанного на идее сквозной иронии. Он означает лишь то, что в результате слома классических стереотипов созидания *слово* лишилось прерогатив абсолютной величины в составе литературного стиля: ведь, кроме него, в телеологических структурах нового типа проявляют себя и такие ингредиенты, которые, как и логосные составляющие эстетического речения, обладают порождающими и регулятивными функциями. Новость тут и в том, что исследователь сталкивается с дотоле не встречавшимся феноменом. Мы имеем в виду такой специфический признак эстетического высказывания, как отсутствие в нем морфности. Это — вакуум между словами, названный М. Цветаевой «безднами», которые содержательно «резче и весче слов». Однако этот вакуум обнимает речение всецело — не только изнутри, но и — в его начале и в конце. Таким образом, высказывание становится дискретным, включая в себя до- и пост-словесные зоны. Стиль, следовательно, состоит из текста и его *мнимости*, которая обладает не меньшей значимостью, чем лексическая (логосная) его составляющая [Цветаева, 1994: 497].

Можно считать, что с этого рубежа стиль мыслится нами в качестве сложной синергетической системы, воспринимаемой в виде континуума, исток которого располагается в координатах безосновности или ничтожности, волею художника и его слова вовлеченной в выразительный семиозис искусства. Чтобы быть точным и оперировать средствами языка, который используется как философами, так и писателями Серебряного века, следует сказать так: стиль новой формации включает в себя не только Логос, но и то, что выражается термином «меон» (μη ὄν). Он означает стихию небытия и деструкции, являясь *иным* по

отношению к определенности формы, структуры и вообще порядка. В живой ткани искусства категория меона насыщена глубоким и разносторонним содержанием. Надо ли говорить о том, что представление о меоне или ничтожности исторически изменчиво, поэтому такой оригинальный мыслитель, как В. В. Налимов, писал о том, что оно «скользит», «как любое другое понятие, развиваемое творческим интеллектом» [Золотухина-Аболина, 2005: 56].

Если окинуть мысленным взором стиль в его конструктивной выстроенности, то он развернется перед нами в виде неисследимой ничтожности, на фоне в глубине которой разбросаны лексемы и их группы. Эта картина — осуществленная проекция неохватного космоса с его светилами и пространством между ними. Такой модус конструирования стиля имеет свои следствия и — немалые. Но сейчас важно утвердиться в мысли о том, что *космичность* как морфологический элемент телеологической структуры переводит ее из традиционного в совершенно другое филолого-культурологическое измерение, требуя соответствующих методик постижения литературного творчества. Эта повелительность совпадает с тенденцией современного знания к синтезу гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, пролагая тем самым путь к «открытой эпистемологии» [Нестерук, 2006: 80].

Раз уж мы заговорили о космичности как онтологическом свойстве стиля, скажем и о том, что тут нельзя сбиваться на пустые абстракции. Надо помнить об антропном принципе постижения Вселенной. Поэтика Серебряного века манифестирует эстетическое единство человеческого и той стихии, что простирается вокруг и в неоглядных далях меона.

Теперь самое время сказать, что в новых стилях мы имеем дело с такой моделью художественной речи, которую можно отнести к типу *квантованной*, а поэтику, возведенную на этом принципе, считать *дискретно-волновой*. Читателю требуется определенное усилие, чтобы привыкнуть и к необычной конфигурации эстетического речения, и к рождающейся на глазах «темнотной» семантике текста, вызывающей к интуитивному ее постижению.

Стили Серебряного века многочисленны и разнообразны. Но мы неоднократно повторяли, что в искусстве нет «чистых» форм, тем более в эпохи их взаимного тяготения друг к другу [Корецкая, 2000]. Традиция и новизна сосуществуют в них вполне органично, намекая тем самым на извечное единство художественного творчества. При этом мы говорим о доминирующих характеристиках стилей релятивистского типа, подчеркивая, что они базированы не на издавна известных и «правильно» структурированных лингвистических средствах выразительности, а на основе умышленно размытого смыслового паттерна с вытекающими отсюда следствиями формального характера.

Писатели рубежа столетий не были ортодоксами, их творческое самочувствие не утеснялось той или иной идеологией и практикой выразительных форм. Напротив, они работали в системе и так называемых «монолитных» стилей, и в модусе дискретно-волновых методологий, причем те и другие не существовали у них порознь, но нередко были явлены в границах одного и того же произведения. Примеры из творений А. Белого, футуристов, М. Цветаевой и других художников были бы здесь как нельзя более убедительными. Но тут выявляется проблематика, интересная как для историков, так и теоретиков литературы.

Первым, что бросается в глаза, является различная мера уплотненности художественного текста на всей протяженности стилевого построения. Здесь мы

наблюдаем участки нераздельного лексического единения эстетических речений. Это — характерная черта традиционной риторичности высказывания, его *сплошность*. В таких случаях словесные массы следуют, по мысли Л. Толстого, логике *сцепления* — одной лексемы с другой и всеми последующими. Вся эта массивность манифестирует себя как целостность, закованная в рамки стереотипно оформленной страницы. Поэтому возникает впечатление, что расположение текста на поверхности листа эстетически нейтрально — и по отношению к тому, что дано в содержании, и к тому, как эту внешнюю речевую композицию воспринимает читатель.

Более интересна разуплотненная формация стиля. Она создается с целеустремленным культивированием *лакун* между словами, неожиданных *сгибов* в строчности речевого потока и его *змеения*. Чередование ничтожности и вербальных средств выразительности, опять-таки охваченных стихией меона, есть принцип визуализации стиля как речевой системы. Здесь есть что разглядывать, как и присутствует то, над чем необходимо задуматься. В первую очередь, важна общая картина текста: она складывается спонтанно, прихотливо, избегая возможности быть рационально объяснимой. Новые стили не только графичны, но и орнаментальны; они несут в себе мифологию и символику, семантика которых теряется во мгле тысячелетий. Читательский взор следит за извивами речи. Однако он останавливается и на разрывах между словами, утрачивая надежду на постижение их целесообразности. Так художник стремится сосредоточить внимание воспринимающего на *непонятном*, которое дотоле не то чтобы игнорировалось искусством и теоретической мыслью, но, скажем так, подвергалось известной дискриминации со стороны рационализированных поэтик с их требованием ясного смысла и хорошо структурированной формы в любых произведениях литературы. Теперь же утверждалось другое: единство понятного и непонятного, морфного и бесплотного, формированного и аморфно данного. Во множестве опубликованных работ мы писали о пристрастии футуристов, А. Белого и иных прозаиков и поэтов к *меонизированию* стиля, чем достигался эффект взаимного сенсорно-семантического обогащения гармонических и деструктивных его элементов. Мы пытались также обосновать тезис о синергетической природе художественных структур релятивистского типа, связав, таким образом, новую поэтику с современными учениями о неравновесных структурах, порядке, хаосе и другими концепциями в области квантовой физики.

Эти интеллектуальные процедуры нужны нам не для того, чтобы эстетизм искусства растворить в когнитивных принципах науки, а для того, чтобы в опыте последней найти ответы на вопросы, ранее поставленные художниками Серебряного века.

Подчеркнем, что задача языкового расширения искусства была одной из главных в системе литературного новаторства. И тогда, когда были открыты бездны ничтожности и когда меон стал пониматься не только как бессмысленный хаос, ужас и деструктивная хтоника, но, вместе с тем, как лоно и источник потенциальных, возможностных смыслов и творческих импульсов, — тогда возник вопрос о том, как чисто практически, то есть речевым образом семантизировать и наделить некими знаками эту стихию. Ясно, что в форме собственно образов этого не сделать, ведь она, стихия, если и созерцаема, то только *умным видением*, а не воображением, воспитанным на телесно-классическом и чувственном искусстве. Точка и линия были призваны к тому, чтобы, выражаясь

языком В. В. Налимова, распаковывать те потенциальные смыслы, которые залегают в неисследимом меоне. Они, эти знаки, — не эйдосы, но всего лишь их символы, не изображение, но означивание. Функциональная нагруженность их весьма велика, а семантика — не описываема, потому что содержание, которое стоит за ними, — невыразимо. Сложность этих синтаксических средств и именно в контексте релятивистских стилей многократно возрастает оттого, что они отдалены от законов грамматической конвенциональности, действуя в импровизационных системах, где очень силен элемент спонтанности в деле построения морфологии и структуры высказывания. Не будем входить в глубину проблемы, сейчас нам важно знать, что точка и линия — доступные человеку инструменты символизации меона. Этого достаточно для того, чтобы не чувствовать себя теоретически бессильным перед мглистой стихией в составе стиля: ведь ее означенность есть указание на победу Логоса, который вовлекает тьму в просторность смыслового света и заставляет ее служить запросам телеологии художественных структур. Поэтому начальное представление о целостности стиля как главенствующей дефиниции релятивистской поэтики базируется на идее меонально-логосного единства, содружества, как уже отмечалось, понятно и непонятного, вербально-предметного и бесплотного.

Единство такого рода запечатлено прежде всего в минимальной единице эстетического высказывания — кванте. Этот термин был введен в поэтологические и языковые штудии Р. Якобсоном. Правда, ученый дал его трактовку на материале традиционно понимаемой модели высказывания, но все же такой признак кванта, как его *волнообразность*, им был зафиксирован. В нашем понимании исходный элемент речения есть сочетание меональной бесплотности и морфности, словесного небытия и бытия, и далее — во множественной вариативности: семантически нулевого и лексически определенного, звукового и безмолвного, монолитно-непрерывного и дискретного. Все эти качества характеризуют сущность кванта и его волновую специфику: он есть частица (речения) и волна, задаваемая импульсом прерывности. На сегодняшний день процесс формирования кванта остается рационально необъяснимым; можно говорить, что он подчиняется логике случайности или, этот термин для нас предпочтительнее, спонтанности, которую В. В. Налимов трактовал как понятие, более фундаментальное, полагая, что оно относится к динамике и эволюции текстовых смыслов в их непредсказуемой взаимосвязанности. Квант — языковая единица, соединяющая в себе принцип безосновности и определенность морфности, какой бы она ни была — семантически насыщенной, разреженной или откровенно заумной.

Безосновностью кванта аргументируется его трансцендентность, открытость в необозримые просторы ничтожности, где «упакованы» неисповедимые смыслы. Квант напрямую связан с феноменом эстетического чуда, невиданного в системе классических стилей. Релятивистская поэтика более изобретательна в обращении со словом, с проектированием его места в общей архитектуре речения. Она утверждает такие конфигурации эстетического высказывания, с которыми традиционные риторика и поэтика практически были не знакомы.

Слову и синтаксическим знакам предписана задача как можно более обширной экспансии космичности, в значении которой полагается *страница*, ставшая в художественном сознании творца текста «вотчиной поэзии» (С. Малларме). И эта операция осуществляется не только путем «расстава»

(А. Белый) слов на поверхности листа, но и его разрисовкой множественной точечностью и прямо-таки роскошным многообразием линий. Так происходит освоение Логосом стихии меона, вовлечение его в границы смыслового паттерна, что вовсе не означает его, меона, окончательной исчерпанности. Художнику это было бы не по плечу, да он и не стремится к подобной цели: ведь в случае ее достижения он потерпел бы творческую неудачу, оказавшись в тенетах плоской рациональности, то есть все того же меона, который, по заключению В. Ф. Эрн, есть не что иное, как из нее «вытекающее, тайное и скрытое» следствие [Эрн, 1991: 78].

В сфере релятивистской поэтики сказывается усиленная роль пространственного фактора, определяющего конфигуративную специфику текста. Мы также знаем, что эффект космической разбросанности лексических масс на странице достигается путем мобилизации ресурсов синтаксиса, помогающего создать, по характеристике О. Шпенглера, «язык дали», где сочетаются смысловая глубина и ее оптически воспринимаемая структура [Раков, 2003: 54—56]. «В этом отношении, как писал Р. О. Якобсон, грамматика напоминает геометрию» [Якобсон, 1983: 473], посрамляя при этом излишне жесткую позицию сторонников идеи монолитности стилей.

С синтаксисом связано весьма многое в тексте — с точки зрения его качественного своеобразия. Это, в первую очередь, топографическое отличие высказывания от речений, построенных по классическим моделям, вследствие чего происходит возникновение сенсорных и семантических обертонов, вызываемых образующимися лакунами в структуре наррации. Гнезда речевой апофатичности возникают «поверх конкретной лексической «утвари» словесного искусства» [там же]. Здесь будет уместным привести исследовательские наблюдения над стилем Ф. Ницше, этого предтечи релятивистских стратегий в литературе. Читатель произведений немецкого мыслителя, указывает К. А. Свасьян, «сталкивается с парадоксом *превосходящего себя языка*, который всякий раз оказывается чем-то большим, чем он есть» [Свасьян, 1990: 772]. Углубляя и конкретизируя анализ, ученый замечает, что, кроме вербального уровня текста, у Ницше высокозначимым является «слой интонационно-ритмической семантики, *информирующей* поверх чисто словарной семантики» [там же]. Далее автором развивается мысль о стиле как танце, что отличает новую поэтику от ее классических вариантов [Раков, 2007: 56]. Теперь хотелось бы сказать следующее.

То, что грамматика, в частности синтаксис, выступает в качестве организующего и регулятивного принципа культуры, с особой наглядностью видится в литературных текстах. По состоянию гуманитарного знания на сегодняшний день это положение можно считать неколебимым. Усиливающей нотой здесь может служить указание на классические стили или дискурсы с их речевой монолитностью и, вспомним выражение Ю. Н. Тынянова, с теснотой (у него — стихового) лексического ряда. Грамматика возлагает на себя тяготы упорядочивания — семантического и формального. И в этом проявляется ее логосная природа. Смысловой и выразительный дизайн грамматически оформленной речи ведет к ее геометризации, возбуждая провокативную энергию *зрелищности* высказывания — по крайней мере в его письменной осуществленности, на что остро отреагировал Якобсон, отметивший, что «здесь наблюдается глубокая аналогия между ролью грамматики в поэзии и живописной композиции,

базирующейся на явном или скрытом геометрическом порядке <...>» [Якобсон, 1983: 472]. Прервем цитату, чтобы вскоре вернуться к ее продолжению.

Дело в том, что филолог опирался в своих суждениях в основном на стратегический опыт классических стилей и потому не фиксировал внимание на иных моделях эстетического высказывания [Раков, 2004: 187—188]. В противном случае он снабдил бы более принципиальной коннотацией окончание только что приведенного периода. Последний же завершается так: «<...> или на отпоре против геометричности» [Якобсон, 1983: 472]. Как часто бывало у мэтра, тут его интуиция опередила собственно дискурсивную реакцию, оставив в стороне специальное рассмотрение иррационально-дискретную составляющую новых стилей. Однако в любом случае его соображения о некоем единстве грамматики и геометрии стиля остаются и донныне большой научной ценностью.

Элементы иррационального, выраженные средствами синтаксиса, о чем сказано выше, конечно же, подчинены телеологическим заданиям стиля, какими бы загадочными эти задания ни были. Сверхвербальный уровень выразительности с особой убедительностью реализуется в новой поэтике средствами, если воспользоваться термином Ж. Деррида, «настоящей *графической риторикой*» [Деррида, 2000: 229]. Об этой стороне дела мы знаем еще очень мало, но заметим, что эстетические структуры релятивистского типа с их разрывностью и «безднами» — «двусмысленными и сверхдетерминированными» — располагают таким содержанием, которое по своим когнитивным параметрам вполне способно превзойти традиционную стилистику. «Неискоренимо графическая поэтика» [там же: 231] возвращает читателя и исследователя к истокам *начертательного* запечатления мысли, ибо, как говорит автор сочинения «О грамматологии», «мыслить — это значит *починать* эпистему резцом своего письма» [там же: 233], которое, как известно, начинается с точки и линии.

Несколько ранее мы размышляли не только о живописных характеристиках изучаемой поэтики, но и о признаках ее зрелищности. Но что значит зрелищность стиля?

Прежде всего это — его оптика, имеющая как внешнюю сторону, так и внутреннюю призму, восходящую к глубинам художественного мировоззрения. Первая из них строится для восприятия стиля как явления — чужим взглядом, взглядом наблюдателя. Другая же имеет интимную природу, сигнализирующую о зрительной реакции на мир, подобно тому, как это изображено на одной из картин Эль Греко: ночь в Толедо и созерцающее ее око. Понятно, что в литературе подобный феномен инспирируется логосной энергией, получившей у нас название самого себя мыслящего слова [Раков, 2007: 59—60], благодаря которому стиль созидает себя в модусе визуального «обольщения», очарования или, как говорила М. Цветаева, «чары». Только при таком усилии Логоса возникает возможность обозревать телеологическую структуру в ее фигурности, лакунарной неожиданности внутри лексического строя, а также в меональной беспредельности, которой охвачены словесные массы в начале и в конце эстетического предложения. Таким образом, литература пришла к философии новой поэтики как проекции космического дизайна на поверхности вербализованной композиции [Раков, 2006а: 279]. Творческие поиски в этом направлении носили интенсивный характер, о чем не подозревают спешно пишущие люди, убежденные в том, что «в России никогда не было никакой оптики. Сегодня ее нет и на Западе, нет нигде» [Маяцкий, 1995: 49].

Вышесказанного достаточно, чтобы продвигаться дальше, уделив внимание *числовому* срезу релятивистских стилей. Для начала полезно напомнить общеизвестное, именно, неподдельный интерес как символистов, так и писателей футуристического круга, к вопросам математических оснований творчества. Об А. Белом, в частности, и его реакции на теорию множеств Г. Кантора нам уже доводилось писать [Раков, 2006б]. Здесь же скажем, что интерес художника к трудам математика диктовался тем, что «учение о множествах есть учение о некоторой несомненной идеально-оптической фигурности» [Лосев, 1995: 499]. В поэтологической системе А. Белого оптика стиля играет важнейшую роль, начиная от внешнего устройства и кончая его глубинными уровнями. Поддержка творческих исканий со стороны точной науки явилась для художника желанным сюрпризом. Но в чем сказалась реальная функция числа? — В том, что именно оно стало маркировать (в прикровенном виде, конечно) меональную стихию, озаменованную точками/отточиями, линиями — тире/дефисами и, наконец, те «бездны», которые остаются графически неозначенными (как это наблюдается у футуристов), но визуально дают знать о себе в форме ла-кун между словами. А то неисследимое, что составляет до- и посттекстовое пространство, также математически (оптически) актуализировано, потому что не может не быть втянутым в развернутую структуру текста. Во всех подобных ситуациях мы говорим не о чем ином, как об операции *счисления* бездн — внутри текста и вне его.

Штриховая обрисовка проблемы показывает: вопрос о числе в составе новых стилей заключается в том, что математический компонент располагает не только мифолого-символическим потенциалом, но и функцией *корреляции* динамико-топографических координат художественно-языковой структуры. Чередование лингвистической морфности и вакуума, а также пространственное манифестирование этого монолитно-дискретного единства — вот компетенция числа в релятивистской поэтике.

Итак, в настоящей работе изучаются проблемы таких стилей, где средства синтаксиса, а также их отсутствие (живой парадокс модернистского творчества!) создают головокружительные узоры речений, таящие в себе археологическую память и мглистые ассоциации докультурных времен. Поэтому прежде всего здесь необходимо отдать должное той дефиниции, содержание которой налагает печать впечатляющей оригинальности на всякий стиль, входящий в систему новой поэтики. Эта дефиниция — *меон* во всем разнообразии его семантики. В данном месте мы имеем основания привести лишь самое общее определение понятия, получившего разъяснения и комментарии в научной литературе. А. Ф. Лосев, например, излагает свои суждения следующим образом: «Меон не есть ни какое-либо качество, ни количество, ни отношение, ни бытие, ни устойчивость, ни движение. Он есть только по *отношению* ко всему этому, и именно *иное* по отношению ко всему этому» [Лосев, 1990: 54].

В стилях риторико-классической формации слово есть основа текста, оно же выступает и как инструмент его завершения. В этом смысле традиционное речение гомогенно, тогда как эстетическое высказывание в системе новой поэтики предполагает свою *инаковость*, то есть вот этот самый меон, о котором только что сказано. Формы проявления инаковости несметны, но здесь подчеркнем, что, в противоположность привычной сплошности текста, лексемы новых стилей, благодаря наличию меона, подразумевают пространство между ними и некую атмосферу, создаваемую не только благодаря вербальному ряду, но

и деструкции, привносимой меоном в монолитность высказывания [Лосев, 1993: 52]. Очевидно также, что если в классике стиль базируется на обосновывающем себя слове, образуя связность морфных единиц текста, то новая поэтика культивирует принцип *безосновности* эстетического речения — в том плане, что оно не всегда начинается со слова, но — то ли с некой гилетически-смысловой и эмоциональной активизации «пустоты» страничной поверхности, то ли с ряда отточий; что же касается финала высказывания, то он ознаменовывается теми же отточиями или тире, а то и вообще исчезновением каких-либо синтаксических символов. Таким образом, можно смело говорить о расширении морфологической составности стиля за счет введения в нее как «пустого» меона, так и ранее не актуализировавшихся элементов синтаксиса, часто используемых, и это — правда, в режиме а-грамматизма. В результате семантика словесных масс становится содержательно углубленной и обогащенной признаками *невыразимого*. Так «графическая риторика» стиля смыкается с его апофатикой. С этого порога, можно полагать, что нами уяснены формотворческие принципы, на которых возникают фигурность и кривизна релятивистских стилей, а также их квантованное устройство, начиная с наименьшей величины высказывания и кончая масштабами идеостилей как целостных образований.

Как известно, в искусстве нет «чистых» форм, потому что оно хранит в себе, как мы говорили выше, свою археологию, так что в релятивистской поэтике мы находим разнородность выразительных средств, указывающих на ее, поэтики, связь с предшествующими моделями эйдологического дискурса. Монолитность и разрывность, сплошность и дискретность речевых художественных практик — почти обычное явление в мировой литературе. Ю. М. Лотман, хотя и был далек от нашей проблематики, тем не менее сформулировал мысль о том, что «доминирование текстов дискретного или недискретного типа может быть связано с определенным этапом развития культуры. Однако следует подчеркнуть, что обе эти тенденции могут быть представлены как синхронно сосуществующие. Напряжение между ними <...> составляет один из наиболее постоянных механизмов культуры как целого. Господство одного из них возможно не как полное подавление противоположного типа, а лишь в форме ориентированности культуры на определенные структуры как доминирующие» [Лотман, 2008: 187—188]. В нашем случае присутствует лишь та особенность, что раздельность в устройении текстов представлена в более чем гипертрофированном виде, обнажая тот драматизм, который свойствен не только стилевому, но и общекультурному постанову (термин М. Хайдеггера) упомянутой эпохи.

Кажется, релятивистская поэтика могла бы укрепить *безымянную* историю литературы: ведь в текстах этой парадигмы, в самой их организации и структуре так много факторов, вроде бы изгоняющих автора: и эти пустоты между словами, и они же, означенные отточиями и тире — в до- и посттекстовом пространстве, да и, наконец, сама *пустая* страница. Так что для «смерти» индивидуальности здесь много и причин, и места. Однако тот, кто так подумает, грубо ошибется. В новых стилях ярко проявляется тактика *следовой* реализации творческого «я» писателя — в рисунке образов, их контурах и в содержательности замысла произведений, воплощенного в визуально-игровое и целостно-зрелищное единство. Структура этого единства случайна и трудно предсказуема. Господство графики как одного из ведущих принципов оформления текста на странице подчинено спонтанности синтагм, на первый взгляд, не находящихся

сколько-нибудь рациональных объяснений. Но все же есть, пусть и не универсальный, способ извлечения из этих *кривизн* известного смысла. Тут на помощь приходит «средство» Пифагора, полагавшего, как известно, что число залегает в причине всего, равно как и в основе искусства. Регулятивная парадигматика числа в корпусе релятивистских стилей создает возможность их математического моделирования, переводя, таким образом, доразумную стихию меона в план фигурно-логического его понимания.

Есть еще одна проблема, требующая пристального рассмотрения. Мы имеем в виду континуальность стилей нетрадиционной формации. К сожалению, нам неизвестны работы, в которых осознавалась бы острая актуальность этой темы.

В свое время Николай Кузанский писал: «<...> умом (*mens*) является то, от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей» [Кузанский, 1979: 38]. Текст классического типа целиком соответствует данному определению: ведь он строится художником с пониманием того, что есть его начало и окончание. Ко всему прочему, автор словесного сочинения стремится к соразмерности всех его частей, на основе чего и формируется гармония как высшая мера эстетизма произведения. Совсем иначе обстоит дело в системе релятивистской поэтики, в которой воплощается принцип безмерности и отсюда вытекающие следствия: безначальность и бесконечность самого стилевого тела, почему и мыслимого в виде открытой формы. Вероятно, понадобится феноменологическое литературоведение, которое, в частности, займется изучением гиперсложной темы, именно, телеологией стилей нового типа. В наших же силах — лишь наметить некоторые опорные пункты этой проблематики. Поэтому в настоящем исследовании можно говорить только о «попытке понимания космоантропного смысла» изучаемых нами «форм выражения» [Бычков, 2008: 806].

И, пожалуй, последнее. Заимствуя у лингвистов известную формулу, обычно пишут о семантике объекта изучения, его синтактике и прагматике. О первых двух задачах автора настоящего труда, кажется, сказано довольно явно. Что же касается третьего звена приведенной формулы, то оно столь же многосоставно, как содержание и конфигуративный облик стиля. Тут, видимо, актуально изучение и коммуникативно-суггестивных спектров эстетических высказываний, и личностных культурно-поведенческих моделей с их, может быть, не всегда верифицируемыми смыслами. Просторы неисследимого, где размещены дискретные стилевые структуры, вызывают не столько к жизненно-реалистической герменевтике, сколько к ее вероятностным и даже виртуальным методам, содействующим широкомасштабному выявлению активности человеческого духа, выраженного в логосно-меональных формах новой поэтики.

В заключение обратим внимание на следующее. Как известно, наиболее очевидное многими людьми не замечается. Так, специалисты по Серебряному веку проходят мимо такого понятия, как меон, в то время как оно не сходит со страниц сочинений философов и писателей той эпохи. Досадно.

Великое начинается с малого. Это хорошо видно на примерах самой составности новых стилей, где функционируют такие величины, с которыми ранее никто не связывал идею парадигмального сдвига в искусстве. Но вот В. Кандинский, развивая мировую культурную традицию, писал, что внедрением, например, точки в словесную структуру были «потрясены самые основы печатного текста» [Кандинский, 2001: 208]. В том же духе размышлял писатель и мыслитель Г. К. Честертон, специально подчеркивавший: «Первая линия

рисунка перерезала историю мира» [Честертон, 2006: 59]. В том и другом случаях говорится не о чем ином, как о парадигмальных качествах указанных символов. Несомненно, что такой угол зрения открывал возможность для осмысления точки и линии — именно в сфере искусства, искусства письма, где *эстетическое* начинается с *чуда*, без чего непредставима никакая новизна в этой области творчества [Раков, 2002]. Пожалуй, меон, точка и линия — это понятия, с которых и надо начинать исследование релятивистских стилей, явившихся основой и своеобразной прогностикой искусства нашего времени.

Библиографический список / References

- Аверинцев С. С. Предисловие // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 7—12.
(Averintsev S. S. Preface, in Averintsev S. S. *Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition*, Moscow, 1996, pp. 7—12. — In Russ.)
- Бычков В. В. Код к художественному синтаксису культуры // Бычков В. В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века. 2-я кн. М.: Культурная революция, 2008.
(Bychkov V. V. Code for the Artistic Syntax of Culture, in Bychkov V. V. *Artistic Apocalypse of Culture. Stromata of the 20th century, 2nd book*, Moscow, 2008. — In Russ.)
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 520 с.
(Derrida J. *About Grammatology*, Moscow, 2000, 520 p. — In Russ.)
- Золотухина-Аболина Е. В. В. В. Налимов. Москва; Ростов-на-Дону: MapT, 2005. 122 с.
(Zolotukhina-Abolina E. V. V. V. *Nalimov*, Moscow; Rostov-on-Don, 2005, 122 p. — In Russ.)
- Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2001. 544 с.
(Kandinsky V. *Point and Line on a Plane*, St. Petersburg, 2001, 544 p. — In Russ.)
- Корецкая И. В. Литература в кругу искусств // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: Наследие, 2000. С. 131—190.
(Koretskaya I. V. Literature in the Circle of Arts, in *Russian Literature at the Turn of the Century (1890s — early 1920s)*, book 1, Moscow, 2000, pp. 131—190. — In Russ.)
- Кузанский Николай. Простец об уме // Кузанский Николай. Соч.: в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 385—444.
(Kuzansky Nikolai. The Simpleton on the mind, in Kuzansky Nikolai. *Works*: In 2 vols, Moscow, 1979, vol. 1, pp. 385—444. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 269 с.
(Losev A. F. *Philosophy of the Name*, Moscow, 1990, 269 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
(Losev A. F. *Essays on Ancient Symbolism and Mythology*, Moscow, 1993, 962 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 405—583.
(Losev A. F. Music as a subject of logic, in Losev A. F. *Form — Style — Expression*, Moscow, 1995, pp. 405—583. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Письмо от 15 сентября 1971 года // Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка (1964—1993). М.: НЛО, 2008. С. 187—188.

(Lotman Yu. M. Letter dated September 15, 1971, in Lotman Yu. M., Uspensky B. A. *Correspondence (1964—1993)*, Moscow, 2008, pp. 187—188. — In Russ.)

Маяцкий М. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии // Логос. 1995. № 6. С. 47—76.

(Mayatsky M. Some approaches to the problem of visuality in Russian philosophy, *Logos*, 1995, no. 6, pp. 47—76. — In Russ.)

Нестерук А. Логос и космос: Богословие, наука и православное предание. М.: ББИ, 2006. 399 с.

(Nesteruk A. *Logos and Cosmos: Theology, Science, and Orthodox Tradition*, Moscow, 2006, 399 p. — In Russ.)

Раков В. П. Стиль как чудо: Точка (Материалы к теме) // Филологические штудии. 2002. Вып. 6.

(Rakov V. P. Style as a miracle: Point (materials on the topic), *Philological studies*, 2002, no. 6. — In Russ.)

Раков В. П. Филология и культура. Статьи. Иваново: МИК, 2003. 288 с.

(Rakov V. P. *Philology and Culture. Articles*, Ivanovo, 2003, 288 p. — In Russ.)

Раков В. П. – (...) + etc. (К теории языкового кванта) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Вып. 6. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 185—193.

(Rakov V. P. – (...) + etc. (Towards the theory of the language quantum), *Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and the Artistic Searches of the 20th century*, 2004, vol. 6, pp. 185—193. — In Russ.)

Раков В. П. Языковой квант в тотальности стиля // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. 2006а. Вып. 7. С. 265—280.

(Rakov V. P. Language quantum in the totality of style, *Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and the Artistic Searches of the 20th century*, 2006, vol. 7, pp. 265—280. — In Russ.)

Раков В. П. Бесформенность, точка и число в составе релятивистских стилей // Малые жанры: теория и история. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006б. С. 108—117.

(Rakov V. P. Formlessness, point and number in the composition of relativistic styles, in *Small Genres: Theory and History*, Ivanovo, 2006, pp. 108—117. — In Russ.)

Раков В. П. Стиль как визуальный образ // Принцип визуализации в истории культуры: Сборник материалов научно-теоретического семинара памяти А. Тарковского / под ред. И. Ю. Добродеевой. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2007. С. 42—65.

(Rakov V. P. Style as a Visual Image, in Dobrodeeva I. Yu. (ed.) *The Principle of Visualization in the History of Culture*, Shuya, 2007, pp. 42—65. — In Russ.)

Свасьян К. А. Примечания // Ницше Фр. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 770—809.

(Svasyan K. A. Notes, in Nietzsche Fr. *Works*: in 2 vols, Moscow, 1990, vol. 2, pp. 770—809. — In Russ.)

Степанов А. Искусство эпохи Возрождения: Италия. XIV—XV века. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2003. 496 с.

(Stepanov A. *Art of the Renaissance: Italy. XIV—XV centuries*, St. Petersburg, 2003. 496 p. — In Russ.)

Цветаева М. Смерть Стаховича // Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 497—507.

(Tsvetaeva M. The Death of Stakhovich, in Tsvetaeva M. *Collected Works*: In 7 volumes. Moscow, 1994, vol. 4, pp. 497—507. — In Russ.)

Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Рипол Классик, 2006. 416 с.
(Chesterton G. K. *The Eternal Man*, Moscow, 2006, 416 p. — In Russ.)

Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Опыты философские и критические // Эрн В. Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 11—294.
(Ern V. F. The Struggle for logos. Philosophical and critical essays, in Ern V. F. *Works*, Moscow, 1991, pp. 11—294. — In Russ.)

Якимович А. Генрих Вёльфлин и другие: О классическом искусствознании неклассического века // Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко: исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 9—47.
(Yakimovich A. Heinrich Wölfflin and others: On classical art criticism of a non-classical age, in Wölfflin H. *Renaissance and Baroque: a Study of the Essence and Development of the Baroque Style in Italy*, St. Petersburg, 2004, pp. 9—47. — In Russ.)

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462—482.
(Jacobson R. Poetry of grammar and grammar of poetry, in Stepanov Yu. S. (ed.) *Semiotics*, Moscow, 1983, pp. 462—482. — In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Раков Валерий Петрович (1936—2021) — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и истории русской литературы XX века, Ивановский государственный университет (1978—2009), г. Иваново, Россия.

Rakov Valery Petrovich (1936—2021) — Doctor of Sciences (Philology), professor, professor of the department of literary theory and history of Russian literature of the 20th century, Ivanovo State University (1978—2009), Ivanovo, Russian Federation.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 101.8:162.6

DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.19-27

И. И. Булычёв

ТРИАЛИСТИКА (ТРИАЛЕКТИКА) КАК ЗАПРОС НА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКУЮ И НАУЧНУЮ МЕТОДОЛОГИЮ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В работе обосновывается необходимость пересмотра классических диалектических оснований философии и методологии науки в условиях становления ноосферного цивилизационного уклада. Центральной идеей исследования выступает концепция триалистического метода как качественно новой формы диалектики. В отличие от традиционной диалектики, акцентирующей внимание на «раздвоении единого» и борьбе противоположностей, триалистика предлагает трехкомпонентную структуру анализа, что позволяет более полно и системно охватывать сложные, гетерогенные объекты современной науки и социальной практики. Подчеркивается, что принцип противоречивости сохраняется и в триалистике, но «уточняется» принципом дополнительности и структурно-функциональной целостностью. В качестве операционального инструментария вводится и детально раскрывается универсальный логико-философский алгоритм, включающий три базовых правила: 1) исследование атрибутов, 2) выделение сторон центрального противоречия, 3) описание структуры и функций мировоззренческих и научных категорий. Автор доказывает, что экстенсивный путь наращивания учебных часов и дисциплин ведет в тупик, и предлагает альтернативу: использование фундаментальных теоретических алгоритмов («теоретических клипов») в качестве сжатых, но емких смысловых матриц. В заключение формулируется вывод о том, что триалистическая методология органично вписывается в ноосферный вектор развития человечества, служа адекватным инструментом познания в эпоху доминирования искусственного интеллекта (ИИ) и сложных самоорганизующихся систем.

Ключевые слова: диалектика и триалистика, универсальный логический алгоритм, принцип дополнительности, структурно-функциональный подход, понятийно-текстовое и клиповое мышление.

Ссылка для цитирования: Булычёв И. И. Триалистика (триалектика) как запрос на мировоззренческую и научную методологию современности // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 19—27.

Original article

I. I. Bulychev

TRIALISTICS (TRIALECTICS) AS A REQUEST FOR THE PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC METHODOLOGY OF MODERNITY

Abstract. The paper substantiates the need to reconsider the classical dialectical foundations of philosophy and scientific methodology in the context of the emergence of a noospheric civilizational order. The central idea of the study is the concept of the trialistic method (trialectics,

© Булычёв И. И., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 19—27 •

trialistics) as a qualitatively new form of dialectics. Unlike traditional dialectics, which emphasizes the “bifurcation of the one” and the struggle of opposites, trialistics offers a three-component analytical structure, which, according to the author, allows for a more comprehensive and systematic coverage of the complex, heterogeneous objects of modern science and social practice. It is emphasized that the principle of contradiction is preserved in trialistics, but is “clarified” by the principle of complementarity and structural-functional integrity. A universal logical-philosophical algorithm is introduced and detailed as an operational toolkit, including three basic rules: 1) the study of attributes, 2) the identification of aspects of the central contradiction, 3) a description of the structure and functions of ideological and scientific categories. The author differentiates the categories of “system” and “structure”, offering a consistent interpretation. Particular attention is given to the applied and didactic potential of the proposed algorithm. The author demonstrates that the extensive approach of increasing the number of teaching hours and disciplines leads to a dead end, and proposes an alternative: the use of fundamental theoretical algorithms (“theoretical clips”) as condensed yet capacious semantic matrices. The conclusion states that trialistic methodology fits seamlessly into the noospheric vector of human development, serving as an adequate tool for cognition in the era of the dominance of AI and complex self-organizing systems.

Keywords: dialectics and trialistics, universal logical algorithm, complementarity principle, structural-functional approach, conceptual-textual and clip thinking.

Citation Link: Bulychev I. I. (2026) Trialistics (trialectics) as a request for the philosophical and scientific methodology of modernity, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 19—27.

Вступление. В мире, несмотря на постоянные коллизии, технологические скачки вперед и порой социальные откаты назад, постепенно прорастают ростки нового общественного уклада, который мы вправе связывать с тем, что все чаще именуем ноосферными изменениями. Следует заметить, что тренды ноосферности исследователями понимаются по-разному. При этом авторы сходятся во мнении о том, что рост пласта ноосферности ведет к качественному возрастанию уровня проникновения человека в закономерности окружающего его мира. Возрастает мощь научного познания. Наблюдается формирование все более развитого алгоритмического мышления, которое сегодня ведет к взрывному росту значимости искусственного интеллекта (ИИ) и его вторжению буквально во все сферы общественной жизни. Данный процесс все более смыкается с ходом роботизации.

В свою очередь, отмеченные выше процессы начинают оказывать все более эффективное обратное влияние на весь материальный социоприродный мир. С этой точки зрения, под ноосферной историей, не без основания, усматривают процесс «обустройства мира под формы духа» [Смирнов, 2006: 4; Смирнов Г., Смирнов Д., 2012]. В данной связи нельзя не согласиться с тем, что идеи ноосферологии актуализируются практически на каждом этапе развития общественного сознания (в том числе философского), эманации которого принимают различные формы. При этом всегда остается неизменным поэтапное конструирование холистической (комплексной) модели мира [Смирнов, 2012: 10]. Впрочем, все рассматриваемые процессы не лишены серьезных противоречий. Так, алгоритмизированный ИИ, наряду со своим социально ориентированным позитивным типом, формирует также негативный тип, несущий все возрастающие угрозы самому существованию земной цивилизации [Булычёв, Кирюшин, 2026].

Формирование шаг за шагом каркаса ноосферной цивилизации не может не сопровождаться постепенным обновлением всего спектра общественного сознания, в том числе философской теории и методологии, важной составной частью которых традиционно выступает диалектика, которая, как известно, в ходе исторического развития не раз меняла свои формы. В XXI столетии, на мой взгляд, формируется новая ее форма, которую можно назвать триалистической или триалектической. В последнее время понятие триалектики стало употребляться все чаще и при этом в самых разных и далеко не в идентичных смыслах¹. Учитывая сложившуюся ситуацию, вероятно, целесообразно форму, о которой пойдет речь, именовать *триалистической*. Что касается понятия триалектики, его можно употреблять в качестве синонима триалистики.

В мире наблюдается лавинообразный рост информации самого разного плана и уровня. Возрастает количество научных и философских дисциплин. Общество сталкивается с постоянными и настойчивыми требованиями введения в школе и вузе все новых курсов. Это требует увеличения времени, которое следует потратить на их изучение. Между тем экстенсивный путь решения (простое увеличение числа научно-исследовательских центров, количества лет обучения в школе и вузе) во многом исчерпал свои возможности. Тем не менее мы слышим призывы о введении 12-летнего обучения в школе. Далее могут потребоваться 13, 14 лет и т. д. Однако это путь в неизбежный тупик.

Уже сейчас почти у 60 % детей не хватает времени на увлечения или спорт. Этой проблемой озабочены Госдума и правительство нашей страны. О необходимости сокращения учебной нагрузки школьников, студентов вузов неоднократно говорил Президент РФ В. В. Путин. Учителя школ в рассматриваемой связи уточняют, что просто убрать часы было бы формальным подходом, что, скорее всего, приведет к самостоятельному изучению материала и, как следствие, снижению качества образования [Агранович, 2025].

Развитие цифровых технологий еще более усложняет ситуацию из-за расширяющегося влияния клипового мышления, которое имеет свои плюсы и минусы. Плюсы: защищает от перегрузки, развивает многозадачность, ускоряет реакцию. Минусы: оно кадейдоскопично, поверхностно-визуально, восприятие информации носит обрывочный характер. Некоторые исследователи считают, что сокращение учебных часов и упрощение программ также могут способствовать формированию клипового мышления, ведь современные дети предпочитают нетекстовую, наглядно-образную информацию и испытывают трудности в восприятии длительной линейной последовательности — однородной и монотильной информации, в том числе книжного текста [Белякова, 2014].

Универсальный логико-философский алгоритм как мировоззренческий образ триалистики. Какие же пути существуют для решения возникших проблем? Ныне все более насущной потребностью в деле эффективного развития фундаментальных научных и философских теорий становится методология, имеющая своей целью выделение их основополагающих алгоритмов (констант). Такой алгоритм представляет собой своеобразную форму «теоретического клипа» или фундаментальную логическую матрицу. Соответствующие схемы приобретают все большую актуальность, ведь им присущи особые дидактические

¹ Сергиенко П. Я. О триалектике и ее современном развитии. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0226/002a/02261255.htm> (дата обращения: 02.01.2026).

возможности, которые целесообразно использовать не только в исследовательских, но и в образовательных целях.

Сущность любого алгоритма — в его *последовательности*, которая связана с наличием определенного порядка, закономерностью вытекания одного из другого (например, последовательность событий, последовательность в рассуждениях и т. д.). Последовательность имеет свою опору в *регламентированности*, т. е. подчиненности системе точно установленных правил, ограничений и норм. Речь идет о состоянии, при котором деятельность подчиняется определенным предписаниям, что обеспечивает упорядоченность, дисциплину и предсказуемость действий. Алгоритмы могут быть самого разного уровня: предельно общего, среднего, конкретного. Наиболее общими и абстрактными являются философские алгоритмы, которые отличаются холистическим и комплексным характером.

Фундаментальные теоретические алгоритмы/клипы не заполняют интеллектуальное поле всяким информационным мусором. По мере необходимости их можно развивать далее, углублять и конкретизировать. Эта задача может быть решена в условиях непрерывного образования. Наглядным образом триалистического метода (своеобразным теоретическим клипом) выступает универсальный логико-философский алгоритм, который развивается автором в содружестве с коллегами в последние десятилетия [Булычёв, Кирышин, 2026]. Алгоритм включает в себя три обязательных правила: 1) исследование атрибутов, 2) выделение сторон центрального (основного) противоречия, 3) описание структуры и функций мировоззренческих и научных категорий.

Само слово «атрибут» происходит от лат. *attribuo* — придаю, наделяю. Выявление атрибутов вполне традиционно для теоретического мировоззрения и научных теорий. Однако до сих пор остается неясным, сколько же атрибутов может быть у отдельной вещи. Так, к атрибутам категории материи относят не только традиционные феномены — движение, пространство и время [Философский энциклопедический словарь, 1983: 43, 541—542], но еще и множество других, в частности, мышление и сознание [Философская энциклопедия, 1970: 152]; [Яковлев, 2007: 187], объективное [Авалиани, 1980: 221], системность, отражение и т. д. Отнесение к атрибутам материи всего и вся превращает эту важнейшую категорию науки и философии в некий абсолюте, оторванный от реальности и напоминающий своеобразного «теоретического бога».

Схематически сказанное выше выглядит следующим образом.

Универсальный логико-философский алгоритм		
1	2	3
Атрибуты	Стороны центрального противоречия	Структура / Функции
Присущность Неотъемлемость	Две противоположности Два полюса	Инвариантность — гомогенность Установка — настройка

Атрибуты. Сущность атрибутивности, на мой взгляд, заключается в факторе *присущности*. Присущность — то, что внутренне имманентно вещи, предмету или объекту (присущность бытия, присущность человеческой природы).

Присущность суть *неотъемлемая* черта атрибута. Каждая вещь обладает двумя фундаментальными атрибутами, которые имеют форму дополнительных противоположностей, неких абсолютов. Смысл атрибутивного подхода состоит в том, чтобы обосновать принципиальную невозможность данной вещи существовать вне пределов и границ двух ее атрибутов. Соответственно, данную вещь невозможно также мыслить (изучать, исследовать), отвлекаясь от ее неотъемлемых атрибутов.

Атрибуты подчиняются принципу дополненности, т. е., строго говоря, не находятся в состоянии столкновения (борьбы), не могут меняться местами и переходить друг в друга. Они не являются движущими противоречиями (например, пространство и время, масса и энергия, субъект и объект, язык и мышление и мн. др.). В дополнительных противоположностях единство преобладает над столкновением (борьбой). В отличие от противоположностей, о которых идет речь в диалектическом законе их взаимоперехода. Дополненность является содержанием атрибутивного подхода. Это содержание имеет две важнейшие формы выражения (два атрибута). Безусловно, абсолютность их разграничения не исключает некоторых моментов относительности.

Необходимо заметить, что взаимосвязь дополнительных противоположностей с феноменом диалектики до сих пор остается неясной. Является ли принцип дополненности чем-то (относительно) внешним для диалектики либо непосредственно входит в ее содержание? Полагаю, что адекватный ответ на этот вопрос заключается в утверждении неразрывной связи принципа дополненности со всеми другими принципами диалектики.

Итак, атрибут — это присущность (неотъемлемость), представляющая собой специфическую черту алгоритма в его фундаментальном философском понимании.

Центральное противоречие. Его описание и выделение — второе обязательное требование универсального логико-философского алгоритма. Диалектика — это, конечно же, в первую очередь, выявление противоречий в вещах и предметах, находящихся в процессе движения и развития. Однако развернутая и вполне последовательная логика центрального (главного, основного) противоречия в его взаимосвязи с другими противоречиями (не главными и не основными) не была в достаточной мере ранее отработана (прояснена). Диалектико-триалистическая методология призвана устранить имеющиеся здесь пробелы.

Центральное противоречие складывается из *двух противоположностей*, т. е. **парных, взаимосвязанных и одновременно взаимоисключающих, разнонаправленных сторон изменяющегося явления (вещи, предмета, объекта)**. Они предполагают друг друга в рамках некоторого единого основания. Примеры: истина и заблуждение в теории познания; добро и зло в этической теории; прекрасное и безобразное в эстетике. Отношения противоположностей данного типа суть динамическое (диалектическое) противоречие, предполагающее активное взаимодействие и столкновение противоположных начал. Их борьба и столкновение в конечном счете приводят к изменению самой вещи, сторонами которой они выступают. В результате ликвидируются сами эти противоположности. Данная объективная ситуация нашла свою репрезентацию в закономерности (законе) единства и борьбы противоположностей. Диалектические (биполярные) противоположности — это как бы два полюса центрального

противоречия. Полюс (в широком смысле слова) — это предел, граница, крайняя точка чего-либо (вещи, предмета, объекта и т. д.).

Необходимо заметить, что в справочных изданиях, учебных пособиях два типа противоположностей — противоречивых и непротиворечивых (дополнительных) — постоянно смешиваются и отождествляются.

Структура и функции. Структура неразрывно связана со своими функциями и находит в них свою реализацию. Функции служат своей структуре, т. е. подчиняются ей как чему-то более целостному; они детерминируются этой целостностью в силу ее большей активности, энергетической или вещественной значимости. Функции, в свою очередь, дают установку, настройку данной структуре. Так, функциями теоретической структуры выступают принципы, законы и категории. Принципы содержат методологические установки (диалектические, триалистические и др.), которые концептуально (материалистически, идеалистически) выстраивают логику теории с помощью законов и категорий.

Необходимо заметить, во-первых, что структурно-функциональный подход в его единстве (целостности), вплоть до настоящего времени, не считается обязательной, составной частью научной или философской теории. Это достаточно наглядно просматривается на примере многочисленных справочных изданий, где понятия структуры и функций рассматриваются вне взаимной связи, отдельно и независимо друг от друга [Философский энциклопедический словарь, 1983: 657, 751; Новый энциклопедический словарь, 2001: 1169, 1301].

В то же время потребность в структурном подходе, как в естественно-математических, так и гуманитарных науках, получила определенное признание и отражение (в структурной лингвистике и др.). Характерны в данной связи направления структурализма и постструктурализма, а также некоторые варианты структурно-функционального анализа [Новый энциклопедический словарь, 2001: 1169—1170; Социальная философия. Словарь, 2003: 413].

Во-вторых, структурно-функциональная парадигма нередко смешивается и отождествляется с системным с подходом [Философский энциклопедический словарь, 1983: 657; Философская энциклопедия, 1970: 140; Современный философский словарь, 1996: 514—516; Новейший философский словарь, 2001: 997—1000; Социальная философия. Словарь, 2003: 415—416]. Бытует представление, что сущностью системы является ее структура [Агудов, 1979: 25]. Подобные идеи, получив распространение еще в нулевых [Введение в философию, 2002: 366], находят поддержку и в современных учебниках и учебных пособиях. Отсюда не удивительно, что постоянно множится число нередко несовместимых вариантов системного подхода [Сухонос, 2002: 71]. Полагаю, что понятия системы и структуры принадлежат к различным категориальным рядам и аспектам реальности, соответственно различны их сущности. Сущность системы, вероятно, заключается в ее нерасчленимом (слитном) характере. Эта сущность представляет собой нечто абсолютное. Что же касается системы как некоторого особого явления, она не замыкается в своей абсолютности, поскольку может быть дифференцирована на отдельные элементы (части, сферы и т. п.). В этом проявляется фактор относительности системы, который, однако, функционирует на базе ее абсолютности (нерасчленимости).

В-третьих, триалектический подход предполагает троичность структуры в качестве фундаментального принципа [Булычёв, Победоносцев, 2022: 64—67]. Иначе говоря, число специфических (базовых) функций строго равно трем

(их не может быть меньше или больше), тогда как иные методологические подходы допускают самое разное количество функций. В этом случае происходит смешение функций с задачами, целями, направлениями какой-либо теории.

Структура есть способ достижения инвариантности в организации и работе ее функций. Инвариантность суть нечто неизменяемое. Применительно к структуре инвариантность означает сохранение трех ее специфических функций, несмотря на изменение некоторых внешних и внутренних условий. Инвариантность неразрывно связана с гомогенностью, которая предполагает однородность данной структуры по составу, свойствам, происхождению и замкнутость ее на внутренние связи.

Необходимо далее иметь в виду, что никакая инвариантность и гомогенность не могут носить абсолютного характера и непременно предполагают некоторые отклонения, асимметрию и нарушение иерархии. В силу этого на уровне явления, конкретного существования структура связана с известными нарушениями инвариантности и гомогенности. Однако возникающие функциональные диспропорции (отклонения) все же не должны превышать определенную критическую величину. В противном случае возможно либо разрушение данной структуры, либо, напротив, преобразование ее в более совершенную и гармоничную сеть функциональных взаимозависимостей.

Отличительными особенностями обладают также функции. Сущность функции заключается в ее бытии как *установки, которая представляет собой целевую направленность*, ориентацию на что-либо (на целевую программу). Теоретические установки играют роль методических настроек. Настройка в общем смысле — это процесс установки параметров для оптимальной работы чего-либо. **В философской теории это, например, необходимость и умение сфокусироваться на новой концептуальной идее и осуществить последовательное ее развитие на основе соответствующего метода (диалектического или иного).**

Понимание описанного выше характера взаимосвязи структуры и функций усложняется тем, что абсолютность их разграничения не исключает определенные моменты относительности. Речь идет о том, что на другом, более глубоком, уровне рассмотрения функция, в свою очередь, может играть роль структуры, но структуры иного плана (точки отсчета). Так, например, закон единства и борьбы (столкновения) противоположностей, в первом приближении является функцией теории наряду с ее принципами и категориями. Однако на другом уровне рассмотрения данный закон обладает собственной структурой. В качестве ее функций могут быть рассмотрены категории тождества, различия и противоположности. Подобная обоюдная зависимость наглядно свидетельствует о невозможности и ошибочности какого-либо отрыва структуры и функций друг от друга.

Таким образом, структуру можно определить как инвариантный (гомогенный) способ воплощения алгоритмов данной теории, функция — это ее методическая установка (настройка).

Заключение. Триалистический метод — диалектика новой эпохи, эры цифровой технологии, алгоритмов и искусственного интеллекта. Думается, что именно триалистика соответствует современному этапу духовного этапа формирования мировоззренческих конструкций ноосферности. Сказанное не означает, что триалистика (триалектика) как бы отменяет в том или ином плане диалектику. Последняя выросла и получила мировое признание на основе принципа

противоречивости реальности (бытия). Принцип говорит о раздвоении единого и необходимости познания его противоречивых сторон. Данный принцип сохраняет свое значение и в триалистике, причем в качестве ее ядра. Наглядным образом триалистики служит универсальный логико-философский алгоритм. Аналогии данного алгоритма целесообразно выявить в различных научных дисциплинах, а также использовать их в системе непрерывного образования (школа, вуз, аспирантура и т. д.).

Библиографический список / References

- Авалиани С. Ш. Абсолютное и относительное. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 244 с.
(Avaliani S. Sh. *Absolute and Relative*, Tbilisi, 1980, 244 p. — In Russ.)
- Агранович М. Задачи с переменными // Российская газета. 2025. № 31. С. 22.
(Agranovich M. Tasks with Changes, *Rossiyskaya Gazeta*, 2025, no. 31, pp. 22. — In Russ.)
- Агудов В. В. Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики. М.: Высш. школа, 1979. 144 с.
(Agudov V. V. *The Place and Function of "Structure" in the System of Categories of Materialistic Dialectics*, Moscow, 1979, 144 p. — In Russ.)
- Белякова М. М. Структурно-логические схемы как технология формирования культуры научного мышления на уроках литературы // Педагогическое мастерство: материалы IV Международной научной конференции. М.: Буки-Веди, 2014. С. 93—105.
(Belyakova M. M. Structural and logical schemes as a technology for developing a culture of scientific thinking in literature lessons, in *Pedagogical Mastery*, Moscow, 2014, pp. 93—105. — In Russ.)
- Булычёв И. И., Победоносцев С. Н. Космический стандарт человека. Саратов: Амирит, 2022. 477 с.
(Bulychev I. I., Pobedonostsev S. N. *Human Cosmic Standard*, Saratov, 2022. 477 p. — In Russ.)
- Булычёв И. И., Кирюшин А. Н. О двух типах искусственного интеллекта // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 123—133.
(Bulychev I. I., Kiryushin A. N. On two types of artificial intelligence, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, no. 1, pp. 123—133. — In Russ.)
- Введение в философию: учебное пособие для вузов / под ред. И. Т. Фролова и др. М.: Республика, 2002. 623 с.
(Frolov I. T. et al. (eds.) *Introduction to Philosophy: a Textbook for Universities*, Moscow, 2002, 623 p. — In Russ.)
- Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. 1280.
(*The Newest Philosophical Dictionary*, Minsk, 2001, 1280 p. — In Russ.)
- Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: Рипол Классик, 2001. 1455 с.
(*New Encyclopedic Dictionary*, Moscow, 2001, 1455 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: Философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—29.

(Smirnov G. S. Noospheric history of mankind: Philosophical and methodological problems of the evolution of the intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, 2006, no. 2, pp. 4—29. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Hypostases of noospheric history, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)

Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.

(Smirnov D. G. *Noospheric Idea and Noospheric History: Introduction to Universum Cliosophy*, Ivanovo, 2012, 250 p. — In Russ.)

Современный философский словарь. Москва — Бишкек — Екатеринбург, 1996. 608 с.

(*Modern Philosophical Dictionary*, Moscow — Bishkek — Yekaterinburg, 1996. 608 p. — In Russ.)

Социальная философия: Словарь. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

(*Social Philosophy: Dictionary*, Moscow, 2003, 560 p. — In Russ.)

Сухонос С. И. Масштабная гармония Вселенной. 2-е изд. М.: Дом Женщины, Новый Центр, 2002. 199 с.

(Sukhonos S. I. *Large-Scale of Harmony of the Universe*, Moscow, 2002, 199 p. — In Russ.)

Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. 740 с.

(*Philosophical Encyclopedia*, vol. 5, Moscow, 1970, 740 p. — In Russ.)

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

(*Philosophical Encyclopedic Dictionary*, Moscow, 1983, 840 p. — In Russ.)

Яковлев А. И. Энергетическая природа сознания. М.: Интерлайн, 2007. 196 с.

(Yakovlev A. I. *The Energetic Nature of Consciousness*, Moscow, 2007, 196 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Булычёв Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algorithm@mail.ru

Bulychev Igor Ilyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russian Federation, igor-algorithm@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья
УДК 141.339:82.09
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.28-34

Н. П. Крохина

К. КЕДРОВ — ИДЕЯ КОСМИЧЕСКОГО МЕТАКОДА

Аннотация. В статье анализируется теория космического метакода, предложенная Константином Кедровым (1942—2025) — поэтом, философом, литературоведом, одним из ярких представителей современного русского космизма, в книге «Поэтический космос» (1989), которая стала бестселлером интеллигенции, возрождением важнейших идей Серебряного века, не востребованных советской эпохой. Метакод — это единый символический язык мировой культуры, отражающий в художественных образах единство человека и космоса. Космическое чувство, свойственное человеку, связывается с природой человеческого сознания, приобщающего человека как существо временное к жизни всемирной и бесконечной. Акцентируется уникальный космос романов «Война и мир» и «Евгений Онегин». Анализируются закономерности космического метакода — «метаметафора» в ее сравнении с мифотворчеством (Вяч. Иванов) и «инсайдаут» — относительность и взаимопереходимость внутреннего и внешнего. Делается вывод о сближении сфер духовной культуры — религии и искусства в их обращенности к жизни вечной и всемирной. Ставится вопрос о возможных драмах приобщения к космосу.

Ключевые слова: метакод, единство человека и космоса, макро- и микрокосма, мировое сознание, космос романа, метаметафора, инсайдаут, космическая переориентация человека.

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. К. Кедров — идея космического метакода // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 28—34.

Original article

N. P. Krokhhina

K. KEDROV — THE IDEA OF A COSMIC METACODE

Abstract. The article analyzes the theory of the cosmic metacode proposed by Konstantin Kedrov (1942—2025), a poet, philosopher, literary critic, and one of the prominent representatives of modern Russian cosmism in the book “Poetic Cosmos” (1989), which became a bestseller among the intelligentsia, reviving the most important ideas of the Silver Age that were not in demand during the Soviet era. The metacode is a single symbolic language of world culture, reflecting in artistic images the unity of man and the cosmos. The cosmic feeling inherent in man is connected with the nature of human consciousness, which introduces man as a temporary being to a universal and infinite life. The unique cosmos of the novel “War and Peace” and the novel “Eugene Onegin” is emphasized. The patterns of the cosmic metacode — “metametaphora” in its comparison with myth-making are analyzed (Viach.Ivanov) and “insiderout” — the relativity and mutual transitivity of internal and external. The conclusion is drawn about the convergence of the spheres of spiritual culture — religion and art in their appeal to eternal and universal life. The question is raised about the possible dramas of joining the cosmos.

© Крохина Н. П., 2026

• Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 28—34

Keywords: metacode, the unity of the man and cosmos, macro and microcosm, world consciousness, the cosmos of the novel, metametaphora, insiderout, cosmic reorientation of man.

Citation Link: Krokhina N. P. (2026) K. Kedrov — the idea of a cosmic metacode, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 28—34.

В апреле 2025 года не стало поэта, философа, литературоведа Константина Кедрова (1942—2025). К. Кедров — один из ярких представителей современного русского космизма. Его творческий путь — живое свидетельство, что традиция русского космизма развивается в современном мире. Его книга «Поэтический космос» (1989) стала бестселлером интеллигенции, возрождением важнейших идей Серебряного века, не востребованных советской эпохой. Задача данного материала — актуализация творческого наследия современного мыслителя, комментариев к его важнейшим концептам в контексте идей и представлений Серебряного века.

Первое, о чем пишет Кедров, на чем основана его теория метакода, — «космическое чувство, свойственное человеку» [Кедров, 1989: 104]. О космическом сознании много размышляли на рубеже XIX—XX вв., в эпоху рождения антропокосмической парадигмы. Для С. Н. Булгакова «человек есть микрокосм, в котором и через которого говорит, осуществляет..., осознает себя весь космос» [Булгаков, 1953: 30]. Как пишет Кедров, «вся вселенная пронизана волнами гармонических соответствий между макро- и микромиром, между человеком и космосом» [Кедров, 1989: 296—297].

Одним из эстетических открытий Серебряного века было утверждение космичности художественно-поэтического сознания, восприятие мира как единого целого, в котором все связано со всем. Как писал С. Л. Франк о Ф. Тютчеве, «каждое отдельное проявление жизни есть для него символ великого космического целого» [Франк, 1996: 321]. С космически-религиозным чувством связывается специфика художественно-поэтического сознания. Космическое чувствование вещей превращает художника в мифотворца (о чем немало писал Вяч. Иванов), творящего новое объяснение мира. Космизм означал обретение мирового сознания, которое противопоставлялось индивидуализму и атомизму Нового времени. Кедров ссылается на авторитет А. Эйнштейна и русских космистов А. Л. Чижевского и В. И. Вернадского. Он отмечает, что программа Вернадского предусматривала «непрерывное возрастание роли живого и мыслящего вещества в космосе». Он полемизирует с техницистским пониманием ноосферы: техническая экспансия имеет свои пределы. «Учение о ноосфере обычно воспринимают как программу нашего технического проникновения в космос. На самом деле ноосфера может беспредельно расширяться в границах одной черепной коробки», ибо «рост духовного и интеллектуального могущества человека, в отличие от технического, беспределен» [Кедров, 1989: 138—139]. Таким образом, «наука XX в. подтверждает правоту самых смелых метафор о единстве человека и вселенной» [там же: 113]. Метакод — это единый символический язык мировой культуры, отражающий в художественных образах единство человека и космоса (см.: [там же: 284]). Кедров опирается на богатейший материал древних культур, фольклора и мировой литературы.

Космическое чувство, свойственное человеку, неотделимо от природы сознания. Вселенная существует вечно, она бесконечна. Человек — существо временное, но в своем сознании он «ощущает себя существом вечным и бесконечным» [там же: 90], потому что сознание приобщает человека к жизни космической, вечной и бесконечной. «Существует некий параллелизм между строением мира и внутренним миром человека» [там же: 107], откуда и проистекает древняя эзотерическая интуиция о единстве макро- и микрокосма. Недаром в своих дневниках, в своих постоянных размышлениях о жизни и смерти Л. Толстой (в дневнике 1903 года) приходит к мысли: «высшее сознание: сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности» [Толстой, 1954: 179]. На языке религиозной традиции речь идет о причастности человека жизни «божески-всемирной» (Тютчев), бессмертия души. Вселенная — в душе человека. «Царство Божие внутри нас есть» — христианское откровение I века, реализация древних мистерий.

Кедров обращается к истории русской литературы, подчеркивая, что «в русской литературе человек — существо космическое, неразрывно слитое со всем мирозданием» [Кедров, 1989: 111]. Достоевский и Толстой, отмечает Кедров, всегда ощущали тончайшую диалектическую связь между конечной человеческой жизнью и бесконечным бытием космоса» [там же: 120]. Как писал еще Вяч. Иванов, границы личности у Достоевского «неопределимы и таинственны» («Достоевский и роман-трагедия») [Иванов, 1994: 307].

На языке Ф. Ницше, в основе их творчества лежит дионисийская концепция человека, превышающая закон индивидуации, с точки зрения которого, наоборот, творчество Тургенева определяет неразрешимый конфликт человека и космоса. В самой смерти Толстой видел «мудрый закон продолжения жизни вселенской, общекосмической». Смерть — это зло с точки зрения временной, личной жизни. Для жизни вселенской, вечной, всемирной, неотделимой от вечного обновления, возвращения, становления, она есть несомненное благо. Отсюда его полемика с Н. Фёдоровым. «В самом желании воскреснуть он видел эгоистическую извращённость». Потому и «Воскресение» в его последнем романе есть «чудо нравственное... возвращение человека к жизни всемирной» [Кедров, 1989: 128—130]. Обыкновенный человек с его зачаточным уровнем самосознания свою вневременность, всемирность переживает в момент смерти — классическая пограничная ситуация на языке экзистенциализма. «В момент смерти душа человека переполняется светом этой всемирной жизни, вмещает в себя весь видимый мир», открывает тайну видимого и невидимого мироздания [там же: 130].

Потому в современной литературе так важна тема откровения в смерти, когда вся жизнь пронесется перед глазами человека: «Бранд» Г. Ибсена, «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя, «Берег» Ю. Бондарева и др. К этой пограничной ситуации не однажды обращался Толстой: смерть Андрея Болконского («смерть — пробуждение») [там же: 100], рассказ «Три смерти», повесть «Смерть Ивана Ильича»: «тьма, переходящая в свет» [там же: 145].

Кедров акцентирует космическую роль художественного мышления. «Каждый писатель по-своему переживает свое космическое рождение» [там же: 300]. В творчестве крупнейших русских писателей XIX века он видит путь приобщения к жизни «божески-всемирной», останавливаясь на уникальности

космоса романа «Война и мир»: «Небесные перспективы пронизывают все пространство романа» [там же: 121]. Личное, мимолетное бытие человека становится «отблеском вечной, всемирной жизни», о чем позже будет писать Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго». Столь же уникален космос «Евгения Онегина». Создавая на протяжении почти восьми лет свой стихотворный роман, Пушкин писал «картину вселенной» [там же: 207]. Кедров акцентирует светопись романа: «роман как бы соткан из живого света», пронизан светом [там же: 208—209]. Вчитываясь в роман, мы проникаемся «ритмом вечности» [там же: 210], который и рождает гармонию онегинской строфы (С. Аверинцев. Ритм как теодицея). «Взгляд Пушкина порой настолько поднимается над субъективным бытием, настолько растворяется в жизни природы, вселенной, в смене поколений, что личная смерть уже не кажется ему центральным событием (“«Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил...”»). Он слишком остро чувствует жизнь во всех ее проявлениях» [там же: 212].

Таким образом, высшие сферы духовной культуры — религия и искусство — сближаются. Они дают «чувство бесконечной жизни, чувство бессмертия» [там же: 212]. О чем размышлял философский романтизм, или недаром в эпоху символизма поэт ощущал себя хранителем духовной традиции. О «чувствовании связи всего сущего», общем для искусства и религии, писал Вяч. Иванов («Две стихии в современном символизме») [Иванов, 1994: 143].

На языке Кедрова определение «космос Тютчева» или «космос Блока» — это не метафора, а метаметафора — еще один термин, который ввел в научный оборот ученый: «Метаметафора — вселенское зрение..., поэтическое отражение вселенского метакода» [Кедров, 1989: 256]. Недаром Вяч. Иванов называл Тютчева «первым русским символистом» («Заветы символизма») [Иванов, 1994: 181]. Вселенский метакод для него — это «осознание сверхличной и сверхчувственной связи сущего», а метаметафора — это «мифотворчество»: «тоска ночного ветра..., таинства дневного сознания и сознания сонного..., живая колесница мироздания, открыто катящаяся в святилище небес... — все это для поэта провозглашения объективных правд, все это уже миф» («Две стихии в современном символизме») [там же: 159—160]. Мифотворчество открывает высшую, незримую реальность. Метаметафора связывает две половинки целого: «Метакод похож на разорванный свиток: одна половина на небе, другая в душе человека» [Кедров, 1989: 223].

Кедров называет главной закономерностью метакода выворачивание, или «инсайдаут» — относительность и взаимопереходимость внутреннего и внешнего. Этот процесс пронизывает все формы жизни: цветок раскрывается из бутона, колос — из зерна, младенец — из материнского лона. При инсайдауте происходит изменение ориентации внутреннего и внешнего: космос, который был снаружи, становится внутренним миром, а внутренний мир — космосом. И потому «космическая переориентация возвращает человеку его центральное местоположение в космосе» [там же: 276, 279]. «Внутреннее и внешнее — понятия относительные» [там же: 135, 147, 276 и др.] — одна из доминант концепции Кедрова. «Выворачивание» было центральным магическим обрядом» [там же: 93]. Вселенная сферична. Кедров цитирует эзотериков: «Вселенная есть сфера, где центр везде» (Н. Кузанский); «природа — это бесконечная сфера, центр которой везде» (Борхес) [там же: 121—122]. Бесконечности вселенной соответствует бесконечность человеческого сознания. «Окинув взором космос Толстого

в “Войне и мире”, мы видим вселенную с неким незримым центром, который в равной мере и в небе, и в душе каждого человека» [там же: 130]. Незримой — на человеческом языке Божественной вселенной соответствует незримый внутренний мир человека — там и здесь апофатическая геоцентричность.

Из относительности внутреннего и внешнего вытекает «картина двуединого человека-космоса, созданная древними мифологиями». С космосом связана не только природа человеческого сознания, но и строение человеческого тела: «Посмотрите, как завихрены ушные раковины, радужка глаза, как завихрен мозг, сравните эти вихри со спиралями космических галактик» [там же: 278]. Эта космичность человека отражена в древних орнаментах и древней астрологии, китайской системе иглоукалывания и конфигурации созвездий. Опираясь на достижения современной неклассической научной парадигмы, Кедров актуализирует «древнюю идею единства космоса и человека, макро- и микрокосма» [там же: 328], преодолевая грань между мышлением научным и художественным. «Метакод — это единый код бытия» [там же: 284], отраженный в скрижали Гермеса Трисмегиста и принципе дополнительности, теории относительности и мистериях Озириса. «Тексты Библии и Шекспира уже закодированы в небе, а пророки и поэты здесь переводчики и истолкователи» [там же: 287].

Грандиозный проект космической переориентации человека, предлагаемый Кедровым, безгранично расширяет пределы восприятия литературы. «Восторг перед видимым и невидимым мирозданием вечен» [там же: 316]. Классика стремится к сложному равновесию человека и космоса. Потому с равным правом можно говорить: космос «Войны и мира», «Евгения Онегина», «Божественной комедии» Данте или «Фауста» Гёте. Но, с другой стороны, «взаимодействие излучений человека и космоса — это в буквальном смысле слова тонкая материя» [там же: 306]. И в классике возможна неразрешимая дисгармония человека и космоса, если последний переживается как «ньютоновская бесконечная бездна.., пожирающая миры и дела людей», где царит евклидовская геометрия и безжизненный космос [там же: 271].

Об этой бездне писал Г. Р. Державин («И звёзды ею сокрушатся, / И солнцы ею потушатся»), а в XIX веке — И. С. Тургенев (мотив равнодушной вселенной). Мотив этой бездны есть и у Ф. И. Тютчева, и у А. А. Блока («Пустая / Вселенная глядит в нас мраком глаз»), в современной литературе у В. Пелевина («Омон Ра»). Роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, как пишет Кедров, — «арена космогонической борьбы двух мировоззрений»: Иван Карамазов признает невидимый неевклидов мир неохотно, «бунтует против вселенной Эйнштейна», в которой жил Достоевский, хотя теория относительности еще не была открыта. «Вселенная Лобачевского, Достоевского и Эйнштейна не исчерпывается видимым». Умение видеть «духовными глазами» пронизывает литературу [там же: 273—274]. «Каждый писатель по-своему переживает свое вселенское рождение» [там же: 290]. Понятно, что космос К. Д. Бальмонта совсем иной, чем космос Блока или Пастернака. «Блок видел Прекрасную Даму — Деву в отсвете небесной лазури» [там же: 294]. Поэзия К. Д. Бальмонта наполнена образами космической литургии. Но также космическое рождение может быть и драмой растворения в космических вихрях, о чем писал Н. А. Бердяев в работе «Кризис искусства»: «Нарушаются все твёрдые грани бытия, все...распыляется...Человеческий образ исчезает в этом процессе космического распыления» [Бердяев, 1990: 9—10] и в мире А. Белого, и в авангардной живописи.

В суждениях Кедрова о А. Белом или В. Хлебникове этой драмы нет: «Герой А. Белого почувствовал себя частицей-вселенной... Он внутри и вовне ...одновременно... у А. Белого духовное пространство слилось с телесно-физическим» [Кедров, 1989: 140]. Для Кедрова А. Белый и В. Хлебников отражают современную космологию, максимально раскрывают относительность внешнего-внутреннего, космичность подсознания. Бердяев акцентирует в творчестве А. Белого драму распыления человека: «образы людей у него декристаллизуются и расплываются... Он погружает человека в космическую безмерность» [Бердяев, 1990: 17—18]. Потому и называет «Петербург» «Астральным романом»: «в стиле его есть что-то от хлыстовской стихии» [там же: 40]. Приобщение к космосу порождает хаос на уровне стиля и на уровне антропологии.

Драматично приобщение к космосу в мире А. Блока. Небесная лазурь и «сине-лиловый мировой сумрак», мир странный и мир страшный — две равные реальности в его художественном мире. «Здесь» и «там», дисгармония и гармония остаются равными измерениями его хаосмоса. Столь же драматичен «грозный космос» И. Бунина, избыточность которого порождает избыточного героя, притягивающего катастрофы. Мне уже приходилось писать, что в космическом мироощущении русских мыслителей и писателей конца Нового времени сложно переплетаются два образа космоса: грозный, отчужденный космос, бесконечно превышающий человека, и творимый софийный космос, пронизанный красотой и гармонией. Внутреннее и внешнее, временное и вечное — не только понятия относительные, но также они выражают трагическую двойственность человека, его антиномичность, пронизывающую творческий мир А. Блока, о которой немало размышлял в своих работах Н. А. Бердяев: человек — ничто как феномен и все — в своей ноуменальной сущности.

Таким образом, К. Кедров актуализирует в 1980-е годы идеи авторов Серебряного века о единстве человека и космоса. В этом единстве соприкасаются две равно божественные бесконечности — бесконечность вселенной и внутреннего мира человека. Космическая переориентация человека связана с его духовной переориентацией, от которой очень далека современная цивилизация и современный человек с его моральной незрелостью. Недаром антропокосмическая парадигма получает свое дальнейшее развитие в современной литературе — прежде всего в контексте социальной и философской фантастики (братья Стругацкие, А. Ким, Ю. Козлов, Алексей Иванов и др.).

Идеи К. Кедрова пересекаются с космизмом Г. Гачева (идея Космо-психологоса), поисками целого Гр. Померанца. В своих интуициях Кедров опирается на труды культурологов XX века, открывших космогоничность древней мифологии (в частности, работы В. Проппа, Б. А. Рыбакова). Ряд этих гуманитариев можно было бы продолжить: М. Элиаде, О. М. Фрейдберг и др. Кедров опирается также на идеи современной космологии и квантовой физики (А. Эйнштейн, Г. Минковский, Н. Бор, В. Гейзенберг), творчество своих единомышленников — поэтов-метаметафористов (А. Парщиков, А. Ерёмко, И. Жданов) и поэтов XX века (Н. Заболоцкий, И. Сельвинский, С. Кирсанов, Б. Ахмадулина, Ю. Мориц и др.). Потому, удаляясь от фольклорных времен, мы по-новому возвращаемся к ним в актуализации холистического миропонимания.

Библиографический список / References

- Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990. 48 с.
(Berdyayev N. A. *The Art Crisis*, Moscow, 1990, 48 p. — In Russ.)
- Булгаков С. Н. Философия имени. Париж: YMCA-press, 1953. 278 с.
(Bulgakov S. N. *Philosophy of the Name*, Paris, 1953, 278 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 448 с.
(Ivanov Vyach. *Native and Universal*, Moscow, 1994, 428 p. — In Russ.)
- Кедров К. Поэтический космос. М.: Советский писатель, 1989. 480 с.
(Kedrov K. *Poetic Cosmos*, Moscow, 1989, 480 p. — In Russ.)
- Толстой Л. Н. Дневники, 1900—1903 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1954. Т. 54.
(Tolstoy L. N. *Diaries, 1900—1903*, in Tolstoy L. N. *Complete Set of Works*, Moscow, 1954. Vol. 54. — In Russ.)
- Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 312—340.
(Frank S. L. *Cosmic feeling in Tyutchev's poetry*, in Frank S. L. *Russian Worldview*, St. Petersburg, 1996, pp. 312—340. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Art, Shuya branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru

АКТУАЛЬНАЯ НООСФЕРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 111:141.13

DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.35-44

М. В. Жульков

НООСФЕРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАФИЗИКИ: ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена трансформации метафизики в XX — начале XXI столетия. Сравнение постмодернистской западной философии и современной российской философии показывает общее направление трансформации метафизики: включение в нее динамики отношений между модусами бытия и сознания. Постмодернизм создает экзистенциальный психоанализ, российская философия — русский космизм, учение о ноосфере. Ноосферная трансформация метафизики включает следующие направления: метафизика носит идеализированный, абсолютизированный, образцовый характер, не отвечающий требованиям реалистичности мышления; к абстрактному сознанию (как состоянию сущности) необходимо добавить его внутренние состояния на шкале страдания — наслаждения; основные модусы и понятия, характеризующие состояния субъекта, могут носить искаженный, частичный, неразвитый характер, а некоторые могут отсутствовать, в результате чего формулируется проблема космической эволюции; необходимо развивать динамику отношений модусов бытия и сознания в процессе космической и земной эволюции; ввести понятия борьбы, развивать философию защиты бытия и сознания на метафизических уровнях. Важной особенностью ноосферной трансформации метафизики является направленность философских размышлений в будущее, к целям индивидуального, глобального развития, что включает в себя нравственные ценности.

Ключевые слова: ноосферная трансформация метафизики, бытие-в-себе, бытие-для-себя, модусы сознания, троичность, тетрактида античной философии.

Ссылка для цитирования: Жульков М. В. Ноосферная трансформация метафизики: требование времени // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 35—44.

Original article

M. V. Zhulkov

THE NOOSPHERIC TRANSFORMATION OF METAPHYSICS: THE REQUIREMENT OF TIME

Abstract. The article is devoted to the transformation of metaphysics in the twentieth and early twenty-first centuries. A comparison of postmodern Western philosophy and modern Russian philosophy shows the general direction of the transformation of metaphysics: the inclusion in it of the dynamics of relations between the modes of being and consciousness. Postmodernism creates existential psychoanalysis, Russian philosophy creates Russian cosmism, the doctrine of the noosphere. The noospheric transformation of metaphysics includes the following areas: metaphysics has an idealized, absolutized, exemplary character that does not

© Жульков М. В., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 35—44 •

meet the requirements of realistic thinking; to abstract consciousness (as a state of essence), it is necessary to add its internal states on the scale of suffering — pleasure; the basic modes and concepts characterizing the subject's states may be distorted, partial, an undeveloped character, rather than those that may be absent, as a result of which the problem of cosmic evolution is formulated.; It is necessary to develop the dynamics of the relationship between the modes of being and consciousness in the process of cosmic and terrestrial evolution; to introduce the concepts of struggle, to develop a philosophy of protection of being and consciousness at the meta-physical levels. An important feature of the noospheric transformation of metaphysics is the orientation of philosophical reflections towards the goals of individual, global development, which includes moral values.

Keywords: noospheric transformation of metaphysics, being-in-itself, being-for-oneself, modes of consciousness, trinity, tetractyde of ancient philosophy.

Citation Link: Zhulkov M. V. (2026) The noospheric transformation of metaphysics: the requirement of time, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 35—44.

Постановка проблемы, ее актуальность, новизна. Как известно, метафизика определяет структурные отношения первооснов бытия, рассматриваемых исключительно с помощью абстрактного мышления, без примеси эмпирических данных. Развитая в восточных философиях и в античный период метафизика и диалектика первооснов бытия является основой также и религиозного мышления о первоначалах мира. В условиях современного глобального мира, более высокой стадии развития современного человека, требуется продолжение метафизических исследований, добавление динамики в философию первоначал бытия и сознания.

Цель статьи состоит в выявлении путей развития классической метафизики в современной западной и российской философии, выявлении ноосферных особенностей таких изменений в российской философии.

Новизна состоит в распространении ноосферных исследований на метафизику сознания, сращивании и трансформации с динамикой, диалектикой сознания, что позволит расширить теоретическое понимание сознания, его модусов и состояний. Показано, что ноосферный тип трансформации метафизики включает динамику категорий бытия, нравственные ценности, цели индивидуального и общечеловеческого развития, устремленность в будущее, возможности развития метафизики бытия с различными искажениями его модусов.

Теоретическая значимость состоит в выявленных направлениях трансформации метафизики в современных условиях, расширения модусов бытия и сознания, приближения метафизики к реальности. Практическая значимость определяется возможностью использовать полученные данные для разработки прикладных философских направлений, решений конкретных проблем общественной, глобальной, национальной, индивидуальной жизни.

Шаги философии. Философия включает в себя ряд разделов философского знания, среди которых три основных, а также прикладные учения. Как известно, философия имеет вечные вопросы, на которые могут быть даны разные ответы. Но, несмотря на видимое отсутствие развития, оно все же происходит: даются новые интерпретации одних и тех же проблем и истин. Развивается наука, сила мысли, что приводит к новым философским размышлениям. В разные исторические периоды делался упор на разные разделы философского знания, в результате можно выявить раскрытие философских разделов во времени:

1. Классическая философия. Основа — онтология, учение о Бытии. Классической философии более двух тысяч лет. Период: VIII в. до н. э. — XVI в.

2. Модернизм. Период: XVII в. — начало XX в. Главным разделом становится теория познания. Причина такого сдвига состоит в развитии капитализма, который основан на промышленности, требующей развития науки, а науку нужно обосновать, поскольку в европейском сознании господствовала натурфилософия. В начале этого периода гносеология сосуществовала вместе с онтологией (Р. Декарт), а позднее доминировала гносеология (И. Кант). В начале XX века развивается философия науки.

3. Постмодернизм. XX век активно развивается после Второй мировой войны. Изучение сознания и человека начинает преобладать. Онтологию неоплатонизма повторяют, каждый мыслитель по-своему (Ж. Сартр «Бытие и ничто», М. Хайдеггер «Бытие и время»), но отталкиваются от нее, создавая на этой основе учения о человеке и сознании.

Так в этих укрупненных циклах проявляется развертывание во времени основных разделов философии: онтологии, гносеологии, логики с аксиологией. Последний раздел получает свое дальнейшее развитие в этот период (аналитическая философия, позитивизм, экзистенциализм, феноменология и др.), но, по видимому, на месте логики возникнет философия сознания в своей полноте. Логика важна для современного развития, но она составляет малую часть человеческого сознания.

Начало постмодернизма лежит в отрицании достижений философии предшествующих периодов. Ж. Деррида провозгласил деконструкцию — разбор классической философии на кубики, пересмотр этой философии, формулирование своей философии, утверждение собственных размышлений и понимания. Авторитеты ниспровергаются, философия заменяется грамματοлогией — текстами, у которых даже может не быть автора (так называемая «смерть автора»). Постмодернизм стал превращаться в набор не сильно связанных друг с другом учений, доказывающих, что его зрелость еще впереди. В. А. Кутырев показывает, что развитие постмодернизма основано на научном, технологическом развитии, внедрении систем искусственного интеллекта, когнитивно-виртуальной реальности [Кутырев, 2010]. Автор предлагает использование консервативного философствования для поддержания культуры как основы человеческой жизни, которое близко как к религиозному мышлению, так и к классической философии.

Помимо такого отрицания шло и позитивное развитие философии по ряду направлений, среди которых нас интересует метафизика — философия первооснов бытия.

Метафизика постмодернизма. Ж.-П. Сартр в своем известном философском произведении «Бытие и ничто» развивает метафизику, используя при этом диалектические отношения между бытием-в-себе и бытием-для-себя, а также рассматривая их единство, взаимодействие с «другим».

Приведем цитату, показывающую диалектический характер размышлений Сартра: «Онтология обеспечивает нас двумя свидетельствами, которые могут служить основой метафизики; вначале всякий процесс основания себя есть разрыв с тождественным бытием в-себе, отход бытия по отношению к нему самому и появление присутствия по отношению к себе, или сознания. Только создавая себя как для-себя, бытие может стремиться к бытию как причине себя самого. Сознание как ничтожение бытия возникает, стало быть, в виде стадии развития

к имманентности причинности, то есть к бытию как причине самого себя» [Сартр, 2000: 619]. Бытие-в-себе и бытие-для-себя переплетены и взаимодействуют, создавая синергетический круг самообоснования, самоутверждения, саморазвития. Бытие и сознание дополняют друга, двигаясь к причине бытия, то есть себя самого. Они отражаются друг в друге. Бытие здесь необходимо понимать как присутствие себя, объединяющее все остальные модусы бытия, включая жизнь, сознание, познание и т. п. Возникает диалектика бытия и ничто. Сознание — ничто для бытия. Поскольку бытие-для-себя находит свое бытие вне себя, то Сартр говорит, что это отрицание, уничтожение бытия. Отметим, что сознание — часть тотального присутствия и бытия, более правильно использовать понятие «иногое» по отношению к наличному бытию. Бытие-для-себя — это познающее бытие. Под бытием негласно подразумевается то, что можно воспринимать. Это может быть материальный мир, а также субстанции, идеи. Повидимому, в нашей солнечной системе доминирует мир идей, даже если у него нет своего источника.

Сартр использует категории действия и обладания для описания бытия, помимо трех временных координат (абсолютное бытие, тем самым, утверждает-ся как пребывание в вечности, то же самое у Хайдеггера и в менее явном виде у Канта).

Рассматривая взаимодействие бытия-в-себе и бытия-для-себя, Сартр приходит к моральной стороне этого вопроса и к возможности свободы и ее понимания. Это объясняется тем, что именно сознание замыкает цепь бытия, делает его целостным, тотальным. А раз оно зависит от сознания, то и возникает моральное отношение к бытию. То есть не просто рефлексия как мыслительный процесс по поводу воспринимаемого, а отношение как к плохому или хорошему, желательному или нежелательному. При этом возникает рассмотренная в Античности пара противоположностей «притяжения и отталкивания». На уровне сознания оно превращается в любовь и ненависть — как основная пара для отношений, в котором участвует субъект. Сознание что-то воспринимает — реальное бытие, и возникает эффект этого восприятия: оно может приносить страдание, наслаждение или безразличие.

Тогда, помимо обладания этим восприятием, возникают боль и наслаждение как часть обладания бытием-для-себя. И они должны быть введены в экзистенциальный психоанализ. Сартр это и делает — для реального человека. По нашему мнению, эти модусы должны быть введены в метафизические модусы бытия. Но тогда из абстрактных категорий они должны трансформироваться в исторические, пусть даже трансцендентные по отношению к конкретному человеческому бытию. Тем самым, диалектика первооснов бытия должна носить исторический характер. Сама метафизическая схема остается той же самой, но претерпевает усложнение и новое понимание в разные исторические периоды — вместе с эволюционным взрослением человечества.

К любви и ненависти Сартр добавляет мазохизм и садизм, которые присутствуют в жизни реального общества, но присутствуют ли они на метафизическом уровне? Абстрактные метафизические схемы негласно исходят из того, что это — образцовое и «правильное» бытие, однако нам ничто не мешает предположить, что эти модусы также присутствуют на абстрактных уровнях, что тоже подразумевает космическую историю — исправление бытия и сознания,

необходимость избавляться от боли или, по крайней мере, уравновешивать и балансировать ее.

Таким образом, те состояния, которые являются нежелательными для живых существ, — боль, страдание — становятся метафизическими категориями, принадлежащими высшему бытию. Так просто бытие становится чем-то исторически развивающимся и имеющим те же состояния, что и реальный человек, что приводит к необходимости ввести понятие метафизической или космической истории — в целях уменьшения и искоренения нежелательных состояний сознания на уровне космического бытия.

Ж. Сартр упрекает античную философию в недостатке динамики, что частично правомерно. Однако античная философия первооснов бытия является скорее диалектической, чем просто метафизической. Тем не менее динамику первичных категорий необходимо развивать, что и будет предложено ниже.

Классическая метафизика и необходимость ее трансформации в современных условиях. Прежде всего напомним классическую метафизику, разрабатываемую в период Античности. Категория бытия является центральной в онтологии и метафизике. Метафизика исследует структуру мира в виде модулов бытия. Появляется двойственность бытия и сознания. А. Ф. Лосев исследует античную диалектику неоплатонизма (в основном Плотина и Прокла), вводит понятия тетрактиды А (интеллектуальной, мыслимой) и тетрактиды В, проявленной в инобытии, меоне — реальном бытии. Диалектическая категория имени является связующим звеном между двумя тетрактидами. Одновременно необходимо ввести понятие энергии сущности (тетрактиды А), которая оживляет тетрактиду В — реальное бытие. Поскольку две тетрактиды (мыслимая и реальная) во многом противоположны, между ними возникают противоречия, или антиномии: аффицируемость и неаффицируемость, действие и страдание, свобода и необходимость [Лосев, 1993: 192—197]. Тетрактида А содержит четыре категории: одно, одно сущее, становление, ставшее, они диалектически выводятся одна из другой [там же: 106—151]. На этом принципиальная диалектика заканчивается, и для продолжения исследования бытия необходимо проецирование полученной диалектики далее на категорию «ставшее», чтобы получить три волны творения и прийти к реальному космосу и материальному бытию. В произведении «Абсолютная диалектика — абсолютная мифология» А. Ф. Лосев использует пять модулов одного и того же бытия (субъекта, сущности): в-себе (одно), для-себя (сущее), в-себе-и-для-себя (становление), для-себя-и-для-иного (ставшее, субстанция), для-иного (выражение, символ) [Лосев, 1994: 270].

Отметим еще одну важную особенность античной диалектики. А. Ф. Лосев утверждает необходимость категории числа (множества) при переходе от простого и неопределенного бытия (которое может быть сравнено с небытием) к определенному. Учение о числах лежит в основе учений Пифагора о бытии (хаос превращается в космос с помощью чисел как меры этого превращения), оно нашло свое продолжение в трактате Плотина «О числах». В этом произведении Плотин рассматривает число как «принцип умной категориальности» [там же: 752—773], как организующий принцип жизни мирового целого [там же: 796—797].

Так утверждается диалектический характер античной философии первооснов бытия. В этой диалектике прослеживается вывод категорий одной из другой, предшествующей. Однако отсутствует диалектика отношений категорий

в процессе их космического и земного функционирования, что требует дальнейшего развития метафизической философии.

В современных условиях наблюдается обострение борьбы на уровне информационного противостояния между цивилизациями, а также и метафизическое противостояние между «быть» и «не быть» цивилизации, как об этом пишет В. А. Кутырев [Кутырев, 2010]. Противостояние информационным и гибридным, а также реальным войнам в настоящее время пролегает во многом на информационном уровне и требует своего не только научного, но и философского осмысления. Научные разработки основываются на метанаучных теориях системного подхода, синергетике, а также сетевого и развивающегося энергоинформационного подходов. Философское понимание, хотя оно частично присутствует, еще предстоит разработать в целостном подходе. А это возможно начиная с метафизического уровня философствования.

Ноосферная трансформация метафизики в российской философии.

А что по поводу метафизического строения мира может сказать русская философия? Рассмотрим концепцию всеединства В. С. Соловьева, философские концепции сознания М. К. Мамардашвили.

Концепция всеединства является центральной для всего философского и религиозного учения В. С. Соловьева, она показывает единство Бога, космоса, человечества, человека. Мыслитель рассматривал человечество как действительное индивидуальное существо [Соловьев, 1988: 145]. Но единство этого индивидуального и одновременно универсального существа не образуется само собой, в основе этого единства лежат нравственность и стремление к добру, необходимо, чтобы «общественная среда по существу становилась организованным добром» [Соловьев, 2012: 393]. Это стремление вперед, к цели существования характерно для русской философии и национального сознания, западная философия идет в прошлое, к началу мира. Соловьев тоже не может этого избежать, рассматривая троичность первооснов бытия. Помимо концепции всеединства, отличающую русскую философию, исследуются и метафизические конфликты внутри сознания. М. К. Мамардашвили полагал необходимым создание не только теории сознания, но метатеории, в которой сознание включено в общую картину мира [Мамардашвили, Пятигорский, 1997]. Далее авторы книги «Символ и сознание» заявляют борьбу с сознанием — как критическое его исследование, что П. А. Плютто интерпретирует как борьбу сознания с самим собой. А именно рассматриваются два типа сознания — до культурное (а-культурное) сознание как таковое (то есть метафизическое) и культурное, исторически развивающееся. Между этими двумя сознаниями возникают противоречия и борьба [Плютто, 2009].

Концепция всеединства находит свое продолжение в учении о ноосферном сознании. Ноосфера определялась В. И. Вернадским как новое состояние биосферы, в которое она переходит под действием научной мысли и труда организованного человечества. Учение о ноосферном сознании разрабатывалось позднее, в конце XX — начале XXI века. Г. С. Смирнов пишет: «Для ноосферного сознания характерны некоторые существенные черты: глобальность и общечеловеческие ценности, активность и опережающее отражение, научность и моральность, гуманистичность» [Смирнов, 2015: 113]. С одной стороны, это качества сознания вообще, рассмотренные в духе античной философии как

идеальный образец, с другой — это тенденции, которые постепенно пробивают себе дорогу в жизни современного мира.

Возвращаясь к античной философии, перечислим семь модусов бытия: одно, одно сущее, становление, ставшее, выражение, символ, имя. Эти универсальные модусы трансформируются в процессе их применения к человеку и обществу. Так, по отношению к человеку эти модусы таковы: Я или сущность, сознание, самосознание, личность, мысль, психика, чувство. В общественном сознании выделим следующие модусы: национальная идея, национальное сознание, самоидентичность нации, характер народа, символы и ценности культуры, мифология, культурные коды. Эти модусы были диалектически получены в античной философии и интерпретированы А. Ф. Лосевым. В результате образована структура бытия и сознания. Возникает вопрос, как модусы в реальной жизни связаны между собой? Эти отношения (каждого модуса с каждым) не разработаны, что составляет задачу современной философии, которая окончательно превратит метафизику в диалектику и динамику сознания.

Представим, что в процессе жизнедеятельности внешние силы хотят разрушить жизнь нации (информационные, гибридные войны). Для этого выстраивается параллельная истинной структуре видоизмененная и паразитическая структура бытия и сознания со своими псевдокодами, искаженными образами, символами, ценностями. Эта псевдосемеричность запускается в жизнь нации, в общественное сознание через искажения национальных образов и культурных кодов, с использованием современных коммуникативных систем и технологий, что деформирует со временем характер и самоидентичность нации, ослабляет ее. Чтобы жизнь субъекта (в нашем случае нации) могла противостоять таким воздействиям, необходимо удержание модусов бытия/сознания, а значит, необходимо применение воли, тогда появляются еще ряд категорий в виде «силы сознания», «устойчивость сознания», «состояния сознания», «ценности», «культурные/цивилизационные ценности» и т. п. Тем самым метафизика должна сделать еще одно усилие для разработки таких отношений и противоречий внутри бытия-в-себе и бытия-в-ином и между ними. То же самое касается и индивидуального сознания: дезинформация воздействует на сознание человека, искажает его, кроме того, отдельный человек имеет внушаемость как определенное качество сознания, необходимое для организации совместного проживания. Эти моменты приводят к необходимости развивать понимание способов защиты индивидуального, национального сознания на метафизических уровнях, что позволит развивать и соответствующие прикладные философские учения.

Здесь мы подходим к тому, что разработанная античной философией диалектика первооснов бытия, несмотря на свою диалектичность, является идеализированной, образцовой и с этой точки зрения, несколько искусственной. Сознание как таковое негласно предполагается философией (и в более сильной форме религией) позитивным и «правильным», что может не совпадать с реальной жизнью, имея также в виду метафизическое учение о борьбе сил добра и зла. Поскольку эта борьба ведется на разных уровнях, необходимо развивать соответствующую этим реальным условиям метафизику и диалектику сознания и бытия.

Учения о троичности и трех Логосах разработаны в современных монотеистических религиях и классических философских учениях. Отношения между составляющими троичности (Лицами Бога, Логосами, модусами бытия и сознания)

рассмотрены как образцовые, идеальные, хорошо структурированные. В реальной жизни это далеко не так. Примером является троичность общества: экономика, политика, культура, в которой экономика и политика тесно связаны между собой, а культура пока оказывает слабое воздействие на первые две составляющие. Другой пример — геополитические треугольники, отношения в которых еще только формируются или искажены санкциями, военными конфликтами, политическим давлением и т. п. Хорошей попыткой учесть наличие и напряженность борьбы является структура трех Логосов, предложенная А. Г. Дугиным. Философ выделяет три Логоса, между которыми нет идеальных отношений, между ними разворачивается борьба Империй этих Логосов [Дугин, 2014: 14]. Сами Логосы определяются как светлый, упорядочивающий, мужской Логос (Аполлон), черный, материальный, женский Логос (Кибела) и промежуточный, темный Логос (Дионис), выражающий игру психических сил.

Если в реальной жизни постоянно встречаются искажения сознания и общественной жизни, логично предположить, что эти искажения могут встречаться и на метафизическом, мыслимом уровне. Насколько возможны искажения, недоразвитость или переразвитость модусов сознания? По нашему мнению, эти искажения возможны и реально присутствуют, если предположить космическую эволюцию сознания и космоса в целом. Такая метафизика и диалектика в абстрактной философии в настоящее время практически отсутствует (за небольшим исключением), разрабатываясь в рамках общенаучных теорий. Такую диалектику необходимо развивать, чтобы на теоретическом уровне понимать следствия искажений модусов бытия и сознания, методы их преодоления, сопротивления внешним разрушительным воздействиям.

Заключение. Постмодернизм, несмотря на его недостатки, является шагом вперед в понимании мира и самого человека. Вопросы, на которые, среди прочих, отвечает постмодернизм: как бы сам человек творил мир или ту или иную его часть? Как бы я сам решал те или иные проблемы? Это показывает большую зрелость человечества, которая может привести к новому качеству жизни и эволюции на планете, если победит именно ноосферный тип усложненного мышления, соединенного с нравственными императивами. Русский космизм, учение о ноосфере — ответ российской философии на новые условия глобального мира, глобальных проблем, информационных и гибридных войн, региональных конфликтов.

Итак, нами обозначены несколько направлений усложнения и развития классической метафизики. Эта метафизика показывает основную структуру бытия и сознания, которая является идеализированной, «правильной», абстрактной моделью бытия, сознания как таковых. Современное развитие требует усложнить эту упрощенную картину, поскольку жизнь нации поддерживается на всех уровнях, начиная с самого высокого — мировоззренческого, ядром которого является философия. А в основании последней лежит метафизика, диалектика первооснов бытия, разработка модусов бытия и сознания, их взаимодействия и динамики.

Перечислим, по каким направлениям возможно развитие метафизики. В основном это касается сознания и понимания человека, его места в мире: возможны искажения, отсутствие, неравномерное развитие отдельных модусов сознания; в метафизике отсутствует разработанная концепция отношений этих модусов в реальном космическом функционировании; внутри метафизического

сознания может идти борьба, оно может иметь нежелательные состояния и расколы, что приводит к идее космической эволюции для разрешения этих проблем; идеи борьбы на метафизическом уровне требуют философской разработки, в том числе философии безопасности и защиты сознания, возникает необходимость введения ряда новых категорий, таких как борьба, воля, устойчивость, безопасность, управление, внушение, подавление и ряда других, которые концептуально описали бы такие приближенные к реальности отношения между модусами бытия и сознания. Необходимо отметить также, что метафизика первоначал обращает наше сознание к далекому космическому прошлому нашего мира. В связи с этим констатируем, что российская метафизическая мысль продвигает наше сознание в будущее, исследуя цели человека и человечества как целого. Такая направленность русской философии показывает ноосферный вектор ее философствования, эти цели должны быть наполнены нравственно позитивным содержанием. Ноосферное сознание выступает на стороне конструктивной, позитивной эволюции, сочетающей индивидуальное, национальное, глобальное развитие, учитывающее экологические, биосферные ограничения. Западная философия XX века создает экзистенциальный психоанализ, российская философия — ноосферную метафизику, дополняющую учение о ноосфере, ноосферном сознании.

Ноосферная трансформация метафизики обогатит само мышление, прояснит наше собственное понимание первооснов бытия, покажет, что на уровне этих первооснов также могут быть история и различного рода отклонения и искажения, могут решаться экспериментальные эволюционные задачи с непредсказуемыми результатами и т. п. Такая развитая метафизика будет символизировать подъем человеческого сознания на новую высоту ноосферного мышления, самоопределения и ответственности — не только за собственную человеческую судьбу, но и за судьбы того высокого мира, который рассматривает метафизика. Отметим также, что ноосферное мышление рассматривает целеполагание как гарантию достижения конечных результатов, которые, помимо интеллектуальной компоненты, содержат позитивные нравственные ценности.

Таким образом, исследование метафизики и ее видоизменение вместе с взрослением человечества и усложнением самой философии в XX и начале XXI века показывает развитие самостоятельности мышления человечества, его приближение к состоянию самоопределения и саморазвития. Те явления, которые происходят в российской философии, позволяют назвать эти изменения ноосферной трансформацией метафизики, понимания первооснов бытия и сознания, что необходимо для образования целого ряда прикладных философских направлений, таких как философия безопасности (национальной, безопасности сознания), управления конфликтами, геополитического развития, моделирования, планирования будущего.

Библиографический список / References

- Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академический проект, 2014. 530 с.
(Dugin A. G. *Noomakhia: Wars of the mind. The Logos of Europe: the Mediterranean Civilization in Time and Space*, Moscow, 2014, 530 p. — In Russ.)
- Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
(Kutyrev V. A. *Being or Nothing*, St. Petersburg, 2010, 496 p. — In Russ.)

- Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
(Losev A. F. *Being. Name. Cosmos*, Moscow, 1993, 958 p. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
(Losev A. F. *Myth. Number. Essence*, Moscow, 1994, 919 p. — In Russ.)
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
(Mamardashvili M. K., Pyatigorsky A. M. *Symbol and Consciousness. Metaphysical Arguments about Consciousness, Symbol and Language*, Moscow, 1997, 224 p. — In Russ.)
- Плютто П. А. Борьба с сознанием в «Символе и сознании» М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. 2009. № 12. С. 115—124.
(Plutto P. A. The struggle with consciousness in «Symbol and Consciousness» by M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky, in *Russian State Humanities University Bulletin. Series: Philosophy. Sociology*, 2009, no. 12, pp. 115—124. — In Russ.)
- Сартр Жан-Поль. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 644 с.
(Sartre Jean-Paul. *Being and Nothing: The Experience of Phenomenological Ontology*, Moscow, 2000, 644 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the Noosphere: Philosophical and methodological Problems of the Evolution of Consciousness*, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139—288.
(Solovyov V. S. Philosophical Principles of integral knowledge, in Solovyov V. S. *Essays in 2 vols*, vol. 2, Moscow, 1988, pp. 139—288. — In Russ.)
- Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. 656 с.
(Solovyov V. S. *Justification of Goodness*, Moscow, 2012, 656 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 01.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Жульков Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mzh1@mail.ru

Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mzh1@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья
УДК 130.2:165.12
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.45-53

В. С. Лебедев

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ «ОСЦИЛЛЯЦИЯ», «АНТИХРУПКОСТЬ», «ЛИМИНАЛЬНОСТЬ» (ОПЫТ ОПИСАНИЯ)

Аннотация. В статье рассмотрены три категории, описывающие состояние современной культуры и социума в целом. Первой категорией является осцилляция, которая «выступает» социально-онтологической для современного человека, как одно из структурообразующих свойств сознания. От обратного определяется экстремальное сознание, лишенное размеренной осцилляции на уровне психики и на уровне построения картины мира. Второй категорией выбрано понятие Нассима Николаса Талеба «антихрупкость», которое показывает способность системы развиваться в нестабильных и кризисных ситуациях, при условии, что экстремальная ситуация не тотальна в рамках восприятия. Экстремальное сознание, исходя из системно-синергетического анализа, представлено как «хрупкое». В рамках третьей категории высказана мысль о появлении экстремального сознания в рамках лиминальных пространств, тогда как лиминальность в культуре в общем детерминирована.

Ключевые слова: осцилляция, антихрупкость, лиминальность, экстремальное сознание, социальная онтология.

Ссылка для цитирования: Лебедев В. С. Экстремальное сознание в системе категорий «осцилляция», «антихрупкость», «лиминальность» (опыт описания) // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 45—53.

Original article

V. S. Lebedev

EXTREME CONSCIOUSNESS IN THE SYSTEM OF CATEGORIES “OSCILLATION”, “ANTIFRAGILITY”, “LIMINALITY” (DESCRIPTION EXPERIENCE)

Abstract. The article discusses three categories that describe the state of modern culture and society as a whole. The first category is oscillation, which is shown as a socio-ontological phenomenon for modern humans, representing it as one of the fundamental properties of consciousness. Conversely, extreme consciousness is defined as devoid of measured oscillation, both at the level of the psyche and at the level of worldview construction. The second category is based on Nassim Nicholas Taleb’s concept of “antifragility,” which refers to a system’s ability to adapt and evolve in unstable and crisis-ridden environments, provided that the extreme situation is not entirely perceived as such. In this context, extreme consciousness is presented as “fragile” based on a systemic-synergetic analysis. The third category explores the emergence of extreme consciousness within liminal spaces, where liminality in culture is generally deterministic.

© Лебедев В. С., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 45—53 •

Keywords: oscillation, antifragility, liminality, extreme consciousness, social ontology.

Citation Link: Lebedev V. S. (2026) Extreme consciousness in the system of categories “oscillation”, “antifragility”, “liminality” (description experience), *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 45—53.

Всякое новое понятие, которое вводится в некоторую область знания, нуждается в определенном категориальном аппарате, который представляет собой систему родственных понятий, раскрывающих суть явления, о котором идет речь. В нашем случае экстремальное сознание нуждается в языке описания, поскольку представлено крайне слабо или примитивно, что объясняется отсутствием выработанной методологии и, конечно, адаптированного категориального аппарата. С одной стороны, такая актуальная проблема оборачивается очевидными минусами: неопределенность, а следовательно — невозможность использовать «экстремальное сознание» в научном и философском дискурсе. С другой стороны, мы имеем свободу интерпретации и использования разнообразных методов. В данном случае были выбраны системный и синергетический подходы. В случае первого — представление и общества и сознания как системы, а во втором — как самоорганизующейся системы, развивающейся через определенные явления мира неравновесных систем. Эти подходы позволяют нам представить определенные явления в обществе не только в рамках наиболее разработанной методологии, но и в целом по-другому оценивать катастрофические и кризисные процессы, вызванные развитием общества.

Концептуальными категориями новой эпистемологической системы являются «осцилляция», «антихрупкость» и «лиминальность».

Начать, пожалуй, стоит с одной из самых заметных категорий из метамодернистской парадигмы культурологии — осцилляции. Р. Н. Лейни рассматривает осцилляцию метамодерна в сравнении с карнавальной относительностью в масс-медийной культуре [Лейни, 2024]. Исследователь обращается к анализу работы «специалистов в разных областях гуманитарных знаний, изучающих кризисные периоды различных эпох» [там же: 17]. При этом пограничные моменты оцениваются в рамках кризиса постмодерна с одновременным обращением к метамодернистским категориям.

Осцилляция в таком контексте трактуется как «колебание между максимумами, что делает возможным одномоментное существование искренности романтизма и постмодернистского скепсиса, рациональности и иррациональности» [там же: 18]. Такая пограничная ситуация уже на уровне нарратива позволяет нам говорить о пограничном положении тех принципов познания, которые формируют картину мира человека. Социальная онтология осцилляции подчеркивает это явление в рамках развития общества. Мы можем видеть, что в разборе метамодернистской терминологии осцилляция характеризует новое направление как в литературе, так и в исследовании культуры, что отмечает и автор [там же: 19]. Осцилляция наиболее заметна в искусстве, что, в свою очередь, дает повод предположить наличие этого явления в сознании, точнее сказать, дает повод предположить, что осцилляция — это состояние сознания. Важно отметить, что колебания сознания (или же колеблющееся сознание) можно представить в рамках системы информационных потоков.

Известно, что цифровая революция сделала доступным огромный контент разнообразной информации, где мы сталкиваемся не только с взаимодействием культур, но и с новыми коммуникативными формами общения [Филановская, 2022: 117]. В первом случае перед нами постоянная неопределенность между разнообразными потоками информации; человек воспринимает культурную реальность одновременно с разных сторон. Ни одна из этих «сторон» не истинна и не ложна, но несет в себе определенную смысловую и ценностную нагрузку. Экстремальным здесь может быть противоречие в воспринимаемом. С другой стороны, сознание может достигнуть своего экстремального состояния в неопределенности каналов коммуникации. Здесь тоже важно несоответствие цифрового аватара и общению в сети с общением личным. Сами границы личного стираются, что вызывает определенный психологический, а иногда и экзистенциальный стресс. Перегруженность и гиперактивность, а также клиповое мышление и преимущественно визуальное восприятие информации стали характеристиками поколения Z [там же: 118], которое иначе можно назвать поколением метамодерна.

Неустойчивость, подобная маятнику, в системном ключе представляет из себя не движение между двумя выбранными крайностями, а скорее кружение, подобное маятнику Фуко — между многими крайностями. Внутри поля, между крайностями, проходит сознание человека. И, если не отходить от предложенной метафоры, маятник раскачивается внутри поля, то система относительно стабильна. По крайней мере, способность задерживаться между двух крайних точек есть показатель адаптивности системы, более плавного перехода между пограничными условиями. Для осцилляции здесь характерна размеренность, которая в культуре выражается в переосмыслении артефактов двух предыдущих эпох — модерна и постмодерна.

Устойчивое и «не-экстремальное» сознание предполагает, что «простого заимствования и использования какой-либо идеи или культурного артефакта предшествующей эпохи быть не может» [там же]. Напротив, в экстремальном сознании все артефакты, выражаемые в культуре, принадлежат пограничной области. Если внутри устойчивой осцилляции мы видим область, которую можно даже назвать «маревом, аурой, пятном»¹, то экстремальное сознание порождает артефакты, тяготеющие к краю этой области, что можно представить как круг, в центре которого пустота. Экстремальное сознание, организующее личность, никак не может определить, кем быть, но обязательно личность должна иметь определенные характеристики. Иначе говоря, личность, формируемая экстремальным сознанием, не существует в рамках осцилляции, а старается ее избежать, опираясь на максимы и не принимая синергетического синтеза.

С точки зрения системного подхода осцилляция предполагает «реструктуризацию некоторого числа уже данных элементов»². Следовательно, осцилляция в рамках сознания невозможна без сложности, появляющейся в перегруженной системе, все больше напоминающей среду. В рамках эволюции художественных систем мы также сталкиваемся с синергетической сложностью. Однако никакая

¹ Филановская обращает внимание на комментарий к Р. Барту, сделанный Н. Хрущёвой, где последняя также видит область существования артефактов метамодерна в рамках [Филановская, 2022: 119].

² Лейни также находит эту мысль Ф. Джеймсона справедливой [Лейни, 2024: 19].

сложность и включенность системы в информационное взаимодействие не лишает ее феноменальности. Эта важнейшая характеристика делает художественные системы в известном смысле зависимыми от наблюдателя, лишая не столько относительной, сколько онтологической самостоятельности. Сознание, данное в интроспекции или выраженное в культурном артефакте, при реструктуризации может оставаться тем же по содержанию, но смещение внимания на другие аспекты придает феномену содержания новизну. Вслед за смещением акцентов может поменяться и функция.

Справедливым можно считать не только изменение культурных форм, но и форм сознания, точнее, тех мировоззренческих структур, которые при кажущейся целостности и неизменности изменяют свою функцию по отношению уже к внешнему миру. Одни и те же смысловые конструкции картины мира начинают объяснять совершенно другие вещи. Здесь мы уже можем говорить об устойчивости культуры метамодерна, которая, обладая достаточной степенью свободы, может выполнять различные функции в сознании человека. Речь идет о карнавальной форме культуры, основывающейся на иронической амбивалентности как на всеобщей и универсальной точке зрения [Лейни, 2024: 19—20]. Ирония есть способность держать в сознании срединный вариант, как равновесный край.

В экстремальной ситуации смысловые конструкции, отражающие максимумы, кажутся местом устойчивости, точками стабильности. Однако именно эти точки требуют от человека максимальной отдачи и испытывают всю систему на прочность. Амбивалентность лишена напряжения, присущего четкому противопоставлению, а следовательно, система распределяет нагрузку, или отказываясь от выбора, или выбирая срединное, даже если оно абсурдно относительно предыдущих состояний. Даже если напряжения постоянны, они не затрагивают основы системы в целом и не отменяют системообразующее свойство, которое в состоянии свободных флуктуаций избегает своего исчезновения. Экстремальное сознание лишено такой гибкости. Оно крепко держится за максимумы, полагаясь на точный прогноз, который можно сделать на их основании, при этом не принимая во внимание того, что сложная система не может держать постоянную экстремальную нагрузку, фиксирующую одно положение элементов в структурах и структурах в системе.

Таким образом, явление осцилляции в культуре показывает стратегию устойчивости сознания, которая одновременно является критерием стабильного уравновешенного состояния сознания, а также показателем противоположного состояния. В силу того что культурная осцилляция дана нам в виде человеческого творчества, то она выступает как доступный язык выражения социального бытия экстремального сознания.

«Антихрупкость» — термин, созданный Нассимом Николасом Талебом в рамках своей теории «черных лебедей». Термин относится к тому же явлению в социальной среде, что и осцилляция, однако призван описывать систему в ее «нормальном» состоянии. Антихрупкость — уже заложенная характеристика в систему, которую сам Талеб определяет как «неуязвимость объекта, который не боится влияющей на него переменчивости» [Талеб, 2024: 457]. Терминология Талеба необходима как основание определения обратного. Иначе говоря, мы раскрываем экстремальное сознание через «антихрупкость» как «хрупкость» в понимании Талеба. При этом возникает закономерный вопрос о «бритве Оккама», поскольку

можно было бы сразу говорить о «хрупкости», не прибегая к посредственным определениям.

Однако здесь «антихрупкость» выступает как термин направляющий, как категория, акцентирующая внимание мыслителей на аспектах, до того разобранных неполноценно. Потому и «хрупкость» понимается Талебом конкретно, а именно как ошибка мотивации. Суть мысли такова, что человек склонен в своих решениях исходить из хрупкости окружающей системы, а не из истинности или ложности посылок [там же: 448]. Стремление видеть в системе строгую и неподвижную структуру является иллюзией в картине мира, которая является одной из системообразующих свойств экстремального сознания как сложной системы.

Антихрупкость в информационном отношении является способностью отделять шум от сигнала и реагировать только на последнее. В данном случае имеется в виду именно информационный шум, который мешает воспринимать сигналы внутри системы. Экстремальное сознание представляет из себя такую систему, которая путается в информационных потоках, реагируя на наиболее сильные, но необязательно содержательные. Однако негативным является и избыток сигналов, которые Талеб называет «токсичностью» [там же: 230]. Антихрупкость подразумевает в таком случае не только пассивную способность «фильтровать» информацию, но и активное ограничение информационного потока, дисциплину сознания. Эта активная позиция отделяет антихрупкое от хрупкого, что справедливо и для экстремального сознания.

Вводимый Талебом термин подразумевает и такое качество, благодаря которому «антихрупкое, пройдя сквозь испытания, становится лучше прежнего» [Силова, 2024: 161]. Справедливо отмечается в исследованиях, посвященных категории антихрупкости: «Антихрупкость нельзя сводить к понятиям гибкости или неуязвимости, случайность и неопределенность являются факторами повышения антихрупкости, определенный класс ошибок для нее необходим» [там же]. Класс ошибок подразумевает местные нарушения, которые не являются катастрофичными, не являются тотальными и в конечном итоге не уничтожают свойства гибкости и не мешают информации о состояниях системы (сознания, например) свободно распространяться от элемента к элементу внутри системы. Антихрупкость невозможна без перманентного, но дозированного напряжения, которое зачастую нивелируется социальной средой, что в рамках социальной онтологии экстремального сознания является важным фактором появления такого сознания. «Также антихрупкость хорошо описывается при помощи понятия асимметрии и определяется следующим общим правилом: потрясения приносят антихрупкой вещи больше пользы по мере увеличения их интенсивности (до определенного уровня)» [там же: 163].

Экстремальное сознание можно описать как «хрупкое» исходя из «антихрупкости» не только из внутренних посылок самого определения. Нередко можно встретить исследования, в которых авторы осмысливают антихрупкость из внешнего экстремального состояния. Иначе сказать, в сознании философов, работающих с концепцией Талеба, термин «антихрупкость» прочно связан с нестабильными и опасными ситуациями. Например, Д. Н. Москаленко рассматривает антихрупкость через призму пандемии Covid-19, сравнивая с процессом распространения вируса процесс распространения философской идеи [Москаленко, 2024: 326]. Философ, согласно такому сравнению, «предстает (как и вирус) “эпидемом”

в истинно греческом смысле этого слова, то есть тем, кто находится в “демосе”, циркулирует среди людей определенной общности и подвергает опасности их жизнь» [там же]. Философские идеи, исходя из сравнения, которые автор подкрепляет примерами Сократа, Сартра и Спинозы [там же], можно считать информацией о новом состоянии элементов системы — общества, чей генезис можно описать как социально-онтологический.

С одной стороны, перед нами гибкая система, чье общее состояние можно оценить как «антихрупкое», а с другой — есть наиболее костные ее части, которые усваивают поведение системы медленнее остальных частей. В рамках таких обществ диалектично появляются личности или группы, которые выступают против прежнего состояния структуры или оспаривают состояние всей системы, как хрупкое. Далее начинается борьба, где точкой бифуркации будет такое состояние структур системы, которое можно было бы назвать осциллирующим. Итог всего процесса непредсказуем, поскольку в сложной системе мы можем говорить только о синергии, о странном и непонятном взаимодействии, включающем явления эмерджентности. Но философская мысль является не только средством постановки острых вопросов, которые во многом «назрели» в обществе, но и источником ответов, ибо всякий вопрос предполагает ответ, даже если это целая область ответов. С точки зрения автора, «философия стремится придать смысл реальности и феноменам реальности» [там же: 327], что в контексте антихрупкости можно перефразировать «вписать в контекст».

Адекватное видение ситуации в контексте важно с эпистемологической точки зрения и акцентирует внимание на «реперных» вопросах. Первый для автора — вопрос хрупкости человека, которая на опыте пандемии предстает как типичное состояние человека [там же]. Хрупкость отдельных элементов не предполагает необходимость хрупкости всей системы. И хрупкость отдельного элемента в целом невозможно помыслить в рамках открытой системы, где последняя всегда вовлекает в собственный контекст. На уровне социума мы можем говорить об антихрупкости, которая задает смысловую структуру сознанию при должном общении самого сознания с окружающим его обществом. При этом «самость» является очевидным отличием от внешнего. Само наличие философской рефлексии говорит о некоторой задержке информационного потока, что подталкивает нас на мысль о том, что в рамках «нормы» антихрупкость отдельного человека — это способность быстро реагировать на изменения в социуме с оптимизацией скорости информационного потока через философскую рефлексию. При этом можно предположить, что философская рефлексия является вершиной рационального размышления не столько по методу, сколько по удобству, понятности и адекватности содержанию, форме и скорости информационных потоков внутри общества.

Но все же статья посвящена определению экстремального сознания, что из вышесказанного требует следующего заключения: экстремальное сознание лишено высокоуровневой рациональной рефлексии. С одной стороны, это необдуманное пропускание через себя культуры, которая нивелирует личность, уничтожая онтологическую основу системы, — элемент. С другой — излишняя закрытость и замкнутость, вызванная размышлением неограниченным и хаотичным, грозит неадекватным восприятием сообщества, иллюзиями. Но, здесь стоит усреднить: экстремальное сознание — это не столько сознание, неспособное

к философствованию, сколько совершенно неспособное к оному. Философское объяснение некоторых событий в жизни, а особенно потрясающих сознание, позволяет сделать выводы, а позднее — даже извлекать пользу из произошедшего. Человек, чье сознание не оперирует философской амбивалентностью, даже неосознанно, даже исключая рамки какой-то конкретной системы, неизбежно будет носителем экстремального.

Антихрупкость, как и осцилляция, не отсылают нас к конкретному аспекту реальности, представляя то общее свойство или культурное явление последних лет. Но реальность протяженна в пространстве и времени, а об экстремальном пространстве было сказано меньше. Экстремальное сознание, как и всякое другое, не оторвано от пространства и может как проектировать его, так и само выстраиваться вслед за ним. В контексте такого взаимного генезиса остро встает вопрос лиминальности пространства. В какой мере лиминальность пространства является экстремизирующим фактором для сознания? Как лиминальность пространства может отражаться на формировании экстремального сознания и какова должна быть степень этой лиминальности? Перечисленные вопросы нуждаются в ответах, и в данной статье приведена некоторая попытка это сделать.

Итак, лиминальность — это «“пороговое” или переходное состояние между стадиями развития человека и общества» [Фусу, 2018: 144]. Пороговое состояние жизни общества — предмет нашего исследования и, исходя из системного и синергетического метода, время существования экстремального сознания. С точки зрения кандидата медицинских наук Л. И. Фусу, лиминальность стоит исследовать с антропологических позиций как процесс перехода из одного социального состояния в другой [там же: 145]. Для сформированной системы сознания такой переход может быть проблемой, но не катастрофой. Лиминальность, включенная в контекст, не представляет из себя экстремальной ситуации, поскольку она уже принята в культуру, ей уже есть место. С точки зрения антропологии, мы имеем дело с «теми динамическими механизмами, которые помогают реализовываться глобальным преобразованиям в жизни»³.

Экстремальное сознание может существовать в рамках лиминальности, если процесс перестройки, характеризующийся этим термином, не воспринимается адекватно. Так, на этапе сепарации [там же: 144] происходит стирание информации о принадлежности определенной системе в целом. Личность сводится к индивиду ввиду внешних экстремальных условий, имеющих социальную и (или) природную причину. На стадии собственно лиминальности, которая в обществе приобретает статус маргинальности [там же], происходит перемещение в транзитивную зону. Транзитивность — отдельный термин, связанный с пограничным состоянием сознания. Если это состояние не преодолевается, то человек «запутывается» и теряет саму способность воссоединиться с контекстом мира. Следовательно, третья стадия (инкорпорация) [там же] или откладывается для личности на неопределенный срок (иногда превышающий срок жизни индивида), или проходит совсем. В рамках концепции антихрупкости мы можем оценивать лиминальность как необходимый кризис, который делает гибкость системы актуальной.

³ Сама Фусу использует здесь высказывание Арнольда ван Геннепа [Фусу, 2018: 145].

Но лиминальность, если она касается внутреннего человеческого — культуры, может быть институализирована. Но в рамках пространства человеческого сознание остается совсем беззащитным. Лиминальность здесь получает черты катастрофического, иначе сказать, становится тотальной. Это отмечается и исследователями: «Например, пространственное свойство лиминальности отражается в таких проявлениях, как конкретные места, так и большие зоны, регионы, страны» [там же: 145]. Отдельно стоит сказать, что лиминальные зоны чаще всего являются неудобными или опасными для человеческого существования.

Экстремальное сознание не стремится сохранить смыслообразующие интенции, а наоборот, поддается паническому и расстроенному состоянию и становится неспособно стать основанием новой мировоззренческой системы. С точки зрения антропологического подхода, мы можем согласиться с Фусу в определении: «лиминальность — это дефиниция, которая определяет динамические и процессуальные состояния общества и/или отдельных индивидуумов, которой присущи такие свойства, как: фрактальность, дуальность, пространственно-временные особенности» [там же: 146]. Хочется только добавить, что динамические процессуальные изменения в обществе на данном этапе истории человеческой культуры можно назвать «осцилляция», возвращаясь к нашему прежнему определению. Важной частью является и структурно-семиотическое определение: «Лиминальность, собственно, осуществляет экспансию культуры, она посвящена изучению новых пространств и сфер, и представляется некоторой технологией саморазвития» [там же: 147]. Последнее замечание отсылает нас не только к феноменологическому характеру, но и к онтологической самостоятельности лиминальности в рамках существования человека и общества. Экстремальное сознание лишено тех паттернов существования, тех необходимых «механизмов», которые позволяют перестраиваться вместе с меняющейся средой, не отвечая пассивностью, как и твердостью.

О степени лиминальности можно высказывать предположения на основании методических пособий, которые в рамках социологического или психологического исследования поведения и рефлексии в рамках лиминальных пространств поможет показать наличие экстремального сознания. Метод прост: если лиминальное пространство вызывает тревогу и психическое напряжение, значит, можно предположить, что человек не обладает гибким мировоззрением, догматичен и консервативен в рамках картины мира и системы ценностей. Просьба описать свое состояние в моделируемых ситуациях лиминальности также может помочь в описании поведенческих паттернов экстремального сознания.

В рамках последнего есть некоторые достижения, которые можно использовать для проведения исследований. Так, например, выставка «Лиминальные зоны» в Музейно-выставочном центре города Иванова⁴ является одним из самых интересных материалов, которые можно оценить в рамках исследования реакции. Конечно, чистым экспериментом назвать оценку восприятия выставки нельзя, если речь идет о чувствах и эмоциях при переживании лиминальности. Но данные, касающиеся оценки рефлексии, уже можно оценивать с точки зрения релевантности.

⁴ URL: <https://syntaxgallery.com/liminal-zones> (дата обращения: 30.04.2026).

Библиографический список / References

- Москаленко Д. Н. О философии антихрупкости во времена сложных вызовов // Стратегии развития общества и социальная работа: материалы докладов и сообщений VI Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 09—13 октября 2023 года. Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2024. С. 325—331. (Moskalenko D. N. On the philosophy of antifragility in times of complex challenges, in *Strategies for the Development of Society and Social Work*, Rostov-on-Don — Taganrog, 2024, pp. 325—331. — In Russ.)
- Лейни Р. Н. Новая сакральность иронии: осцилляция метамодерна и карнавальная относительность в массмедийной культуре // Карнавальный код в искусстве и на телевидении: сб. материалов науч. конф., Москва, 18 мая 2023 года. М.: Высшая школа телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. С. 17—26. (Laney R. N. New sacredness of irony: metamodern oscillation and carnival relativity in mass media culture, in *Carnival Code in Art and on Television*, Moscow, 2024, pp. 17—26. — In Russ.)
- Силова Е. С. Об антихрупкости и путях её достижения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11 (493). С. 161—169. (Silova E. S. On antifragility and ways to achieve it, *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2024, no. 11 (493), pp. 161—169. — In Russ.)
- Тaleb Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. 864 с.: ил. (Taleb N. N. *Antifragility: How to Profit from Chaos*, Moscow, 2024, 864 p. — In Russ.)
- Филановская Т. А. Коллаборации в контексте социокультурных особенностей периода метамодерна // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2022. № 2. С. 116—128. (Filanovskaya T. A. Collaborations in the context of socio-cultural features of the metamodern period, *Vaganova Russian Ballet Academy Bulletin*, 2022, no. 2, pp. 116—128. — In Russ.)
- Фусу Л. И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе // Kant. 2018. № 3 (28). С. 143—148. (Fusu L. I. The concept of liminality: approaches, essence of the concept, characteristics of manifestation in society at the present stage, *Kant*, 2018, no. 3 (28), pp. 143—148. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Лебедев Василий Сергеевич — аспирант кафедры философии, институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vasleb11@mail.ru

Lebedev Vasily Sergeevich — postgraduate student at the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vasleb11@mail.ru

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ

Научная статья
УДК 340:004
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.54-62

Н. М. Ветчинин

«ЦИФРОВОЕ» ПРАВО: ОПЫТ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Цифровая трансформация общества обусловила возникновение качественно новых общественных отношений, регулирование которых не может быть в полном объеме обеспечено традиционными отраслями права. В ответ на данный вызов в правовом поле и законотворческой практике сформировался феномен, обозначаемый термином «цифровое право». В статье проводится анализ данного явления: возникновение и семантическая эволюция термина, определяется его место в структуре правовой науки, рассматриваются ключевые подходы ведущих государств, а также анализируется взаимодействие цифрового права с технологиями искусственного интеллекта и принципиальная возможность его нормативного применения. Сделан вывод о том, что цифровое право — это не отдельная, замкнутая отрасль права, а гибкая и постоянно меняющаяся система правил, которая объединяет нормы из разных областей. Чтобы эффективно работать, этой системе нужно дальше развивать теоретическую базу и учиться отвечать на новые технологические вызовы.

Ключевые слова: цифровое право, информационное право, правовая информатизация, искусственный интеллект, сравнительно-правовой анализ, правовое регулирование, алгоритмическое регулирование.

Ссылка для цитирования: Ветчинин Н. М. «Цифровое» право: опыт категориального анализа // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 54—62.

Original article

N. M. Vetchinin

«DIGITAL» LAW: EXPERIENCE OF CATEGORIAL ANALYSIS

Abstract. The digital transformation of society has led to the emergence of qualitatively new social relations, which cannot be fully regulated by traditional branches of law. In response to this challenge, a phenomenon known as “digital law” has emerged in the legal field and legislative practice. This article analyzes this phenomenon, including the emergence and semantic evolution of the term, its place in the structure of legal science, the key approaches of leading countries, and the interaction of digital law with artificial intelligence technologies and the potential for its normative application. It is concluded that digital law is not a separate, closed branch of law, but a flexible and constantly changing system of rules that combines norms from different fields. In order to work effectively, this system needs to further develop its theoretical base and learn to respond to new technological challenges.

Keywords: digital law, information law, legal informatization, artificial intelligence, comparative legal analysis, legal regulation, and algorithmic regulation.

Citation Link: Vetchinin N. M. (2026) «Digital» law: experience of categorial analysis, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 54—62.

© Ветчинин Н. М., 2026

• Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 54—62

Термин «цифровое право» не сформировался одномоментно. Его осмысление проходило несколько последовательных этапов, отражающих изменения в технологической и регулятивной сфере конца XX — начала XXI века

В период 1990-х — начала 2000-х годов, который совпал с массовым распространением Интернета и электроники, в обиходе преимущественно использовались понятия «киберправо» (*cyberlaw*), «информационное право» и «IT-право». Данные термины акцентировали внимание в основном на технических аспектах информационного обмена, безопасности сетей и регулировании деятельности субъектов интернет-пространства, не охватывая в полной мере трансформацию самих правовых институтов под влиянием цифровой среды.

Одно из наиболее ранних упоминаний термина «цифровое право» можно наблюдать в работе профессора Корнеллской школы права Питера У. Мартина. В его исследовании термин «digital law» употребляется не в современном значении (в соответствии с федеральным законом от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2026) — обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам)¹, а как обозначение права в цифровой среде, то есть правовой информации, создаваемой, хранимой и распространяемой с помощью цифровых технологий. Автор справедливо отмечает, что переход на цифровые носители вынуждает юридическое сообщество переосмыслить технологическую инфраструктуру правовой информации, которая ранее воспринималась как нечто само собой разумеющееся². Осуществляя историко-правовой анализ, Мартин пишет, что правовая информация никогда не была статичной: последовательные переходы от устной традиции к рукописным текстам, от печатных кодексов к электронным базам данных неизменно трансформировали как доступ к праву, так и механизмы его интерпретации.

На фоне стремительной информатизации общественных отношений часть исследователей выступает за формирование специализированного регулятора, в то время как другая часть настаивает на сохранении системной целостности права через применение традиционных юридических норм. Одним из наиболее методологически обоснованных аргументов в пользу второго подхода остается тезис, сформулированный судьей Седьмого окружного апелляционного суда США Фрэнком Истербруком в его статье «Law and Cyberspace».

Ф. Истербрук вводит аналогию «Права о лошадях», демонстрируя, что попытки объединить разрозненные правовые ситуации, связанные с одной специфической сферой, в отдельную отрасль неизбежно ведут к поверхностному анализу и утрате фундаментальных юридических принципов. Правовые отношения, возникающие в ходе разведения, торговли, лицензирования, ветеринарного обслуживания или организации скачек, охватываются нормами гражданского,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.05.2026).

² Мартин П. У. Цифровое право: некоторые размышления о будущем юридических информационных технологий [Электронный ресурс] / П. У. Мартин; Программа, спонсируемая Национальным центром исследований в области права. Май 1995. URL: <https://www.law.cornell.edu/papers/fut95fnl.htm> (дата обращения: 15.04.2026).

административного и налогового права. Выделение их в отдельную категорию не создает нового регулятивного инструмента, а лишь фрагментирует единое правовое поле и мешает увидеть единство подходов [Easterbrook, 1996].

В продолжении дискуссии следует обратить внимание на тезис Лоренса Лессига, сформулированный в работе «Code and Other Laws of Cyberspace»: «Код — это право». Данная работа показывает, что программная и аппаратная архитектура цифровых систем зачастую определяет поведение субъектов с большей эффективностью, чем формальные юридические нормы. Цель его статьи — провести анализ тезиса и сопоставить регулятивный потенциал права в физическом и цифровом пространствах, а также выявить ограничения традиционных подходов к защите приватности с обозначением системных вызовов, которые требуют переосмысления правовых норм в условиях информатизации, и пограничного характера цифровой среды [Lessig, 1999].

Концепция Лессига основана на наблюдении, согласно которому технические параметры цифровых систем (протоколы, интерфейсы, алгоритмы шифрования, настройки доступа) де-факто устанавливают границы допустимого поведения, в отличие от правовых норм, которые применяются уже после нарушения и требуют специальных процедур. Программный код создает такие технические условия, при которых определенные действия становятся невозможными на физическом или логическом уровне.

В реальной среде механизмы наблюдения и вмешательства, как правило, обладают видимым характером: системы видеонаблюдения, присутствие охраны или правоохранительных органов фиксируются субъектом, что позволяет использовать предусмотренные законом процедуры защиты. Правовые нормы о приватности и неприкосновенности частной жизни исторически опирались на модель очевидности присутствия, предполагающую возможность осознанного реагирования правообладателя.

В цифровой среде эта модель перестает работать. Данные собираются автоматически в фоновом режиме, сведения о действиях пользователей накапливаются без их прямого уведомления. В результате главным регулятором поведения становятся технические системы, тогда как законы обычно лишь реагируют постфактум или носят преимущественно формальный характер.

Таким образом, первоначально термин носил инструментально-технологический характер, фиксируя цифровизацию правовых источников и процедур. По мере усложнения цифровых общественных отношений, появления платформенной экономики, Big data и искусственного интеллекта «цифровое право» приобрело современное регулятивное значение, обозначающее комплекс норм, принципов и институтов, специально предназначенных для упорядочения отношений, возникающих в связи с созданием, использованием и распределением цифровых данных и алгоритмов [Васильев, 2019].

Развитие правового регулирования информационных процессов в отечественной юриспруденции отражает хронологию законодательных актов, и постепенную смену правовой модели. Право переходит от регулирования материальных объектов к осмыслению информации как самостоятельного основания взаимодействия в обществе, что требует пересмотра традиционных категорий — объекта, субъекта и механизма правового воздействия.

Отправной точкой этого процесса можно считать 1975 год, когда постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 558 «О мерах по дальнейшему

совершенствованию хозяйственного законодательства» заложило основы для создания автоматизированных справочно-правовых систем. В этот период формируется базовый понятийный аппарат. Вводятся такие термины, как «информационные отношения» и «правовая информатика», фиксирующие попытку осмыслить право в контексте обработки и передачи данных.

В 1990-е годы научная мысль переходит на качественно новый уровень. А. Б. Венгеров обосновывает информационную природу права и выделяет информационные отношения в качестве самостоятельного предмета правового регулирования [Широков, 2020]. В. А. Копылов издает первый учебник «Информационное право» (1997), а И. М. Рассолов вводит понятие «интернет-право». Параллельно возникает терминологический плюрализм: наряду с «информационным правом» используются формулировки «кибернетическое право» и «компьютерное право». На этом этапе право начинает воспринимать информацию не как побочный продукт коммуникации, а как самостоятельный объект регулирования, существующий независимо от материального носителя. Акцент смещается на вопросы доступа, распространения и защиты информационных ресурсов [Шабаева, Бушкова, 2025].

В период 2000–2010 годов происходит переход от теоретического осмысления к практическому законодательному оформлению. Развитие Интернета потребовало четких правовых рамок, что нашло отражение в принятии Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ и Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴. Первый закрепил правовые основы взаимодействия с информацией на всех этапах ее «жизненного цикла», второй обеспечил защиту фундаментальных прав личности в цифровой среде, прежде всего права на частную жизнь и личную тайну.

В 2010-е годы на фоне роста платформенной экономики, распространения Big data и облачных технологий в научной среде все чаще возникают дискуссии о статусе информационного права как самостоятельной отрасли [Авдеева, 2016]. Этот период характеризуется осознанием того, что алгоритмические системы начинают выступать первичными регуляторами поведения, тогда как формальное право часто выполняет компенсаторную или символическую функцию, реагируя уже после возникновения конфликтов.

В современном российском правовом поле информационное право определяется как одна из наиболее динамично развивающихся отраслей российского права, в основе которой — правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, а также связанных с ними отношений. Философски значимым здесь является признание его межотраслевого характера: оно не существует изолированно, а взаимодействует с конституционным, гражданским,

³ Гранд В. Е. Правовое регулирование распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: <https://na-journal.ru/1-2023-pravo-obshchestvo/4111-pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-informacii-v-informacionno-telekommunikacionnoi-seti-internet> (дата обращения: 25.04.2026).

⁴ Новая сетевая реальность. Польза и риски цифрового следа. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/24390587> ТАСС: информ. агентство России. (дата обращения: 20.04.2026).

уголовным и административным правом. Это отражает системную природу информационного бытия: информация не является техническим ресурсом, а выступает основой новых форм коммуникации, требующих переосмысления в условиях цифровизации.

Китайский опыт построения правовой системы в цифровую эпоху представляет собой пример последовательной, поэтапной стратегии. В основе подхода лежит сочетание поддержки технологического развития с четким государственным контролем. Уже в 1990-х годах Китай начал системную работу по информатизации государства и права, пройдя три логически связанных этапа [Шаосюе, 2024].

На первом этапе (1990—2015) технологии использовались преимущественно как инструмент для улучшения работы государственных органов. Основные усилия были направлены на перевод документооборота, судебных и административных процедур в электронную форму. Ключевая характеристика периода — инструментальный подход: право остается неизменным по содержанию, но меняет форму взаимодействия с гражданином (через сети и базы данных). Технологии служат для ускорения и упрощения существующих процессов, но не трансформируют саму природу правовых отношений.

Второй этап (2016—2020) ознаменовался переходом от простой цифровизации к внедрению элементов искусственного интеллекта (ИИ) и анализа данных. Появились сервисы «интернет-правительства», «умные суды» и «умные прокуратуры». На смену инструментальной роли пришла вспомогательная функция «умных технологий»: алгоритмы начали помогать в анализе судебных прецедентов, прогнозировании правовых рисков и автоматизации рутинных решений. Однако окончательное решение по-прежнему оставалось за человеком, а технологии выступали в роли ассистента, повышающего эффективность и точность.

Современный этап (2021 — настоящее время) характеризуется интеграцией права в более широкий контекст цифровой трансформации общества. Многочисленные достижения в области высокотехнологичных информационно-коммуникационных смарт-экосистем на электронно-цифровых платформах требуют незамедлительных усилий правоведов при создании нормативных правовых актов для их легального регулирования [Нестеров, 2020]. На данный момент правительство разработало и приняло законы в сфере искусственного интеллекта, а также достигло нового уровня в применении разработок. К 2030 году Китай, согласно плану, должен стать мировым центром в области искусственного интеллекта, развитие технологий считается важной внутривластной задачей [Конопий, 2021]. Приоритетами становятся развитие цифровой экономики, создание цифрового правительства и формирование цифрового общества. Право перестает быть лишь реактивным механизмом и начинает проектировать цифровую среду: закладываются стандарты взаимодействия, определяются границы допустимого в алгоритмических решениях, формируются новые субъекты ответственности.

Европейский Союз занимает одну из ведущих позиций в мире по разработке правил для цифровой среды. Его стратегия строится на двух основаниях: активное развитие цифровой инфраструктуры для юридических действий и создание надежных механизмов защиты прав граждан. Уникальность европейской модели заключается в многоуровневом подходе: решения принимаются как на

уровне отдельных стран, так и на наднациональном уровне ЕС. Это обеспечивает единство стандартов, но одновременно создает сложности в согласовании интересов разных участников [Кокорев, 2023].

Наиболее ярким воплощением европейского подхода стал Общий регламент по защите данных (GDPR), вступивший в силу в 2018 году. Гражданин получает возможность требовать удаления своих данных, а согласие на сбор данных должно быть явным, осознанным и легко отзываемым. Введение штрафов до 4 % от мирового оборота компании делают защиту данных не формальным требованием, а бизнес-приоритетом [Соколова, 2020].

Результатом действия GDPR стало изменение глобальной цифровой практики: всплывающие окна с запросом согласия на использование *cookies*, упрощенные настройки приватности, пересмотр политик данных — все это прямое следствие европейского регулирования.

Однако стремительное развитие технологий и, в частности искусственного интеллекта (ИИ), ставит перед правом задачи, на которые пока нет единых ответов. Взаимодействие правовых норм алгоритмов ИИ становится центральным вызовом для современной юридической науки. Один из ключевых вопросов касается того, может ли ИИ выступать носителем прав и обязанностей. Современные системы способны принимать решения без прямого вмешательства человека, создавать объекты интеллектуальной собственности и влиять на юридически значимые процессы — от кредитования до подбора персонала. Несмотря на это, правовой статус ИИ остается неопределенным. Ни в одной стране не достигнуто согласия о введении специального статуса (например, «электронной личности»). Неясен и механизм ответственности: если автономная система причиняет вред, кто должен отвечать — разработчик, владелец, пользователь или сама технология?⁵. Аналогичная неопределенность сохраняется в авторском праве: не установлено, кому принадлежат права на тексты, изображения или музыку, созданные нейросетями. Эти пробелы показывают, что традиционные категории права («субъект», «ответственность», «автор») не готовы к взаимодействию с «нечеловеческими» субъектами [Колкарева, 2025].

Взаимодействие права и ИИ особенно ярко проявляется в проблеме справедливости алгоритмических решений. Алгоритмы не обладают моральным сознанием и не «понимают», что действуют дискриминационно. Они лишь оптимизируют точность прогнозов, опираясь на скрытые закономерности в данных [Харитоновна, 2021]. Ярким примером стал внутренний проект Amazon по автоматическому отбору кандидатов (2014–2018). Система обучалась на десятилетних архивах резюме, где доминировали мужчины. В результате алгоритм начал снижать оценки за указание «женских» интересов или обучение в женских вузах. Попытки инженеров исправить модель не увенчались успехом: ИИ находил новые косвенные признаки предвзятости. Проект был закрыт, но его уроки изменили правовой подход. Сегодня появились инструменты аудита алгоритмов, сформировались корпоративные стандарты и общественный запрос на прозрач-

⁵ Этическое применение искусственного интеллекта / П. М. Готовцев, Р. В. Душкин, О. П. Кузнецов [и др.] // Этика цифровых технологий: аналитический доклад / Центр цифровой трансформации РАНХиГС. Разд. 3.3. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_3 (дата обращения: 01.05.2026).

ность⁶. Однако полная нейтральность невозможна, если исходные данные отражают историческое неравенство, сложные модели скрывают логику принятия решений, а коммерческие цели расходятся с этическими нормами.

Эти примеры показывают, что делегировать моральные и правовые решения исключительно машине нельзя. Искусственный интеллект не может быть «справедливым» сам по себе. Справедливым может быть только управляемый процесс, в котором разработчики, регуляторы и общество несут ответственность за влияние алгоритмов на жизнь людей. Цифровое право должно не просто реагировать на уже совершенные ошибки, а встраивать правовые и этические требования на этапе проектирования систем [Кравчук, 2021]. Это означает переход от контроля последствий к контролю архитектуры: требование прозрачности, возможность человеческого вмешательства, регулярный аудит на предмет предвзятости и четкое распределение ответственности между участниками цепочки создания ИИ [Васильев, 2020].

Термин «цифровое право» не возник внезапно, а сформировался постепенно, отражая глубинные изменения в технологиях, общественном укладе и самом понимании права. Его эволюция от «киберправа» и «информационного права» к современному концепту показывает переход от восприятия технологий как простого инструмента к осознанию их роли как самостоятельной регулятивной среды. Как демонстрируют теоретические дискуссии (Мартин, Истербрук, Лессиг) и сравнительный анализ правовых систем, цифровая реальность ставит перед юриспруденцией принципиально новый вызов: программный код и алгоритмическая архитектура де-факто определяют границы допустимого поведения раньше и эффективнее, чем формальные нормы, оставляя традиционному праву преимущественно восполняющую роль.

Опыт России, Китая и Европейского Союза подтверждает, что единой универсальной модели не существует. Российский подход прошел путь от технической цифровизации к осмыслению информации как основы коммуникации. Китайская модель демонстрирует поэтапную интеграцию технологий в государственное управление при сохранении жесткого контроля. Европейская стратегия делает ставку на защиту прав человека и создание глобальных стандартов. Несмотря на различия, все три направления сходятся в одном: цифровое право не может быть изолированной отраслью. Оно носит межотраслевой характер и требует переосмысления базовых категорий — от объекта регулирования до механизмов защиты приватности и ответственности платформ.

Главный вывод заключается в следующем: цифровизация как глобальный процесс в такой же мере амбивалентна, как и вступившая в свои права два века назад технизация. Она отвечает всем признакам глобальной проблемы современности, ибо ее решение зависит не только от коллективной деятельности всех стран мира, но фактически от каждого человека в отдельности [Смирнов, 2021]. Эффективность будущего правового регулирования зависит от способности права перейти от постфактумного реагирования к проектированию цифровой среды на этапе ее разработки. Это не означает отказ от традиционных правовых принципов, а требует их встраивания в технические стандарты, интерфейсы и алго-

⁶ Dastin J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women / J. Dastin // Reuters. 2018. 10 October. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G> (дата обращения: 01.05.2026).

ритмические решения. Только при таком подходе возможно сохранить баланс между технологическим прогрессом, безопасностью и фундаментальными правами личности в условиях, где код становится правом, а право должно оставаться инструментом защиты человеческого достоинства и свободы выбора.

Библиографический список / References

- Авдеева И. Л. Анализ зарубежного опыта использования глобальных технологий «Big Data» // Вестник евразийской науки. 2016. Т. 8, № 6 (37). С. 13.
(Avdeeva I. L. Analysis of foreign experience in using global Big Data technologies, *Bulletin of Eurasian Science*, 2016, vol. 8, no. 6 (37), pp. 13. — In Russ.)
- Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15—18.
(Vasiliev A. A., Ibragimov Zh. I., Nasyrov R. V., Vasev I. N. The term “digital law” in doctrine and legal texts, *Jurislinguistics*, 2019, no. 11, pp. 15—18. — In Russ.)
- Кокорев А. С., Машура С. В. Цифровая экономика ЕС: особенности формирования и перспективы развития // Культура и безопасность. 2023. № 2. С. 71—79.
(Kokorev A. S., Mashura S. V. Digital economy of the EU: features of formation and development prospects, *Culture and Security*, 2023, no. 2, pp. 71—79. — In Russ.)
- Колкарева И. Н., Гайдук А. Ю., Раевский К. Э. Искусственный интеллект и право: этические и юридические вызовы // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 96—99.
(Kolkareva I. N., Gaiduk A. Yu., Raevsky K. E. Artificial intelligence and law: ethical and legal challenges, *Agrarian and Land Law*, 2025, no. 3, pp. 96—99. — In Russ.)
- Конопий А. С. Цифровая трансформация государства и права Китая // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 72—77.
(Konopiya A. S. Digital transformation of the state and law of China, *North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 72—77. — In Russ.)
- Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2021. № 1. С. 115—122.
(Kravchuk N. V. Artificial intelligence as a judge: prospects and concerns, *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2021, no. 1, pp. 115—122. — In Russ.)
- Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 11—16.
(Nesterov A. V. On digital rights and objects of digital rights, *Law and Digital Economy*, 2020, no. 1 (07), pp. 11—16. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127—134.
(Smirnov G. S., Vetchinin N. M. Universal digitalization as a global problem: man and his digital consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 127—134. — In Russ.)
- Соколова М. Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2. С. 56—66.
(Sokolova M. E. First successes of the new European General Data Protection Regulation, *Modern Europe*, 2020, no. 2, pp. 56—66. — In Russ.)

- Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
(Vasiliev A. A. (ed.) *Transformation of Law in the Digital Age*, Barnaul, 2020, 432 p. — In Russ.)
- Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 53. С. 488—515.
(Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Bias in artificial intelligence algorithms: ethical and legal issues, *Perm University Bulletin. Series: Legal Sciences*, 2021, no. 53, pp. 488—515. — In Russ.)
- Цзя Шаоюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 528—545.
(Jia Shaoxue. Review of legislation and practice of the People's Republic of China in the field of development of modern digital law, *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal Sciences*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 528—545. — In Russ.)
- Шабаева О. А., Бушкова А. В. История развития правовых информационных систем в России // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2 (109). С. 32—37.
(Shabaeva O. A., Bushkova A. V. History of the development of legal information systems in Russia, *Siberian Law Bulletin*, 2025, no. 2 (109), pp. 32—37. — In Russ.)
- Широков О. А. К вопросу о становлении и развитии информационного права // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 14—15.
(Shirokov O. A. On the issue of the formation and development of information law, *Young Scientist*, 2020, no. 43 (333), pp. 14—15. — In Russ.)
- Easterbrook Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse, *University of Chicago Legal Forum*, 1996, pp. 207—216.
- Lessig L. *Code and Other Laws of Cyberspace*, N. Y.: Basic Books, 1999. 288 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Ветчинин Никита Михайлович — преподаватель кафедры философии, главный специалист научно-исследовательского управления, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nikitavetchinin@mail.ru

Vetchinin Nikita Mikhailovich — lecturer in the Philosophy Department, chief specialist of the Research Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nikitavetchinin@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Научная статья

УДК 340.12:316.7

DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.63-69

А. В. Мурунова

СВЯЗЬ ПРАВА И ДОМИНИРУЮЩЕГО ТИПА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ П. А. СОРОКИНА

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу эволюции правовых взглядов выдающегося социолога Питирима Сорокина. Выделяются два основных этапа его теоретического пути: ранний (русский) период, когда он развивал психологическую концепцию права как системы императивно-атрибутивных эмоций, и зрелый (американский) период, в рамках которого право интерпретируется через призму интегральной социокультурной динамики и типологии культурных суперсистем (идеациональной, чувственной и идеалистической). Автор показывает, как сорокинский анализ права трансформируется от поиска микрооснований правового регулирования в психике индивидов к макросоциологическому осмыслению права как системы ценностей, определяемой доминирующим типом культуры. Особое внимание уделяется диагнозу кризиса современного «чувственного» права и предложению Сорокина о переходе к новому идеациональному мировоззрению, основанному на альтруизме и абсолютных ценностях. Делается вывод о непреходящей актуальности интегрального подхода Сорокина для понимания вызовов, стоящих перед правовыми системами в XXI веке.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, теория права, сравнительный анализ права, психологическая теория права, интегральная социология, социокультурная динамика, идеациональная культура, чувственная культура, правовые ценности, кризис права, правосознание, юридический позитивизм.

Ссылка для цитирования: Мурунова А. В. Связь права и доминирующего типа культуры в работах П. А. Сорокина // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 63—69.

Original article

A. V. Murunova

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND THE DOMINANT TYPE OF CULTURE IN THE WORKS OF P. A. SOROKIN

Abstract. The article presents a comparative analysis of the evolution of legal views of the outstanding sociologist Pitirim Sorokin. Two main stages of his theoretical path are distinguished: the early (Russian) period, when he developed a psychological concept of law as a system of imperative-attributive emotions, and the mature (American) period, within which law is interpreted through the prism of integral sociocultural dynamics and the typology of cultural supersystems (ideational, sensate, and idealistic). The author shows how Sorokin's analysis of law transforms from the search for micro-foundations of legal regulation in individual

© Мурунова А. В., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 63—69 •

psychology to a macrosociological understanding of law as a system of values determined by the dominant type of culture. Special attention is paid to the diagnosis of the crisis of modern “sensate” law and Sorokin's proposal for a transition to a new Ideational worldview based on altruism and absolute values. The conclusion is drawn about the enduring relevance of Sorokin's integral approach for understanding the challenges facing legal systems in the 21st century.

Keywords: Pitirim Sorokin, theory of law, comparative analysis of law, psychological theory of law, integral sociology, sociocultural dynamics, Ideational culture, Sensate culture, legal values, crisis of law, legal consciousness, legal positivism.

Citation Link: Murunova A. V. (2026) The Relationship between law and the dominant type of culture in the works of P. A. Sorokin, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 63—69.

На острие момента в современном быстро меняющемся мире, в условиях идейной турбулентности необходимо сохранять, охранять и сопоставлять то лучшее, что наработало за тысячелетия человечество в культуре и науке, философии и праве. В этом состоит одна из главных задач междисциплинарного подхода. Одним из ярчайших представителей междисциплинарных исследований является Питирим Сорокин, один из крупнейших социологов XX века, который радикально изменил оптику социологического анализа. Как известно, юристы и правоведы основывают свои умозаключения на статистике, социологических методах, обосновывают свои предложения по совершенствованию законодательства социологическими показателями.

Подход П. А. Сорокина выходил за рамки формально-догматического понимания права, так как он помещал его в центр масштабной социокультурной динамики. Для него право не являлось автономной системой норм, наоборот, было неразрывно связано с коллективным сознанием, менталитетом и фундаментальными ценностями общества¹. Таким образом, его анализ правосознания (хотя сам термин он использовал редко) становится ключом к пониманию эволюции правовых систем в мировой истории.

Трансформацию подхода П. А. Сорокина к праву можно разбить условно на два периода: ранний период (русский, до 1922 года) и зрелый период (американский, после 1922 года). Теоретической основой этого понимания стала психологическая школа права во главе с Л. И. Петражицким, а также социологический позитивизм. Ученый разработал в итоге уникальную интегральную социологию, теорию социокультурной динамики и типов культур. Мыслитель исследовал происхождение права, его социальные функции, соотношение личности, общества и государства. Интересным является его анализ кризиса права в условиях революции, кризиса современного «чувственного» права и необходимость перехода к новому ценностному этапу. П. А. Сорокин подчеркивал связь права с доминирующим типом культуры. Эти идеи очень актуальны для России на данный момент исторического развития.

Рассуждая о сущности права, он отмечал, что его следует рассматривать как императивно-атрибутивные эмоции — двусторонние психологические переживания (чувство обязанности и притязания), которые институализируются в форме интуитивного (внутреннего) и официального (объективированного)

¹ См. подробнее о работах П. А. Сорокина: URL: <http://rksorokinctr.org/index.php/2016-03-22-07-25-52/2016-03-22-07-32-14.html> (дата обращения: 14.04.2026).

права. Таким образом, право — это система ценностей и значений, объективированных в символах и институтах. П. А. Сорокин отмечал дуализм эмпирического (позитивного) и метафизического (естественного) права, делая акцент на происхождении права, его социальных функциях, соотношении личности, общества и государства. Но главное его достижение — это исследования связи права с доминирующим типом культуры.

В российский период, будучи учеником и последователем правоведа Л. И. Петражицкого, П. А. Сорокин развивал психологическую теорию права. Согласно этой концепции, первичная реальность права коренится не в текстах законов, а в особых психических переживаниях людей — императивно-атрибутивных эмоциях. Закон лишь формально объективирует эти коллективные переживания. Такой взгляд позволил мыслителю глубоко проанализировать коллапс правовой системы во время революции 1917 года, который он описал в работе «Социология революции». Революция, по Сорокину, — это не только политический, но и глубокий правовой кризис, когда официальное право теряет связь с интуитивными правовыми чувствами масс, уступая место прямому насилию [Маулина, 1991].

Эмигрировав в США и создав масштабную теорию социокультурной динамики, Сорокин переосмыслил право через призму типологии культур. Он выделил три типа суперсистем: идеациональную (реальность духовна, ценности абсолютны), чувственную (реальность материальна, ценности утилитарны) и идеалистическую (синтез двух первых). Идеациональное право (характерно для Средневековья) сакрально, неизменно и направлено на спасение души, на единение с Абсолютом. Чувственное право (доминирует в Новое и Новейшее время) — это светский инструмент для достижения земного благополучия, полезности, комфорта. Оно релятивно и изменчиво.

П. А. Сорокин считал, что современная западная цивилизация, основанная на исчерпавшей себя чувственной культуре, переживает глубокий кризис. Кризис права проявляется в его девальвации, утилитаризме, релятивизме и, в конечном счете, в вырождении в «право силы». Выход из тупика ученый видел не в политических реформах, а в грядущем ценностном повороте — переходе к новой форме идеациональной культуры, основанной на возрожденных абсолютных ценностях, альтруизме и «энергии любви». Право будущего, по Сорокину, должно быть проникнуто этим новым мировоззрением [Працко, Рындина, 2025].

Основой сорокинского анализа служит его интегральная парадигма, отвергающая односторонние материалистические или идеалистические трактовки общества [Архипов, 2020]. Согласно ей, социальная реальность представляет собой единство трех компонентов: личность, общество и культура. Правовой менталитет — не автономная система, а часть культурной суперсистемы. Его содержание (что считается справедливым) и форма (закон, обычай, судебный прецедент) определяются доминирующим типом культуры. Например, в «идеациональной» культуре источником права считается божественная воля или неизменная традиция, а в «чувственной» — человеческая договоренность и принцип полезности. Правовые нормы, ритуалы и институты функционируют как символы, которые транслируют и закрепляют базовые ценности доминирующей культуры. Суд, конституция, юридический язык — это не просто инструменты, а смыслообразующие элементы.

Исследование менталитета было для Сорокина ключом к пониманию права. Национальный правовой менталитет, формируемый культурой, определяет, как общество воспринимает справедливость, законность и авторитет власти. Правовой менталитет не статичен. Циклы социокультурной динамики (кризисы, смены суперсистем) ведут к трансформации представлений о праве, его источниках и целях. Например, переход от советского права (с элементами «идеациональной» суперсистемы в его идеологии) к постсоветскому ярко демонстрирует сдвиг в правовом менталитете общества и профессионального сообщества. Например, ритуал принесения присяги в суде символизирует связь правосудия с высшими ценностями (истиной, справедливостью), что характерно для «идеационального» или «идеалистического» типа.

Современные общества и их правовые системы часто представляют собой культурные конгломераты, где одновременно сосуществуют и конкурируют элементы разных типов менталитета. Например, в праве одной страны могут сочетаться светские законы («чувственный» тип), религиозные правовые нормы («идеациональный» тип) и обращения к естественно-правовым идеям («идеалистический» тип). Для углубленной проработки статьи рекомендую обратиться к нижеперечисленным первоисточникам и исследовательским работам.

Прежде чем анализировать право, необходимо понять общую теоретическую оптику П. А. Сорокина. В поздний период он сформулировал основу своего метода как интегрализм [Sорокин, 1958; Сорокин, 1992]. Эта парадигма отвергает односторонние материалистические или идеалистические объяснения социального мира, стремясь к синтезу данных всех наук о человеке — философии, психологии, культурологии, юриспруденции и этики. Право в этой системе рассматривается не как автономный набор норм, а как неотъемлемая часть социокультурного целого, форма социального контроля наряду с моралью и религией. Такой целостный взгляд позволил Сорокину анализировать право в тесной связи с ценностями, менталитетом и типом культуры.

Питирим Сорокин изучал государство и право в рамках своей масштабной социологической теории, рассматривая их не как изолированные институты, а как органичные части социокультурных систем. Право и государство у него — производные от господствующего типа культуры. В «идеациональной» культуре (ориентированной на абсолютные ценности) право сакрально и неизменно [Паркина, 2019]. В «чувственной» культуре (ориентированной на материальные блага) право становится светским инструментом для достижения практических целей. В центре его взглядов на власть лежал дуализм (противоречивость) власти, а не конкретная форма правления. П. А. Сорокин доказывал, что власть может быть как созидательной силой, так и источником преступности и разложения, и это зависит от степени ее концентрации и контроля. И опять же нравственное состояние власти и общества связано с доминирующим типом культуры. Переход от одной культурной суперсистемы (например, «идеациональной» или «чувственной») к другой сопровождается кризисом легитимности власти.

Мыслитель не рассматривал правосознание как самостоятельное понятие. Он анализировал право, правовые ценности и менталитет через свою ключевую теорию социокультурных суперсистем и понимание права как системы ценностей и значений [Овчинников, Костишина, 2013]. Согласно П. А. Сорокину, право и его понимание обществом зависят от господствующего типа культуры (суперсистемы). Он считал, что современное ему общество (XX век) переживает

глубокий кризис чувственной культуры, ведущий к упадку ее правовых ценностей. Выход он видел в неизбежном переходе к новому идеациональному циклу, основанному на абсолютных моральных и религиозных ценностях.

Сорокин понимал право как социокультурный феномен, состоящий из двух неразрывных элементов: внутренний слой — правовые переживания, чувства, идеи (это то, что можно назвать коллективным правосознанием); внешний слой — правовые символы и институты (законы, суды, договоры), которые объективируют эти внутренние переживания. Таким образом, любая правовая норма — это символ, выражающий коллективное правосознание и ценности, доминирующие в конкретный исторический период. «Социальная и культурная динамика» — фундаментальный труд, где подробно разработана типология культур и соответствующих им систем права, этики и искусства [Сорокин, 2000].

Право и правосознание существуют на стыке всех трех компонентов, но именно культура как система «значений-ценностей-норм» является для Сорокина определяющей силой исторических изменений. В своем монументальном труде «Социальная и культурная динамика» он обосновал циклическую теорию смены трех типов культурных суперсистем, каждая из которых порождает уникальный тип правосознания и правовых ценностей.

В идеациональной культуре (примеры: средневековая Европа, древний брахманизм) реальность воспринимается как непроявленная, божественная сущность [Евдеева, 2013]. Правовые ценности здесь имеют трансцендентный источник: закон есть воплощение воли Бога, пророка или вечной традиции предков. Право неизменно, абсолютно и направлено на спасение души. Правосознание носит религиозно-догматический характер: закон легитимен не потому, что полезен, а потому, что божественен. Нарушение закона — это грех, а наказание имеет искупительный характер [Шеслер, 2018].

В чувственной культуре (расцвет в Новое время) реальность сводится к материальным данным опыта. Правовые ценности становятся утилитарными: закон — это человеческое изобретение, «общественный договор», цель которого — максимальное увеличение материального счастья и безопасности. Право относительно, изменчиво и усовершенствуется по мере роста знаний. Правосознание носит позитивистский и договорной характер. Однако, как предупреждал Сорокин, в период кризиса чувственной культуры (который он диагностировал в XX веке) утилитарное право стремительно девальвируется, уступая место прямому насилию и «праву сильного», что ведет к эрозии законности и росту преступности [Пономарев, 2022].

Идеалистическая культура (например, европейское Возрождение) представляет собой интегративный синтез двух предыдущих типов. Ее правовые ценности черпают и из сверхчувственных идеалов, и из земной целесообразности. Право стремится воплотить вечные идеи справедливости в изменчивых социальных условиях. Правосознание в такой системе гармонично сочетает уважение к традиции с рациональным критицизмом.

Сравнительный анализ эволюции взглядов Питирима Сорокина на право демонстрирует не разрыв, а углубление и глобализацию его мысли. От анализа конкретных психологических механизмов правового регулирования он пришел к масштабной философско-исторической концепции, в которой судьба права неразрывно связана с судьбой всей человеческой культуры. Его диагноз кризиса современного права, утратившего связь с метафизическими основаниями

и скатывающегося к утилитаризму, остается предельно актуальным в XXI веке. Предложенный им интегральный подход, требующий рассматривать право в единстве с нравственностью, религией и системой ценностей, предлагает плодотворную альтернативу узкому юридическому позитивизму. Таким образом, сравнительный анализ права в работах Сорокина — это не только историко-научная реконструкция, но и ключ к пониманию фундаментальных вызовов, стоящих перед правовыми системами сегодня.

Библиографический список / References

- Архипов С. И. Теория социально-правового прогресса П. А. Сорокина // Социодинамика. 2020. № 6. С. 1—12.
(Arkhipov S. I. Theory of social and legal progress by P. A. Sorokina, *Sociodynamics*, 2020, no. 6, pp. 1—12. — In Russ.)
- Евдеева Н. В. Интегративная юриспруденция Питирима Сорокина // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 1—8.
(Evdeeva N. V. Integrative jurisprudence of Pitirim Sorokin, *Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 5, pp. 1—8. — In Russ.)
- Маулина Н. Н. Культурно-историческая концепция П. А. Сорокина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 23 с.
(Maulina N. N. *P. A. Sorokin's Cultural-historical Conception*: Abstract. diss. ... Candidate of Sciences (History), Kazan, 1991, 23 p. — In Russ.)
- Овчинников А. И., Костишина С. А. Развитие идей социально-психологической юриспруденции в творчестве П. А. Сорокина // Философия права. 2013. № 4. С. 40—45.
(Ovchinnikov A. I., Kostishina S. A. Development of ideas of socio-psychological jurisprudence in the works of P. A. Sorokin, *Philosophy of Law*, 2013, no. 4, pp. 40—45. — In Russ.)
- Паркина А. В. Идеациональная теория права Питирима Александровича Сорокина // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4. С. 89—91.
(Parkina A. V. Ideational theory of law by Pitirim Aleksandrovich Sorokin, *Eurasian Law Journal*, 2019, no. 4, pp. 89—91. — In Russ.)
- Пономарев А. М. Текущий кризис права: взгляд сквозь теорию права П. А. Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С. 59—68.
(Ponomarev A. M. The current crisis of law: a view through P. A. Sorokin's theory of law, in *Pitirim Sorokin and the Paradigms of Global Development*, Syktyvkar, 2022, pp. 59—68. — In Russ.)
- Працко Г. С., Рындина Е. В. Право как фактор социальной динамики в анализе теорий П. А. Сорокина // Аграрное и земельное право. 2025. № 11. С. 79—83.
(Pratsko G. S., Ryndina E. V. Law as a factor of social dynamics in the analysis of the theories of P. A. Sorokin, *Agrarian and Land Law*, 2025, no. 11, pp. 79—83. — In Russ.)
- Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134—139.
(Sorokin P. A. My philosophy is integralism, *Sociological Studies*, 1992, no. 10, pp. 134—139. — In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Изд. Рус. христиан. гуманитарн. ин-та, 2000. 1056 с.

(Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics: a Study of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Public Relations*, St. Petersburg, 2000, 1056 p. — In Russ.)

Шеслер А. В. Учение Питирима Сорокина о наказании // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 32—40.

(Shesler A. V. The teachings of Pitirim Sorokin on punishment, *Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2018, no. 4, pp. 32—40. — In Russ.)

Sorokin P. Integralism is my philosophy, in Sorokin P. *This is my Philosophy*, London, 1958, pp. 180—189.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Мурунова Анна Вячеславовна — кандидат философских наук, преподаватель отделения среднего профессионального образования юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, amurunova@yandex.ru

Murunova Anna Vyacheslavovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Lecturer at the Department of Secondary Vocational Education, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, amurunova@yandex.ru

Научная статья
УДК 340.12(470)"19"
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.70-78

А.А. Краевский

ТЕОРИЯ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ МОСКОВСКОЙ И ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. В отличие от советского правоведения, дореволюционная российская юридическая наука не помещала проблемы теории правовых отношений в центр своего внимания. Вместе с тем главный спорный вопрос этой теории — вопрос о понятии правового отношения — в полной мере был поставлен уже представителями московской и петербургской школ философии права. В обеих школах были представлены разные точки зрения на данную проблему — юридическая, фактическая и смешанная. Так, например, наиболее яркие представители фактической концепции, С. А. Муромцев и Д. Д. Grimm, представляли московскую и петербургскую школу соответственно, а юридическая концепция нашла свое отражение не только в трудах петербуржцев Л. И. Петражицкого и его учеников, но и в сочинениях таких московских правоведов, как П. Г. Виноградов и Е. Н. Трубецкой.

Ключевые слова: правовое отношение, социальное отношение, Московская школа философии права, Петербургская школа философии права, С. А. Муромцев, Д. Д. Grimm, П. Г. Виноградов, Л. И. Петражицкий.

Ссылка для цитирования: Краевский А. А. Теория правовых отношений в трудах московской и петербургской школ философии права // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 70—78.

Original article

A. A. Kraevsky

THE THEORY OF LEGAL RELATIONS IN THE WORKS OF THE MOSCOW AND ST. PETERSBURG SCHOOLS OF LEGAL PHILOSOPHY

Abstract. Unlike Soviet legal scholarship, pre-revolutionary Russian legal scholarship did not place the problem of the theory of legal relations at the center of its attention. At the same time, the main point of contention in this theory — the question of the concept of a legal relation — had already been fully raised by representatives of the Moscow and St. Petersburg schools of the legal philosophy. Both schools presented different perspectives on this issue — legal, factual, and mixed. For example, the most prominent representatives of the factual theory, S. A. Muromtsev and D. D. Grimm, represented the Moscow and St. Petersburg schools, respectively, while the legal theory was reflected not only in the works of the St. Petersburg scholars L. Petrazhicky and his students, but also in the writings of such Moscow legal scholars as P. G. Vinogradov and Y. N. Trubetskoy.

Keywords: legal relation, social relation, Moscow School of Legal Philosophy, St. Petersburg School of Legal Philosophy, S. A. Muromtsev, D. D. Grimm. P. G. Vinogradov, L. Petrazycki.

Citation Link: Kraevsky A. A. (2026) The theory of legal relations in the works of the Moscow and St. Petersburg schools of legal philosophy, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 70—78.

Настоящая статья продолжает исследование дискуссии понятии и природе правового отношения в отечественной юриспруденции. Наша первая работа по данной теме была посвящена спорам о понятии и природе правового отношения в советской теории права и современном российском правоповедении [Краевский, 2023]. В указанной статье мы констатировали, что истоки данных дискуссий относятся к области еще дореволюционной юриспруденции. Цель настоящей работы заключается в выявлении истоков основных теоретических позиций по данному вопросу в трудах дореволюционных московской и петербургской школ философии права.

В отличие от советского правоповедения дореволюционная российская юридическая наука не помещала проблемы теории правовых отношений в центр своего внимания. Вместе с тем в ней уже в полной мере был поставлен вопрос о понятии и природе правового отношения.

Существует три основных подхода к пониманию правового отношения, которые, ввиду отсутствия устоявшейся терминологии, можно условно обозначить как смешанный, фактический и идеальный.

Смешанная концепция. Начать следует со смешанной концепции правового отношения, поскольку именно она представляет собой исходную точку дискуссии. Сама по себе данная концепция, конечно, была не изобретена российскими правоведами, а воспринята из немецкой юридической науки, в частности, ее можем обнаружить уже в сочинениях Ф. К. фон Савиньи. С одной стороны, знаменитый романист писал, что правовое отношение устанавливается правовой нормой [Савиньи, 2011: 457] и возникает на основании юридических фактов. Ему же принадлежит известная классификация последних по волевому критерию [Савиньи, 2012: 211—215]. С другой стороны, Савиньи подчеркивает двойную природу правового отношения, выделяя в нем две части — материю, то есть отношение само по себе, и юридическое определение этой материи. Первый элемент он называет материальным, или чистым, фактом в правовых отношениях, а второй — формальным, то есть тем, что возвышает фактическое отношение до юридической формы [Савиньи, 2011: 457].

Прямым последователем учения Савиньи можно назвать профессора Московского университета и автора одного из первых учебников по теории права М. Н. Капустина. В книге 1868 года русский правоведа также пишет о двух одновременно существующих сторонах юридического отношения, которое, по его учению, занимает промежуточное положение между фактом и нравственностью — жизненное отношение становится юридическим в тот момент, когда получает охрану со стороны государственной власти. Получение юридической формы не изменяет характера фактических жизненных отношений, «жизнь продолжает наполнять их своим содержанием». Вместе с тем юридический характер приобретает не все жизненное отношение, а только то, что в нем разумно [Капустин, 1868—1869: 199—203]. Юридическое содержание правовых отношений составляют права и обязанности [там же: 227].

Аналогичным образом другой представитель старшего поколения дореволюционной московской школы, Н. С. Суворов, пишет о юридических отношениях как о фактических отношениях, защищенных объективным правом. Данная защита заключается в том, что «нормами поддерживаются права одной стороны и обеспечивается исполнение обязанностей другой стороны» [Суворов, 1907: 83].

Подобные рассуждения можно встретить и у В. М. Хвостова [Хвостов, 2011: 121], и у Н. Н. Алексеева [Алексеев, 1919: 135], писавших о юридическом отношении как о жизненном отношении, принимаемом во внимание объективным правом. Похожим образом еще один московский правовед, А. А. Рождественский, указывает на права и обязанности как на содержание правовых отношений, но определяет юридические отношения как «взаимные отношения людей, поскольку они совершаются на почве и в пределах юридических норм» [Рождественский, 1911: 91—93].

В Санкт-Петербургском университете смешанная концепция была ярко представлена в трудах Н. М. Коркунова. Он определяет правовое отношение как «житейское, бытовое... отношение, регулируемое юридической нормой» [Коркунов, 1908: 137]. Примечательно при этом, что Коркунов пытался выйти за рамки чисто фактического понимания отношения, используя эту категорию в более общем, философско-логическом смысле: «Всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, нет и отношения. Так, если между данными, например, тригонометрическими величинами, существует определенное отношение, это значит, что они зависимы друг от друга, что изменение одной из них вызывает соответственное изменение всех других. Так, если между данными явлениями существует отношение причинной связи, это значит, что следствие зависит от причины, что наличность причины вызывает за собой наступление следствия. Напротив, если между чем-нибудь нет никакой зависимости, говорят, что одно к другому не имеет никакого отношения. Точно так же и все людские отношения состоят в той или иной зависимости между людьми, в возможности того или иного воздействия их друг на друга» [там же: 138].

При этом ученый отмечает, что каждое юридическое отношение складывается из права и обязанности [там же: 142].

Несмотря на широкое распространение, смешанная теория правового отношения часто сталкивалась и продолжает сталкиваться с серьезной критикой. Проблема заключается в том, что если содержание правового отношения заключается в правах и обязанностях, и оно суть правовая связь, возникающая на основании нормы в момент наступления юридических фактов, то сложно объяснить, как оно может быть собственно общественным отношением (в современной терминологии) или бытовым (жизненным, житейским) отношением (в терминологии дореволюционных авторов), то есть фактическим человеческим поведением. В этом вопросе вскрывается основное противоречие смешанной теории правоотношения, потому что два перечисленных тезиса на самом деле несовместимы. Правовое отношение не может одновременно 1) быть фактическим и 2) состоять в праве и обязанности, поскольку право и обязанность относятся к категории должного, а не сущего. Иными словами, проблема смешанной теории заключена в ее противоречивости, для преодоления которой необходим отказ от одного из двух вышеназванных тезисов.

Фактическая концепция. Фактическая концепция разрешает противоречие смешанной теории, отбрасывая представление о праве и обязанности как содержании правового отношения. Права и обязанности в таком случае могут рассматриваться только как форма правового отношения.

Из отечественных представителей смешанной концепции, наверное, ближе всех к фактической теории подошел Капустин, однако все-таки впервые явным образом она была сформулирована известным ученым московской школы, первым русским представителем социологического понимания права, С. А. Муромцевым. Можно предположить, что знаменитый романист в своей концепцией вдохновлялся римским судебным процессом, в котором защита часто предоставлялась в ситуации, до этого не урегулированной действующим правом¹.

Сами социальные отношения трактуются Муромцевым весьма нетипичным образом — под социальным отношением он понимает то, что в современной социологии скорее понимается под социальным статусом: по определению самого правоведа речь идет об отношении члена общества к окружающей его среде [Муромцев, 2004: 61]. Под фактическим отношением ученый понимает взаимное соотношение природных свойств предметов, открывающее определенные возможности. Например, природное превосходство в силе образует отношение господства и подчинения и т. д. [там же: 62—63]. То или иное фактическое отношение может получить защиту со стороны общества. Защита, в свою очередь, может быть неорганизованной или организованной. В последнем случае имеет место юридическое отношение [там же: 68—73]. При этом получение защиты отношением по существу его не меняет, оно остается все тем же фактическим отношением [там же: 91]. Соответственно, существование правового отношения не равнозначно его юридической защите. Оно возникает раньше, чем защищается и в целом его динамика отличается от динамики его юридической защиты [там же: 91—99].

Другой выдающийся российский романист, представитель петербургской школы Д. Д. Grimm, в каком-то смысле пошел еще дальше Муромцева, пытаясь перестроить на новых основаниях всю классическую теорию юридических фактов и теорию сделок. Подобно Муромцеву, Grimm исходил из первичности социальных или, как он писал, бытовых отношений по отношению к нормам. Правовые нормы представляют собой лишь отражение бытовых отношений, производны от них [Grimm, 1914: 3] и сами не порождают никаких правовых последствий [Grimm, 1897a: 10]. Функция объективного права — быть внешним критерием разграничения общественно-целесообразных, общественно-безразличных и общественно-вредных бытовых отношений [там же: 14, 22]. Grimm различает два вида бытовых отношений, которые он отождествляет с отношениями пользования и распоряжения. Первый — отношение к вещи (он называет его коренным), второе — отношение между субъектами (оно именуется вспомогательным) [там же: 25—26]. Бытовые отношения могут иметь сложную

¹ Стоит отметить, что отношение к преторским эдиктам представляет собой интересный маркер типа правопонимания. Если для представителя социологического правопонимания это удачный пример правоприменения, защищающего живое, уже существующее в обществе право (С. А. Муромцев, О. Эрлих и др.), то для нормативиста это явный пример правотворчества под видом правоприменения (Г. Кельзен).

структуру, связанную со встречным характером пользования и распоряжения и наличием нескольких объектов. Собственно юридическим можно считать такое бытовое отношение, которое квалифицируется юридической нормой как общественно-целесообразное [там же: 34]. Субъективное право в строгом смысле представляет собой коренное юридическое отношение, рассматриваемое с активной стороны. Вспомогательное отношение, рассматриваемое с активной стороны, отождествляется с такой категорией, как притязание [Гримм, 1897б: 18]. Радикальность теории Гримма, таким образом, заключается в том, что сами права и обязанности он трактует как элементы бытового, то есть фактического отношения.

Основная проблема фактической концепции заключается в том, что она сильно расходится с привычным юридическим словоупотреблением и требует перестройки многих сложившихся юридических доктрин, в особенности учения о юридических фактах.

Идеальная концепция. Идеальная концепция разрешает противоречие смешанной теории противоположным по сравнению с фактической образом — отбрасывает идею о фактическом характере правового отношения, основываясь на представлении и его содержании в виде прав и обязанностей. То есть правовое отношение рассматривается как отношение долженствования, имеющее идеальную природу.

В Московском университете идеальная концепция имела своих сторонников, хотя они и не отстаивали ее в столь яркой полемике, как некоторые представители петербургской школы. В некоторых случаях даже не вполне ясно, придерживаются ли правоведа именно ее или все-таки склоняются к смешанной теории. Так, например, Е. Н. Трубецкой, с одной стороны, пишет, что «правомочие и обязанность суть две стороны, два элемента правового отношения» [Трубецкой, 1917: 158], то есть именно их считает содержанием правового отношения. С другой стороны, ученый пишет, что правовые отношения — это «урегулированные нормами объективного права отношения лиц между собой» [там же: 159]. Казалось бы, это рассуждение похоже на вариант смешанной концепции из трудов Коркунова, но нюанс состоит в том, что Трубецкой нигде не утверждает, что эти отношения лиц между собой являются бытовыми, житейскими или фактическими, косвенные же признаки свидетельствуют скорее в пользу идеальной интерпретации.

Гораздо более ясно и четко идеальная трактовка юридических отношений представляется в трудах профессора Московского и Оксфордского университетов П. Г. Виноградова, больше известного трудами в области истории права и сравнительного правоведения. Он явным образом проводит различие между юридическим и социальным общением, отмечая их параллельное существование. Как пишет ученый: «Социальным общением каждую минуту создаются и разрушаются самые различные отношения: люди любят и ненавидят, помогают и мешают друг другу, воспитывают и эксплуатируют друг друга, соединяются друг с другом для собеседования, для дел, для литературной и научной работы. Но выраженные в формах юридического общения отношения эти принимают всегда один и тот же вид: они являются только разновидностями того основного соответствия между правом и обязанностью, которое образует сущность юридической мощи» [Виноградов, 1915: 40—41].

Любопытно, что для исследования правовых отношений Виноградов использует грамматический анализ, сопоставляя 3 выделяемых им типа правовых отношений с различными грамматическими формулами:

1) Тип 1, притязание

А (подлежащее, субъект) — требует (сказуемое, предикат) известных услуг от Б (дополнение, объект).

Альтернативная формулировка: Б (субъект обязанности) — должен (предикат) оказать известные услуги А (объект).

2) Тип 2, (*jus in rem*)

А (собственник земли) — требует от Б, В, Г и т. д. (от каждого) воздержаться от пользования земельным участком (У).

3) Тип 3 (отношения с участием государства)

А (субъект, государство) — требует (предикат) повиновения граждан его законам (объект).

Альтернативная формулировка: Б (субъекты обязанности, граждане) — обязаны (предикат) повиновением государству в отношении его законов (объект) [там же: 41—43].

Методологически эта классификация правовых отношений, как представляется, в какой-то степени предвосхищает теорию У. Хофельда [Хофельд, 2016], а по своим результатам — на разработанное в советском правоведении деление правовых отношений на общие, конкретные абсолютные и конкретные относительные.

Наиболее яркая защита идеальной теории тем не менее представлена в сочинениях профессора Петербургского университета Л. И. Петражицкого. В своей «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» он сформулировал три основных аргумента против смешанной теории правоотношений:

1) Для установления прав и обязанностей совсем необязательно наличие каких-либо житейских отношений между их субъектами.

Суть аргумента заключается в том, что реальные житейские отношения не существуют не только в рамках абсолютных правовых отношений, где одной из сторон является неопределенный круг лиц, но иногда даже в относительных правовых отношениях. В качестве примера последних учёный приводит различные отношения, возникающие в рамках наследственного права.

2) Смешанная теория несовместима с общепринятой теорией юридических фактов, не способна отличить их от правовых отношений.

Суть аргумента в том, что если понимать под правовыми отношениями фактические (житейские отношения), то тогда получается, что правовые отношения невозможно отличить от юридических фактов, которые традиционно понимаются как основания возникновения правовых отношений [Петражицкий, 2000: 281—284].

3) Противопоставление юридического факта и правового отношения в смысле житейского отношения приводит к логическим парадоксам

Как поясняет правовед: «Юридический факт является логическим *prius* для правоотношения, он должен появиться, быть налицо для того, чтобы возникло правоотношение. Но в этом заключается логический *nonsense*. Появление А предполагает наличие А; А должно существовать ранее своего возникновения; для производства А необходимо, чтобы существовало А, которое и производит А.

Такое нелепое содержание заключается в формуле «правоотношение предполагает наличие юридического факта» (или «юридический факт производит, обуславливает правоотношение») вследствие того, что правоотношение, по господствующей теории, в существе дела и есть юридический факт, так что выходит, что оно для своего возникновения, как условие, предполагает свое существование, должно возникнуть раньше своего возникновения.

Например, *usus*, брачное сожителство в течение года, несомненно, есть (по древнему римскому праву) житейское отношение, регулирующееся правом, т. е. с господствующей точки зрения — правоотношение. Но *usus* так же несомненно есть юридический факт, и выходит, что *usus* должен быть налицо раньше *usus*, как условие для собственного появления» [там же: 284—285].

Положительный аспект теории Петражицкого, если абстрагироваться от некоторой специфики психологической теории права, заключался в том, что ученый рассматривал правовые отношения как соответствия между правами одних и обязанностями других субъектов, то есть как идеальное отношение [там же: 305—308].

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что советская и современная российская дискуссия о понятии правового отношения уходит своими корнями в дореволюционную научную литературу, в которой представлены все три основные позиции — смешанная, фактическая и идеальная. Примечательно, что видные представители всех трех точек зрения относились как к петербургской, так и к московской школе философии и теории права. Также стоит отметить, что, несмотря на появившуюся более ста лет назад серьезную критику с двух сторон, смешанная концепция сохранила свое доминирующее положение как в советской, так и в современной российской юридической науке.

Библиографический список / References

Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. Симферополь: Типография Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 162 с.

(Alekseev N. N. *General Theory of Law. A Series of Lectures Delivered at Taurida University in 1918/19*, Simferopol, 1919, 162 p. — In Russ.).

Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. 153 с.

(Vinogradov P. G. *Essays on the Theory of Law*, Moscow, 1915, 153 p. — In Russ.)

Гримм Д. Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными нормами. М.: Типография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. 18 с.

(Grimm D. D. *The Relationship Between Legal Institutions and Specific Norms*, Moscow, 1914, 18 p. — In Russ.)

Гримм Д. Д. Юридическое отношение и субъективное право. Ч. 1. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897а. 37 с.

(Grimm D. D. *Legal Relation and Subjective Right. Part 1*, St. Petersburg, 1897a. 37 p. — In Russ.)

Гримм Д. Д. Юридическое отношение и субъективное право. Ч. 2. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897б. 25 с.

(Grimm D. D. *Legal Relation and Subjective Right. Part 2*, St. Petersburg, 1897b. 25 p. — In Russ.)

Капустин М. Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868—1869. 352 с.

(Kapurstin M. N. *Theory of Law (Legal Dogmatics). Vol. 1*, Moscow, 1868—1869, 352 p. — In Russ.)

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова, 1908. 365 с.

(Korkunov N. M. *Lectures on the General Theory of Law. 8th ed.*, St. Petersburg, 1908, 365 p. — In Russ.)

Краевский А. А. Дискуссии о понятии и природе правового отношения в советской теории права и современное российское правоведение // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2023. № 3. С. 59—64.

(Kraevsky A. A. Discussions on the concept and nature of legal relation in the Soviet theory of law and modern Russian jurisprudence, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural and Social Sciences*, 2023, no. 3, pp. 59—64. — In Russ.)

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. статья, коммент. Ю. И. Гревцова. 2-е изд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 224 с.

(Muromtsev S. A. *The Definition and Basic Classification of Law*, St. Petersburg, 2004, 224 p. — In Russ.)

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

(Petrazycki L. *Theory of Law and the State in Relation to the Theory of Morality*, St. Petersburg, 2000, 608 p. — In Russ.)

Рождественский А. А. Основы общей теории права. Курс лекций, читанных на Высших Женских Юридических Курсах в Москве. М.: Издатель В. С. Спиридонов, 1912. 159 с.

(Rozhdestvensky A. A. *Fundamentals of General Legal Theory. A Series of Lectures Delivered at the Higher Women's Law Courses in Moscow*, Moscow, 1912, 159 p. — In Russ.)

Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.

(Savigny F. K. *The System of Modern Roman Law*, Vol. I, Moscow, 2011, 510 p. — In Russ.)

Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2012. 573 с.

(Savigny F. K. *The System of Modern Roman Law*, Vol. 2, Moscow, 2012, 573 p. — In Russ.)

Суворов Н. С. Лекции по энциклопедии права. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1907. 127 с.

(Suvorov N. S. *Lectures on the Encyclopedia of Law*, Moscow, 1907, 127 p. — In Russ.)

Трубецкой Е. Н. Лекции по общей теории права. М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1917. 226 с.

(Trubetskoy Y. N. *Lectures on the General Theory of Law*, Moscow, 1917, 226 p. — In Russ.)

Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Либроком, 2011. 152 с.

(Khvostov V. M. *General Theory of Law: An Introductory Essay*, Moscow, 2011, 152 p. — In Russ.)

Хофельд У. Основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации / пер с англ. А. А. Гаюдакина // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / под ред. М. В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 94—159.

(Hohfeld W. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning, in *Fundamental Legal Conceptions by Wesley N. Hohfeld*, St. Petersburg, 2016, pp. 94—159. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.krajewski@yandex.ru, SPIN-код: 9646-3311

Kraevsky Arseny Aleksandrovich — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.krajewski@yandex.ru

Научная статья
УДК 340.12(470)(092)
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.79-94

Е. Л. Поцелуев

С. А. МУРОМЦЕВ — УЧЕНЫЙ, ПРОФЕССОР, ПОЛИТИК, СПИКЕР И ОСУЖДЕННЫЙ

Аннотация. В статье освещены основные вехи, этапы жизни, научной, преподавательской, общественной и государственной деятельности Сергея Андреевича Муромцева. Дан краткий обзор историографии проблемы, названы основные труды ученого, раскрыты его взгляды на государство и право, показан вклад в создание социологической концепции права и значение этой концепции для современной юридической мысли России. Большое внимание уделено С. А. Муромцеву как Председателю Государственной думы первого созыва. В заключительной части сделаны выводы, вытекающие из текста данной публикации. Во-первых, в определенной мере путь в науку и к преподавательской деятельности С. А. Муромцева был типичен для второй половины XIX — начала XX века. Общественная работа, уход из университета, адвокатская деятельность, вступление в партию кадетов, вхождение в Центральный комитет этой организации. Во-вторых, сильное влияние на взгляды С. А. Муромцева оказали идеи Рудольфа фон Иеринга. В-третьих, большинство современных российских исследователей С. А. Муромцева относят его воззрения к социологической теории права, социологической школе права, социологическому позитивизму, и некоторые даже называют его родоначальником такого правопонимания. В-четвертых, С. А. Муромцев был многогранной личностью. В-пятых, имя С. А. Муромцева как председателя I Думы в Российской империи никогда не будет забыто, он навсегда вошел в историю отечественного парламентаризма. Его книги переиздаются, его воззрения анализируются в диссертациях, ему посвящаются научные конференции — это явное свидетельство признания его вклада в юридическую науку и практику. Причем к его трудам обращаются теоретики государства и права, специалисты в области политических и правовых учений, государствоведы, конституционалисты, романисты, цивилисты, социологи и социологи права, историки и историки отечественного государства и права.

Ключевые слова: Сергей Андреевич Муромцев, Московский Императорский университет, Рудольф фон Иеринг, научные труды С. А. Муромцева, социологическая школа права, право как защищенный интерес, право как правопорядок, интегративное правопонимание, либерализм, Государственная дума первого созыва, председатель первой Государственной думы, Выборгское воззвание.

Ссылка для цитирования: Поцелуев Е. Л. С. А. Муромцев — ученый, профессор, политик, спикер и осужденный // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 79—94.

Original article

E. L. Potseluev

S. A. MUROMTSEV — SCIENTIST, PROFESSOR, POLITICIAN, SPEAKER AND CONVICTED

Abstract. The article covers the main milestones and stages of the life, scientific, educational, social and state activities of Sergei Andreevich Muromtsev. The author gives a brief overview of the historiography of the problem, names the main works of the scholar, reveals his views on the state and law are revealed, shows his contribution to the creation of the sociological concept of law and the significance of this concept for modern legal thought in Russia. Much attention is paid to S. A. Muromtsev as the Chairman of the State Duma of the first convocation. The final part contains conclusions drawn from the text of this publication. Firstly, S. A. Muromtsev's the path to science and teaching was, to a certain extent, typical for the second half of the 19th — early 20th centuries. Community work, then — leaving the university, legal work, joining the Cadet Party and joining the Central Committee of said organization. Secondly, the views of S. A. Muromtsev were strongly influenced by the ideas Rudolph von Jhering. Thirdly, most of modern Russian researchers of S. A. Muromtsev consider his views as a part of the sociological theory of law, the sociological school of law, and sociological positivism; some even call him the founder of this theory of law. Fourth, S. A. Muromtsev was a multifaceted personality. Fifth, the name of S. A. Muromtsev as the Chairman of the First Duma of the Russian Empire will never be forgotten; he is forever etched in the history of Russian parliamentarism. His books are reprinted, his views are analyzed in dissertations, and academic conferences are dedicated to him — this is clear evidence of the recognition of his contribution to legal scholarship and practice. Moreover, his works are consulted by theorists of state and law, specialists in political and legal doctrines, political scientists, constitutionalists, romanists, civil law scholars, sociologists and sociologists of law, historians of Russian state and law.

Keywords: Sergei Andreevich Muromtsev, Moscow Imperial University, Rudolph von Jhering, scientific works of S. A. Muromtsev, sociological school of law, law as a protected interest, law as a legal order, integrative legal understanding, liberalism, State Duma of the first convocation, Chairman of the first State Duma, Vyborg Appeal.

Citation Link: Potseluev E. L. (2026) S. A. Muromtsev — scientist, professor, politician, speaker and convicted, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 79—94.

Введение

Актуальность. С. А. Муромцев — ученый-юрист, социолог, общественный и политический деятель, председатель Московского юридического общества (с 1880 г.), редактор «Юридического вестника» (1789—1892) [Фролова, 2020], член ЦК партии кадетов [Шелохаев, 1983], «лидер конституционно-демократической партии, председатель I Государственной думы» [Фролова, 2001], «один из основателей и ярких представителей социологической школы права в России. Организатор и лидер партии конституционных демократов» [Корнев, Борисов, 2005]. Некоторые современники С. А. Муромцева «называли его отцом либерального проекта Основного закона России начала XX в.» [Аронов, 1999]. По мнению В. Н. Якубовского, С. А. Муромцев — знаковая фигура «для развития либерализма в дореволюционной России» [Якубовский, 2007]. В. В. Лапаева считает С. А. Муромцева «одним из наиболее ярких представите-

лей социологического подхода к правопониманию в российской теории права» [Лапаева, 2012]. А. В. Поляков называет его выдающимся социологом и правоведом, одним из «основоположников социологической теории права» [Поляков, 2015]. М. В. Антонов полагает, что С. А. Муромцев «сделал немаловажный вклад в развитие социолого-правового направления» [Антонов, 2012], что Н. М. Коркунов и С. А. Муромцев, «хотя и не создали отдельной научной дисциплины для социологического анализа права», но пришли к мысли, что право — это «институт, регулирующий социальные процессы с целью защиты интересов общества» раньше знаменитого американского юриста Роско Паунда [Антонов, 2018].

О. В. Мартышин также утверждает, что в нашей стране «социологическая школа права возникла раньше, чем на Западе» и первым среди ее ведущих представителей называет С. А. Муромцева [Мартышин, 2023]. И. А. Исаев называет С. А. Муромцев одним «из лидеров русского либерального движения» [Исаев, 1995]. «Великий гражданин и талантливый ученый-правовед Сергей Андреевич Муромцев намного обогнал свое время и в условиях господства юридического позитивизма, как в России, так и в странах Западной Европы, разработал и обосновал одну из плодотворных теорий интегративного правопонимания, которая не утратила своего научного значения и по настоящее время», — утверждает В. М. Сырых [Сырых, 2010]. С. А. Муромцев — автор политико-правовой литературы общеевропейского масштаба [Зорькин, 1978]. Ю. И. Гревцов среди тех, кто формировал теоретические и методологические основы социологии права в России, в первую очередь называет С. А. Муромцева [Гревцов, 2001]. Н. И. Кареев считал, что именно С. А. Муромцев «был первым, кто указал на необходимость теоретического изучения права как социального явления. На Западе вопрос о таком изучении был поднят позднее, причем там нередко повторялось то, что уже было высказано С. А. Муромцевым» [там же]. Согласимся с высокой оценкой, которая дана С. А. Муромцеву, но вызывает сомнение утверждение В. М. Сырых о всеобщем господстве доктрины юридического позитивизма, так как при жизни С. А. Муромцева было возрожденное естественное право (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой) [Антонов, 2012]. В. Г. Графский выделяет «либеральную правовую мысль периода возвышения и краха думской монархии» и относит к ней Е. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева и Б. А. Кистяковского [Графский, 2009]. Оценки современников С. А. Муромцева двумя специалистами в области политико-правовых учений разные, но для нас важно, что они не являются юридически позитивистскими.

Другие современные отечественные исследователи считают, что С. А. Муромцев «один из крупнейших специалистов в области римского права и его истории, специалист по русскому гражданскому праву, по гражданскому судопроизводству, по общей теории гражданского права» [Муромцев, 1997].

Работы С. А. Муромцева переиздаются, фрагменты его работ входят в хрестоматии по истории политических и правовых учений [Муромцев С. А. Определение и основное разделение права // История политических и правовых учений. Ч. 2. 2005], в антологиях русской философии права [Муромцев С. А. Определение и основное разделение права // Русская философия права: философия веры и нравственности] и т. п., что, на наш взгляд, свидетельствует о его

признании составителями данных изданий классиком отечественной теории права, философии права и политико-правовой мысли.

Постановка проблемы. В чем заслуги С. А. Муромцева как ученого-юриста (теоретика права, одного из родоначальников отечественного социологического позитивизма), лидера партии конституционалистов-демократов (партии народной свободы) и председателя Государственной думы первого созыва?

Краткий историографический обзор. Во-первых, определенный интерес к персоне С. А. Муромцева был у советских теоретиков права, которые отмечали как позитивные (новизну, оригинальность и др.), так и негативные (например, идеализм и буржуазный характер), по их мнению, черты его теории [Зорькин, 1978]; освещали вехи жизненного и творческого пути ученого, методологические основы его социологической юриспруденции и понимание им права как порядка общественных отношений [Зорькин, 1980].

Во-вторых, материал о политико-правовых воззрениях С. А. Муромцева есть в учебной литературе, посвященной политической и юридической мысли России [Азаркин, 1999; Антонов, 2012; Исаев, 1995], а также анализу отечественных и зарубежных политико-правовых воззрений [Азаркин, 2002; Поляков, 2007; Поляков, 2015], в том числе советского периода [Покровский, 1972]. Констатируем, что, например, в учебном пособии М. Н. Марченко и И. Ф. Мачина и в аналогичном издании И. Ф. Мачина государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева не рассматриваются [Марченко, Мачин, 2007; Мачин, 2013]. Правда, для истории юридической мысли, начиная с Древней Греции и Древнего мира и заканчивая политико-правовыми учениями на Западе в конце XX века, объем этих данных является не очень большим, что, возможно, и ограничило выбор персон ученых. Но в объемном учебнике В. Г. Графского также идеи С. А. Муромцева, его социологическая теория права не рассматриваются, хотя характеристика либеральной правовой мысли в период думской монархии дается [Графский, 2009].

В-третьих, воздают должное вкладу С. А. Муромцева в возникновение таких наук, как социология [Медушевский, 1993] и социология права [Беляев, 2021; Гревцов, 2001; Сырых, 2012]. Правда, как правило, современные российские специалисты в этой области научного знания дают весьма лаконичную информацию.

В-четвертых, упоминание о взглядах С. А. Муромцева на право или их краткую характеристику можно найти и в современной отечественной литературе по теории государства и права [Антонов, 2018; Поляков, 2003] и философии права [Кожевников, 2022; Мартышин, 2023; Нерсисянц, 1997; Тихонравов, 1997].

В-пятых, есть научные публикации, посвященные, например, короткой деятельности С. А. Муромцева на посту Председателя I Думы [Смирнов, 2005; Чехарина, 2015; Соловьев, 2010] и в монографиях, посвященных партии кадетов [Шелохаев, 1983].

В-шестых, можно отметить сборники научных статей [Сергей Андреевич Муромцев, 2010] и материалов международных конференций [Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность, 2010] по интересующей нас проблематике.

В-седьмых, материал о С. А. Муромцеве содержится также в энциклопедиях по философии и социологии права [Бачинин, 2006].

В-восьмых, есть, как минимум две кандидатские диссертации по интересующей нас тематике: Д. В. Аронова [Аронов, 1999] и Н. В. Ющенко [Ющенко, 2002]. Кроме того в определенной мере кандидатская диссертация В. Г. Румянцевой «Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда» [Румянцева, 2002], как следует из ее названия, примерно на четверть посвящена социологии права С. А. Муромцева

В-девятых, в доступной нам на данный момент немецкоязычной литературе по теории права, философии права и социологии права, изданной в Австрии, ФРГ и Швейцарии в 2005—2015 годах, к сожалению, нет даже упоминания о С. А. Муромцеве [Rechtstheorie, 2005; Braun, 2006; Kunz, Mona, 2006; Baer, 2015].

Краткий источниковедческий обзор. Первоисточниками в подобных случаях выступает фундаментальный научный труд С. А. Муромцева «Определение и основное разделение права» [Муромцев, 2004], а также его речь 27 апреля 1906 года на первом заседании Государственной думы первого созыва [Муромцев, 2007] и др.

Методология и методы исследования

Автор использовал диалектический метод (сделана попытка отразить наиболее важные вехи научной, преподавательской, политической и государственной деятельности; показать многогранность личности С. А. Муромцева, осветить различные аспекты его жизнедеятельности), портретный (биографический) метод — предпринята попытка реконструкции научной и другой деятельности на фоне (в контексте) отечественной истории второй половины XIX — начале XX века; формально-юридический (при анализе трудов ученого и содержащихся в них идеях, взглядах и т. п.).

Основная часть

Некоторые штрихи научной биографии и университетской деятельности. Сергей Андреевич Муромцев — выпускник Московского Императорского университета [Гревцов, 2004]. В 1873 году он слушает в Германии лекции основоположника юриспруденции интересов Рудольфа фон Иеринга [Горбань, 2018]¹. А. В. Поляков пишет, что учителем С. А. Муромцева в Геттингене был Р. Иеринг, оказавший большое влияние на формирование его правовых взглядов [Поляков, 2015]². А. В. Корнев и А. В. Борисов утверждают, что в 1873—1874 гг. С. А. Муромцев слушал лекции Иеринга в Берлинском университете [Корнев, Борисов, 2005].

¹ В Российской империи XIX века существовала устойчивая практика: после получения высшего юридического (и не только) образования будущие преподаватели уезжали на год-два или даже три в лучшие университеты Европы, и в первую очередь Германии, в том числе в Гейдельберг (П. Г. Редькин, Н. И. Пирогов, А. П. Бородин, И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев и др.) [Медушевский, 1993; Birkenmaier, 1995].

² Интерес к творчеству Иеринга сохраняется в Российской Федерации [Горбань, 2017; Горбань, 2018; Горбань, 2019; Медушевский, 1993] и зарубежных странах: США, Австрии, Японии, Норвегии [Горбань, 2018], в том числе, конечно, и в ФРГ [Rechtstheorie, 2006; Braun, 2006; Baer, 2015], поскольку его учение о праве «является важной составной частью мировой истории правовых и политических учений» [Горбань, 2018].

В 1874 году Муромцев защищает магистерскую диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», в 1877 г. — докторскую диссертацию «Очерки общей теории гражданского права» [Гревцов, 2001]. Н. А. Медушевский справедливо называет С. А. Муромцева одним из основателей русской школы римского права и одним из ведущих ее представителей [Медушевский, 1993].

«1875—1884 гг. — период профессорской деятельности С. А. Муромцева в Московском университете. ... тогда им подготовлены и опубликованы основные научные труды, принесшие ему славу и сделавшие его главой социологического направления в российском правоведении», — считает Ю. И. Гревцов [Гревцов, 2001]. Важность основных трудов С. А. Муромцева отмечают А. В. Поляков [Поляков, 2015], В. А. Бачинин [Бачинин, 2006] и др. Он — один из авторов программных документов, проекта конституции и «Выборгского воззвания» [Зорькин, 1978: 139—191].

Итак, отечественные ученые-юристы довольно единодушны в выделении основных научных и политико-правовых достижений С. А. Муромцева.

С. А. Муромцев был избран экстраординарным, а затем ординарным профессором кафедры римского права. В 1880—1881 годах он — проректор Московского университета, затем профессор [Якубовский, 2007].

В 1884 году его уволили «за распространение либерализма» и «политическую неблагонадежность», — разъясняет В. Н. Якубовский [там же]. «За выражение симпатий участникам студенческих волнений был отстранен от преподавательской деятельности...», — так объясняет причины увольнения В. А. Бачинин [Бачинин, 2006]. После отставки С. А. Муромцев работает в Юридическом обществе и возглавляет «Юридический вестник» [Зорькин, 1978: 139—191]. В 1906 году он стал профессором кафедры гражданского права Московского университета [Корнев, Борисов, 2005].

Взгляды на право. С. А. Муромцев «одним из первых сформулировал тезис о **взаимосвязи права** и общества, показал **обусловленность права общественными отношениями**. **Общество** являлось у Муромцева **исходным моментом** и для формулировки понятия **права**. Последнее он определял в коммуникативном духе, как **порядок отношений, защищенных организованным (юридическим) способом**», — пишет А. В. Поляков [Поляков, 2003].

Под правом С. А. Муромцев понимает защищенный порядок [Муромцев, 2004]. Он оформил свои взгляды концептуально: «Вместо совокупности юридических норм под правом понимается совокупность юридических отношений (правовой порядок). Нормы — атрибут правопорядка» [Кожевников, 2022].

Во-первых, один из четырех типов правопонимания — социологическая теория права, социологическая школа права, или как разновидность юридического позитивизма — социологический позитивизм [Лапаева, 2012: 60—80].

Во-вторых, конечно важно, чтобы нормы права реализовывались, а за защитой нарушенного права физические и юридические лица, государство могут обратиться в суд, который по конкретному делу применит конкретные нормы права. Поэтому большое значение имеет юридическая практика, и в первую очередь судебная.

В-третьих, когда мы говорим о праве, о необходимости охраны и защиты прав и свобод человека, соблюдения режима законности, еще лучше — *правозаконности*, то мы помним, что в случае необходимости предусмотрено

то, что принято называть мерами государственного или государственно-правового принуждения, хотя на самом деле право на легальное принуждение есть не только у государства и его органов, но и органов местного самоуправления, у всех руководителей предприятий, организаций и учреждений и у родителей над малолетними детьми.

«С начала 90-х годов приобретает широкую известность имя С. А. Муромцева как адвоката», — утверждает В. Д. Зорькин [Зорькин, 1978: 139—191].

Общественная и политическая работа. «В либеральном движении все громче и увереннее зазвучали голоса таких деятелей», как С. А. Муромцев и др. [Наше Отечество, 1991]. Неслучайно он становится одним из лидеров партии кадетов [Зорькин, 1978: 139—191]. В 1906 г. численность ее не превышала 50—60 тыс. человек [Наше Отечество, 1991]. Современные российские историки государства и права считают, что социальной базой кадетов были либеральная буржуазия, земские деятели и интеллигенция [Исаев, Кувырченков, 2023]. По мнению этих ученых, стратегия данной партии в годы первой русской революции заключалась в следующем: конституционная монархия (по типу английской), широкие демократические права и либеральные свободы, путь реформ [там же].

Государственная деятельность. Была учреждена Государственная дума, которая могла функционировать в течение пяти лет, а затем должны быть выборы в новую Думу на тот же период времени. Однако монарх имел право досрочного роспуска этого законодательного (представительного) органа государственной власти, но с обязанностью назначить выборы в новую Думу. Государственная дума I созыва действовала с 27 апреля по 8 июля 1906 года. 179 из 478 депутатов Думы — это члены партии кадетов [Юрочкин, 2007] или 37,4 % (на июль 1906 г.) [Айсина, 1997]. Поэтому логично, закономерно, что Председателем I Думы стал член ЦК именно этой политической организации — С. А. Муромцев, причем избран был «с исключительным единодушием» [История русской адвокатуры, 1997]. Американский профессор Юджин Хаски пишет, что в I Думе 36 присяжных поверенных и их помощников — это чуть больше 7 % от общего числа депутатов» [Хаски, 1993]. Это очень высокий удельный вес адвокатов-депутатов по отношению к их общему количеству в стране, если сравнить их с представителями других профессий. Современные российские ученые называют С. А. Муромцева юристом с мировым именем [Наше Отечество, 1991].

С. А. Муромцев принадлежал к партийному меньшинству, но «беспрекословно подчинялся партийным постановлениям. Это и было причиной избрания его в председатели» [Леонтович, 1995]. Для политической партии — это нормальная ситуация, когда меньшинство подчиняется большинству. Это называется принцип демократического централизма. Правда, если разногласия носят принципиальный, кардинальный, программный характер, то полагают, что меньшинству нужно покидать такую партию.

«Николай II решил, что Государственная дума должна избирать председателя, секретаря и их товарищей без утверждения (из нежелания утверждать нежелательного кандидата или лично вступать в конфликт с Думой)», — разъясняет позицию монарха знаток нижней палаты отечественного дореволюционного парламента В. А. Демин [Демин, 1996].

27 апреля 1905 года после его избрания председателем Думы С. А. Муромцев выступил на заседании с речью. В ней он подчеркнул, что «совершается великое дело: воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. (...) Пусть эта работа свершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха (...) и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающей из самой природы народного представительства...» [Муромцев, 2007]. С. А. Муромцев использовал словосочетание «неотъемлемые законы», что можно смело трактовать как неотчуждаемые, вечные, дарованные Богом или природой, т. е. в духе *jus naturalism*. Это, во-первых. Во-вторых, Государственная дума, безусловно, высший законодательный орган, а точнее, нижняя палата тогдашнего российского парламента. В-третьих, ее лишь с определенной долей условности можно назвать представительным органом, поскольку, как известно, женщины были лишены права избирать и быть избранными в данный государственный орган. В-четвертых, оптимальная модель демократии, когда действует один принцип правового государства — принцип разделения властей, система сдержек и противовесов. В-пятых, в огромной стране, которую с точки зрения формы государственного устройства можно отнести к децентрализованным унитарным государствам, поскольку в ней было Великое Княжество Финляндское, Царство Польское и другие в определенной мере автономные образования, наличие двухпалатного парламента — это закономерное явление. Правда, верхняя палата должна представлять эти и другие (губернии, Область войска Донского и др.) территории. Констатируем, что, как правило, империи рассматриваются в современной российской теории государства как особая форма государственного устройства.

Государственная дума «избирала свой президиум и сама вырабатывала свой наказ (регламент. — *Е. П.*) относительно внутреннего распорядка своих работ. Наказ не нуждался в утверждении других инстанций и распубликовывался Сенатом», — пишет С. С. Ольденбург [Ольденбург, 1992].

«Дума поставила вопрос об отчуждении помещичьих земель... и была распущена», — так объясняет действия Николая II М. А. Юрочкин. В знак протеста 230 ее членов, в том числе и С. А. Муромцев, «подписали Выборгское воззвание к населению, призывая к гражданскому неповиновению» [Юрочкин, 2007]. За этот поступок он был приговорен к трем месяцам тюремного заключения [Азаркин, 2002]. По мнению современных российских историков, Дума была распущена, так как депутаты «уклонились в не принадлежащую им область» [Наше Отечество, 1991].

Н. Н. Ансимов пришел к выводу, что российские юристы «способствовали приближению событий Февраля и Октября 1917 г.» [Ансимов, 1994]. Действительно, юристы — члены партии социалистов-революционеров, социал-демократов (особенно большевиков), а также конституционалистов-демократов и даже партии октябристов внесли свою лепту в ослабление самодержавия, формирование критического, негативного отношения к монархии, правительству и царскому режиму. Это в определенной мере относится и к С. А. Муромцеву в бытность его профессором Московского университета и к короткому периоду его председательства в Государственной думе.

Смерть. С. А. Муромцев скончался во сне от сердечного приступа 17 (4) октября 1910 г. в Москве. Похороны Муромцева 7 октября 1910 г., как это не раз бывало в России, превратились в грандиозную демонстрацию. В ней приняли участие тысячи людей, так как он «стал исторической личностью, потому что с его именем начинается русская конституционная история» [Семененко, 2010].

Заключение

Во-первых, в определенной мере путь в науку и к преподавательской деятельности С. А. Муромцева в Императорском Московском университете был типичен для второй половины XIX — начала XX веков: одаренных, способных, талантливых выпускников оставляли на кафедре для подготовки к профессорскому званию и направляли слушать лекции знаменитых ученых, как правило, в университеты континентальной Европы — Германии, Италии, Франции и др. Затем защита магистерской диссертации и очень быстрая и успешная защита докторской. Общественная работа, уход из университета, адвокатская деятельность, вступление в партию кадетов, вхождение в Центральный комитет этой организации, в котором преобладали потомственные дворяне, выпускники университетов, в том числе ученые и адвокаты, как и сам С. А. Муромцев.

Во-вторых, сильное влияние на российскую юридическую науку имели прежде всего немецкие мыслители — Иммануил Кант, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Георг Еллинек и др., а на взгляды С. А. Муромцева повлияли идеи Рудольфа фон Иеринга.

В-третьих, большинство современных российских исследователей С. А. Муромцева относят его воззрения к социологической теории права, социологической школе права, социологическому позитивизму, и некоторые даже называют его родоначальником такого правопонимания, опередившим европейских и американских коллег. В. М. Сырых утверждает, что С. А. Муромцев был основателем интегративного подхода к праву и для такой оценки есть некоторые аргументы, но все-таки такой вывод требует тщательного и специального анализа.

В-четвертых, С. А. Муромцев был многогранной личностью.

В-пятых, имя С. А. Муромцева как председателя I Думы в Российской империи никогда не будет забыто, он навсегда вошел в историю отечественного парламентаризма. В ряде учебников по истории политических и правовых учений, а тем более в учебной литературе по истории юридической мысли России излагается его биография, называются его основные труды и дается, как правило, краткая характеристика его взглядов на государство и право. Его книги переиздаются, его воззрения анализируются в диссертациях, ему посвящаются научные конференции — это явное свидетельство признания его вклада в юридическую науку и практику. Причем к его трудам обращаются теоретики государства и права, специалисты в области политических и правовых учений, государствоведы и конституционалисты, романисты (исследователи римского частного права), цивилисты, социологи и социологи права, историки и историки отечественного государства и права. Но, к примеру, материал о Платоне, Аристотеле, Фоме Аквинском, Гуго Гроции, Томасе Гоббсе, Джоне Локке, Шарле Луи Монтескье и целом ряде других ученых есть в каждом учебнике, учебном пособии и курсе лекций по вышеуказанному предмету. Поэтому есть сомнения в том, что С. А. Муромцева можно без всяких оговорок назвать классиком политико-правовой мысли, хотя определенные основания для этого есть. Он был

ученым-юристом (романистом, цивилистом, государствоведом, конституционалистом, теоретиком права, социологом права), ярким представителем социологического позитивизма в нашей стране, либералом, гражданином и др.

Библиографический список / References

Азаркин Н. М. История юридической мысли России: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. 528 с.

(Azarkin N. M. *History of Legal Thought in Russia: a Course of Lectures*, Moscow, 1999, 528 p. — In Russ.)

Азаркин Н. М. Социологический позитивизм. С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский // История политических учений: учебник для вузов / под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. М.: Норма, 2002. С. 705—712.

(Azarkin N. M. Sociological positivism. S. A. Muromtsev, M. M. Kovalevsky, in Martyshin O. V. (ed.) *History of Political Doctrines: Textbook for Universities*, Moscow, 2002, pp. 705—712. — In Russ.)

Айсина Ф. О. Государственное управление в России во второй половине XIX — XX в. // История государственного управления в России: учебник для вузов / под ред. проф. А. Н. Марковой. М.: Закон и Право, ЮНИТИ, 1997. С. 171—197.

(Aisina F. O. Public administration in Russia in the second half of the 19th — 20th centuries, in Markova A. N. (ed.) *History of Public Administration in RUSSIA: Textbook for Universities*, Moscow, 1997, pp. 171—197. — In Russ.)

Ансимов Н. Н. Российские юристы и самодержавие // Российская интеллигенция: XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 23—24 февраля 1994 года. Екатеринбург: УрГУ, 1994. С. 14—15.

(Ansimov N. N. Russian lawyers and autocracy, in *Russian Intelligentsia: 20th century*, Ekaterinburg, 1994, pp. 14—15. — In Russ.)

Антонов М. В. История правовой мысли. Конспект лекций. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012. 212 с.

(Antonov M. V. *History of Legal Thought. Lecture Notes*, St. Petersburg, 2012, 212 p. — In Russ.)

Антонов М. В. Теория государства и права.: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 497 с.

(Antonov M. V. *Theory of State and Law: Textbook and Workshop*, Moscow, 2018, 497 p. — In Russ.)

Аронов Д. В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 1999. 22 с.

(Aronov D. V. *Scientific and Socio-political Activities of Sergei Andreevich Muromtsev: Abstract. Dis. ... Candidate of Sciences (Law)*, Orel, 1999, 22 p. — In Russ.)

Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с.

(Bachinin V. A. *Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law*, St. Petersburg, 2006, 1093 p. — In Russ.)

Беляев М. А. Социология права // Социология для юристов: учебник для специалитета / под ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Норма: Инфра-М, 2021. С. 328—374.

(Belyaev M. A. Sociology of Law, in Rybakov O. Yu. *Sociology for Lawyers: Textbook for a Specialist*, Moscow, 2021, pp. 328—374. — In Russ.)

Горбань В. С. Учение Р. Иеринга о праве в современном российском правоведении // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 91—96.

(Gorban V. S. R. Ihering's doctrine of law in modern Russian jurisprudence, *Theory and Practice of Social Development*, 2017, no. 5, pp. 91—96. — In Russ.)

Горбань В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М.: КДУ: Университетская книга, 2018. 354 с.

(Gorban V. S. *Ihering's Legal Doctrine and its Interpretations*, Moscow, 2018, 354 p. — In Russ.)

Горбань В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 48 с.

(Gorban V. S. *Ihering's legal doctrine and its interpretations: Abstract. Dis. ... Doctor of Sciences (Law)*, Moscow, 2019, 48 p. — In Russ.)

Графский В. Г. История политических и правовых учений: учебник. М.: Норма, 2009. 736 с.

(Grafsky V. G. *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*, Moscow, 2009. 736 p. — In Russ.)

Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 312 с.

(Grevtsov Yu. I. *Sociology of Law: Lecture Course*, St. Petersburg, 2001, 312 p. — In Russ.)

Гревцов Ю. И. С. А. Муромцев и его труд «Определение и основное разделение права» // Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. ун-та, Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2004. С. 8—15.

(Grevtsov Yu. I. S. A. Muromtsev and his work “Definition and Basic Division of Law”, in Muromtsev S. A. *Definition and Basic Division of Law*, St. Petersburg, 2004, pp. 8—15. — In Russ.)

Демин В. А. Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 216 с.

(Demin V. A. *The State Duma of Russia (1906—1917): the Mechanism of Functioning*, Moscow, 1996, 216 p. — In Russ.)

Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 270 с.

(Zor'kin V. D. *Positivist Theory of Law in Russia*, Moscow, 1978, 270 p. — In Russ.)

Зорькин В. Д. Муромцев. М.: Юрид. лит., 1980. 127 с.

(Zor'kin V. D. *Muromtsev*, Moscow, 1980, 127 p. — In Russ.)

Исаев И. А. Политические и правовые учения во второй половине XIX в. // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. М.: Юристъ, 1995. С. 231—302.

(Isaev I. A. Political and legal doctrines in the second half of the 19th century, in Isaev I. A., Zolotukhina N. M. *History of Political and Legal Doctrines of Russia in the 11th—20th centuries*, Moscow, 1995, pp. 231—302. — In Russ.)

Исаев И. А., Кувырченков Н. С. История отечественного государства и права в схемах и таблицах: учебное пособие для бакалавриата. М.: Проспект, 2023. 336 с.

(Isaev I. A., Kuvyrchenkov N. S. *History of the Domestic State and Law in Diagrams and Tables: Textbook*, Moscow, 2023, 336 p. — In Russ.)

История русской адвокатуры. Т. 1. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство (1864—1914) / сост. С. Н. Гаврилов. М.: Юристъ, 1997. 376 с.

(Gavrilov S. N. (ed.) *History of the Russian Bar. Vol. 1. Hessen I. V. The Bar, Society and State (1864—1914)*, Moscow, 1997, 376 p. — In Russ.)

Кожевников В. В. *Философия права: учебник*. М.: Прогресс, 2022. 584 с.
(Kozhevnikov V. V. *Philosophy of Law: Textbook*, Moscow, 2022, 584 p. — In Russ.)

Корнев А. В., Борисов А. В. *Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России: учебное пособие*. М.: Эксмо, 2005. 288 с.
(Kornev A. V., Borisov A. V. *Legal Thought and Legal Education in Pre-revolutionary Russia: Textbook*, Moscow, 2005, 288 p. — In Russ.)

Лапаева В. В. *Типы правопонимания: правовая теория и практика*. М.: Российская академия правосудия, 2012. 579 с.
(Lapaeva V. V. *Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice*, Moscow, 2012, 579 p. — In Russ.)

Леонтович В. В. *История либерализма в России 1762—1914*. М.: Русский путь — Полиграфресурсы, 1995. 550 с.
(Leontovich V. V. *History of Liberalism in Russia 1762—1914*, Moscow, 1995. 550 p. — In Russ.)

Мартышин О. В. *Философия права: учебник для магистров*. М.: Проспект, 2023. 352 с.
(Martyshin O. V. *Philosophy of Law: Textbook*, Moscow, 2023, 352 p. — In Russ.)

Марченко М. Н., Мачин И. Ф. *История политических и правовых учений: учебное пособие*. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. 480 с.
(Marchenko M. N., Machin I. F. *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*, Moscow, 2007, 480 p. — In Russ.)

Мачин И. Ф. *История политических и правовых учений: учебное пособие*. М.: Юрайт, 2013. 459 с.
(Machin I. F. *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*, Moscow, 2013, 459 p. — In Russ.)

Медушевский А. Н. *История русской социологии: учебное пособие для вузов*. М.: Высшая школа, 1993. 317 с.
(Medushevsky A. N. *History of Russian Sociology: Textbook*, Moscow, 1993, 317 p. — In Russ.)

Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права // Русская философия права: философия веры и нравственности (антология) / сост.: А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова*. СПб.: Алетейя, 1997. С. 118—125.
(Muromtsev S. A. *Definition and Basic Division of Law, in Albov A. P., Maslennikov D. V., Chislov A. I., Filippova S. V. (eds.) Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality (anthology)*, St. Petersburg, 1997, pp. 118—125. — In Russ.)

Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права*. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. ун-та, изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2004. 224 с.
(Muromtsev S. A. *Definition and Basic Division of Law*, St. Petersburg, 2004, 224 p. — In Russ.)

Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права // История политических и правовых учений. Ч. 2: Русская политико-правовая мысль: хрестоматия / сост. и автор вступ. ст. В. В. Ячевский*. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. С. 535—540.

(Muromtsev S. A. Definition and basic division of law, in Yachevsky V. V. (ed.) *History of Political and Legal Doctrines*. Part 2: Russian Political and Legal Thought: Reader, Voronezh, 2005, pp. 535—540. — In Russ.)

Муромцев С. А. Речь председателя Государственной думы, произнесенная в заседании 27 апреля 1906 г. на состоявшемся избрании // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Манифеста 17 октября 1905 г. Минск, 17 октября 2005 года. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. С. 180.

(Muromtsev S. A. Speech of the chairman of the State Duma, delivered at the meeting on April 27, 1906, on the election that took place, in *Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Manifesto of October 17, 1905*, Minsk, 2007, p. 180. — In Russ.)

Наше Отечество. Ч. I / С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. М.: Терра, 1991. 390 с.

(Kuleshov S. V., Volobuev O. V., Pivovarov E. I. (eds.) *Our Fatherland*, part I, Moscow, 1991, 390 p. — In Russ.)

Нерсисянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Издат. группа Инфра-М-Норма, 1997. 652 с.

(Nersesyants V. S. *Philosophy of Law: Textbook*, Moscow, 1997, 652 p. — In Russ.)

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. М.: Терра, 1992. 640 с.

(Oldenburg S. S. *The Reign of Emperor Nicholas II*, Moscow, 1992, 640 p. — In Russ.)

Покровский С. А. Либеральные учения о государстве и праве в России // История политических учений. Ч. II / под ред. проф. К. А. Мокичева. М.: Высшая школа, 1972. С. 168—170.

(Pokrovsky S. A. Liberal doctrines on the state and law in Russia, in Mokichev K. A. (ed.) *History of Political Doctrines. Part II*, Moscow, 1972, pp. 168—170. — In Russ.)

Поляков А. В. Общая теория права: Феменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с.

(Polyakov A. V. *General Theory of Law: Femenological and Communicative Approach. Lecture Course*, St. Petersburg, 2003, 845 p. — In Russ.)

Поляков А. В. С. А. Муромцев // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2007. С. 735—740.

(Polyakov A. V. S. A. Muromtsev, in Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina E. V. *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*. St. Petersburg, 2007, pp. 735—740. — In Russ.)

Поляков А. В. С. А. Муромцев // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 735—740.

(Polyakov A. V. S. A. Muromtsev, in Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina E. V. *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*. St. Petersburg, 2015, pp. 735—740. — In Russ.)

Румянцева В. Г. Социологическая юриспруденция в творчестве Р. фон Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 27 с.

(Rumyantseva V. G. *Sociological jurisprudence in the works of R. von Ihering, S. A. Muromtsev, E. Erlich, R. Pound*: Abstract. diss. ... Candidate of Sciences (Law), St. Petersburg, 2002, 27 p. — In Russ.)

- С. А. Муромцев // Русская философия права: философия веры и нравственности (антология) / сост.: А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов, С. В. Филиппова. СПб.: Алетейя, 1997. С. 116—117.
- (S. A. Muromtsev, in Albov A. P., Maslennikov D. V., Chislov A. I., Filippova S. V. *Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality (anthology)*, St. Petersburg, 1997, pp. 116—117. — In Russ.)
- Сергей Андреевич Муромцев — председатель первой Государственной думы: политик, ученый, педагог: сб. науч. ст. Орел: Орлик, 2010. 284 с.
- (*Sergei Andreevich Muromtsev — Chairman of the First State Duma: Politician, Scientist, Teacher*, Orel, 2010, 284 p. — In Russ.)
- Семененко А. М. Смерть С. А. Муромцева и реакция на нее в провинции (на примере Владимирской губернии) // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 30 сент. — 2 окт. 2010 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 59—63.
- (Semenenko A. M. The Death of S. A. Muromtsev and the Reaction to It in the Provinces (using Vladimir Province as an Example), in Kuzmina O. V., Potseluev E. L. (eds.) *Traditions and Innovations of Russian Legal Thought: History and Modernity*: in 3 parts, Ivanovo, 2010, part 1, pp. 59—63. — In Russ.)
- Смирнов А. Ф. С. А. Муромцев — Председатель первой Государственной думы // Российское правосудие. 2005. № 7. С. 97—107.
- (Smirnov A. F. S. A. Muromtsev — Chairman of the First State Duma, *Russian Justice*, 2005, no. 7, pp. 97—107. — In Russ.)
- Соловьев К. А. Председатель Государственной думы в политической системе Российской империи // Сергей Андреевич Муромцев — председатель первой Государственной думы: политик, ученый, педагог: сб. науч. ст. Орел: ИД Орлик, 2010. 284 с.
- (Soloviev K. A. *Chairman of the State Duma in the political system of the Russian Empire, Sergei Andreevich Muromtsev — Chairman of the First State Duma: Politician, Scientist, Teacher*, Orel, 2010, 284 p.)
- Сырых В. М. С. А. Муромцев — основоположник интегративного правового понимания // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 30 сент. — 2 окт. 2010 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 439—449.
- (Syrykh V. M. S. A. Muromtsev — the founder of integrative legal understanding, in Kuzmina O. V., Potseluev E. L. (eds.) *Traditions and Innovations of Russian Legal Thought: History and Modernity*: in 3 parts, Ivanovo, 2010, part 1, pp. 439—449. — In Russ.)
- Сырых В. М. Социология права: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2012. 472 с.
- (Syrykh V. M. *Sociology of Law: Textbook*, Moscow, 2012, 472 p. — In Russ.)
- Тихонравов Ю. В. Основы философии права: учебное пособие. М.: Вестник, 1997. 608 с.
- (Tikhonravov Yu. V. *Fundamentals of the Philosophy of Law: Textbook*, Moscow, 1997, 608 p. — In Russ.)
- Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч. конф.

- Иваново, 30 сент. — 2 окт. 2010 г. в 3 ч. / отв. ред.: О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. 483 с.; Ч. 2. 488 с.; Ч. 3. 154 с.
(Kuzmina O. V., Potseuev E. L. (eds.) *Traditions and Innovations of Russian Legal Thought: History and Modernity*: in 3 parts, Ivanovo, 2010, part 1. 483 pp.; part 2. 488 pp.; part 3. 154 p. — In Russ.)
- Фролова Е. А. Либеральная политико-правовая идеология в России в конце XIX — начале XX в. // История политических и правовых учений: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. С. 538—577.
(Frolova E. A. Liberal political and legal ideology in Russia in the late 19th — early 20th centuries, in Leist O. E. (ed.) *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*, Moscow, 2001, pp. 538—577. — In Russ.)
- Фролова Е. А. Социологическая концепция права и государства. С. А. Муромцев. Н. М. Коркунов. М. М. Ковалевский // История политических и правовых учений: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 456—465.
(Frolova E. A. Sociological concept of law and state. S. A. Muromtsev. N. M. Korkunov. M. M. Kovalevsky, in *History of Political and Legal Doctrines: Textbook*, Moscow, 2001, pp. 456—465. — In Russ.)
- Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917—1939 / пер. с англ. Т. Морщаковой. М.: Б. и., 1993. 183 с.
(Khasky Yu. *Russian Lawyers and the Soviet State. The Origin and Development of the Soviet Bar 1917—1939*, Moscow, 1993, 183 p. — In Russ.)
- Чехарина В. И. С. А. Муромцев — Председатель Первой Государственной думы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 174—197.
(Chekharina V. I. S. A. Muromtsev — Chairman of the First State Duma, *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 5, pp. 174—197. — In Russ.)
- Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.
(Shelokhaev V. V. *The Cadets are the Main Party of the Liberal Bourgeoisie in the Fight Against the Revolution of 1905—1907*, Moscow, 1983, 328 p. — In Russ.)
- Юрочкин М. А. Власть и Дума: первый опыт российского парламентаризма // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Манифеста 17 октября 1905 г. Минск, 17 октября 2005 года. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. С. 58—66.
(Yurochkin M. A. Power and the Duma: the first experience of Russian parliamentarism, in Kostyuk M. P. et al. (eds.) *Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Manifesto of October 17, 1905*, Minsk, 2007, pp. 58—66. — In Russ.)
- Ющенко Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. 2002. 204 с.
(Yushchenko N. V. *State and Legal Views of S. A. Muromtsev*: diss. ... Candidate of Sciences (Law), 2002, 204 p. — In Russ.)
- Якубовский В. Н. С. А. Муромцев — один из лидеров либерального движения России в конце XIX — начале XX в. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Манифеста 17 октября 1905 г. Минск, 17 октября 2005 года. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. С. 96—98.

(Yakubovsky V. N. S. A. Muromtsev — one of the leaders of the liberal movement in Russia in the late 19th - early 20th centuries, in Kostyuk M. P. et al. (eds.) *Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Manifesto of October 17, 1905*, Minsk, 2007, pp. 96—98. — In Russ.)

Baer S. Prof. Dr, LL.M. Rechtssoziologie. Eine Einführung in die interdisziplinäre Rechtssoziologie. 2. Auflage. Baden-Baden: Nomos, 2015. 294 S.

Birkenmaier W. Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Verlag Das Wunderhorn GmbH, 1995. 206 S.

Braun J. Einführung in die Rechtsphilosophie. Tübingen: Mohr Siebek, 2006. 408 S.

Kunz K.-L., Mona M. Rechtsphilosophie, Rechtstheorie, Rechtssoziologie. Eine Einführung in die theoretischen Grundlagen der Rechtswissenschaft. 1. Auflage. Bern, Stuttgart, Wien Hauptverlag, 2006. 308 S.

Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts von Prof. Dr. Jur. Dres. h.c. Bernd Ruthers unter Mitarbeit von Prof. Dr. Jur. Axel Birk. 2., neu bearbeitete Auflage. München: C. H. Beck, schein Verlagbuchhandlung. 2006. 637 S.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Поцелуев Евгений Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета, Ивановский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgenii Leonidovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights Department of Ivanovo State University, Honoured Worker of Education of the Russian Federation; Ivanovo, Russian Federation, elp777@yandex.ru

ДЕБЮТ

Научная статья

УДК 141.45:17.023.1

DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.95-104

А. И. Соловьева

ЭТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ ПОЛА КУРТЦА: ЗА И ПРОТИВ (ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПРОЧТЕНИЯ)

Аннотация. В работе анализируется отношение философа Пола Куртца к этическому нигилизму — доктрине, которая отвергает наличие объективных моральных ориентиров. В центре внимания — критические тезисы Куртца, раскрывающие деструктивный потенциал нигилизма: он способен породить всепоглощающий субъективизм, разрушить преемственность этической традиции и создать благоприятную почву для идеологического давления. В качестве противовеса нигилистическому мировоззрению мыслитель формулирует концепцию критического этического исследования, в которой синтезируются инструменты философского осмысления и принципы научного познания. К числу ее основополагающих положений относятся идея «объективного релятивизма» (признание зависимости нравственных норм от контекста при сохранении возможности их рационального анализа), натуралистическая трактовка морали (выведение нравственности из потребностей человека и стремления к благополучию) и нацеленность на выработку прикладных решений для реальных жизненных ситуаций. При оценке данной концепции выделяются ее достоинства — умение совместить гибкость релятивистского подхода с поиском устойчивых моральных оснований, выраженная практическая ориентация и опора на междисциплинарные связи, а также обозначаются проблемные зоны: границы применимости научного инструментария в сфере морали, размытость категории «человеческое процветание» и потенциальная опасность утраты четких нравственных ориентиров.

Концепция Куртца органично вписывается в парадигму светского гуманизма: она базируется на принципах «нового скептицизма», идее евпраксофии и безусловном приоритете критического мышления, выстраивая мировоззренческую позицию, которая противостоит как слепому догматизму, так и нигилистическому отрицанию ценностей. Взгляды философа сохраняют значимость для современной этической мысли: в эпоху секуляризации, столкновения различных культурных моделей и появления принципиально новых вызовов технологического порядка (в сфере биоэтики, искусственного интеллекта, экологии) предложенный им рационально-критический метод способен выступить в качестве платформы для диалога и выработки общих ценностных установок.

Ключевые слова: евпраксофия, П. Куртц, критическое этическое исследование, новый скептицизм, светский гуманизм, секулярная этика, этический нигилизм.

Ссылка для цитирования: Соловьева А. И. Этический нигилизм Пола Куртца: за и против (опыт философского прочтения) // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 95—104.

Original article

A. I. Solovyova

PAUL KURTZ'S ETHICAL NIHILISM: PRO ET CONTRA (EXPERIENCE IN PHILOSOPHICAL READING)

Abstract. The paper analyses philosopher Paul Kurtz's stance on ethical nihilism — a doctrine that rejects the existence of objective moral guidelines. The focus is on Kurtz's critical theses, which reveal the destructive potential of nihilism: it can give rise to all-encompassing subjectivism, erode the continuity of ethical tradition, and create fertile ground for ideological pressure. As a counterbalance to the nihilistic worldview, the thinker formulates the concept of critical ethical inquiry, which synthesises tools of philosophical reflection and principles of scientific cognition. Among its fundamental tenets are the idea of “objective relativism” (recognising the dependence of moral norms on context while preserving the possibility of their rational analysis), a naturalistic interpretation of morality (deriving morality from human needs and the pursuit of well-being), and a focus on developing practical solutions for real-life situations. In assessing this concept, its strengths are highlighted — the ability to combine the flexibility of a relativist approach with the search for stable moral foundations, a pronounced practical orientation, and reliance on interdisciplinary connections — while its problematic areas are also outlined: the limits of applicability of scientific tools in the sphere of morality, the vagueness of the category “human flourishing”, and the potential danger of losing clear moral ориентиры.

Kurtz's concept fits organically into the paradigm of secular humanism: it is based on the principles of the “new scepticism”, the idea of epraxsophy, and the unconditional priority of critical thinking, shaping a worldview that stands in opposition to both blind dogmatism and the nihilistic rejection of values. The philosopher's views remain significant for contemporary ethical thought: in an era of secularisation, the clash of different cultural models, and the emergence of fundamentally new challenges of a technological order (in the fields of bioethics, artificial intelligence, and ecology), the rational-critical method he proposed can serve as a platform for dialogue and for working out common value frameworks.

Keywords: epraxsophia, P. Kurtz, critical ethical research, new skepticism, secular humanism, secular ethics, ethical nihilism.

Citation Link: Solovyova A. I. (2026) Paul Kurtz's ethical nihilism: pro et contra (experience in philosophical reading), *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 95—104.

Введение. Пол Куртц (1925—2012) — выдающийся американский философ, один из ведущих представителей научного скептицизма и признанный теоретик современного гуманистического движения, основатель Комитета по научному расследованию заявлений о паранормальных феноменах и Международного гуманистического и этического союза. Его работы оказали значительное влияние на развитие современной секулярной этики и философии скептицизма.

Важно подчеркнуть: Куртц не был сторонником этического нигилизма, а, напротив, активно критиковал его, предлагая собственную альтернативу — концепцию критического этического исследования. Он считал, что нигилистическое отрицание морали ведет к опасным социальным последствиям и лишает человечество накопленной этической мудрости.

Цель данного доклада: всесторонне проанализировать позицию Куртца по отношению к этическому нигилизму, детально рассмотреть его аргументы «против», изучить предложенную альтернативу и оценить сильные и слабые стороны его подхода. Мы также рассмотрим связь его этических взглядов с более широкой философской системой и их значение для современной философии.

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к этическим проблемам в условиях падения общего уровня религиозности, секуляризации общества, что диктует необходимость поиска рациональных оснований морали вне религиозных традиций.

Этический нигилизм представляет собой специфическую философскую позицию, согласно которой, объективных моральных ценностей и норм не существует. По мнению нигилистов, мораль является социальным конструктом и не существует как нечто незыблемое и постоянное. Фактически нигилисты со скепсисом относятся как к религии, так и к светскому гуманизму.

Понятие нигилизма в морали — явление глубоко имманентное. Данное понятие крайне неоднородно, оно включает в себя множество форм, которые проявляются в вечном конфликте отцов и детей, при продвижении прогрессивных инноваций, изменении социальной структуры общества. Можно отметить, что по данным социологии носителями нигилистического мировоззрения выступают молодежь и маргинальные элементы. Моральная жизнь общества представляет собой сложный динамический процесс, в котором диалектически проявляются разнонаправленные тенденции. Мораль, выступая силой, скрепляющей индивидов в социальное целое, является системой норм, стремящейся к устойчивости, самосохранению и с этой точки зрения к стабильному, неизменному состоянию, что выражается в чертах традиционности и консервативности, присущих моральному порядку [Сидорова, 2009].

Основные тезисы этического нигилизма включают:

- мораль — это иллюзия, социальный конструкт, не имеющий объективного основания;
- нет объективного различия между добром и злом — эти понятия являются лишь ярлыками, навязанными обществом;
- моральные суждения выражают лишь субъективные предпочтения, эмоции или социальные договоренности;
- любые попытки установить универсальные этические принципы обречены на провал.

Несмотря на то что Пол Куртц являлся убежденным атеистом, он оставался последовательным сторонником гуманистических ценностей. Эта позиция неизбежно вступала в жесткий конфликт с тезисами этического нигилизма, несостоятельность которого философ подробно разобрал в ряде своих ключевых работ, в частности в «Запретном плоде» [Куртц, 2002] и «Новом скептицизме» [Куртц, 2005]. В этих трудах автор выстроил последовательную и глубокую аргументацию против нигилистической картины морали, демонстрируя, к каким разрушительным последствиям для цивилизации ведет полный отказ от этических ориентиров.

Прежде всего, философ указывал на неизбежную потерю коллективной мудрости. Отрицая само существование моральных истин, нигилизм заставляет человечество пренебрегать этическим знанием, которое бережно накапливалось на протяжении многих веков. Это лишает общество опоры на уникальный опыт

предшествующих поколений, содержащий в себе важнейшие уроки о том, какие именно нормы способствуют процветанию людей, а какие — ведут к неминуемому краху. Куртц неустанно подчеркивал, что базовые этические принципы, такие как запрет на убийство, ложь и кражу, не возникли из ниоткуда: они прошли суровую проверку временем и делом доказали свою эволюционную и социальную полезность. Вместе с тем радикальное отрицание объективной этики порождает серьезные риски субъективизма. Когда вся мораль сводится исключительно к индивидуальным вкусам и сиюминутным желаниям конкретного человека, общество рискует впасть в опасные крайности. С одной стороны, это грозит бездумной, слепой терпимостью, при которой абсолютно любые, даже самые жестокие действия начинают оправдываться чьими-то субъективными предпочтениями. С другой стороны, такой подход открывает прямую дорогу к произволу и насилию, где сильные получают карт-бланш на навязывание своей воли слабым, а личность полностью лишается каких-либо объективных критериев для сопротивления явной несправедливости и защиты чужих прав.

Эта уязвимость создает идеальную почву для манипуляций и внешнего давления. В условиях, когда общие моральные стандарты размыты, ассиметричные институты власти получают безграничные возможности для контроля над общественным сознанием. Нигилизм в данном контексте начинает служить циничным оправданием для давления на тех, кто не способен к критическому анализу или не может в одиночку противостоять агрессивной пропаганде. В подобной атмосфере ценностного вакуума легче всего утверждаются авторитарные режимы, которые умело используют этический релятивизм как инструмент для подавления любого инакомыслия.

Более того, Куртц аргументировал, что без минимального согласия по поводу базовых этических различий — таких понятий, как добро и зло, справедливое и несправедливое — нормальная социальная жизнь становится попросту невозможной. Нельзя логически и практически обосновать даже элементарный запрет на убийство или кражу, если полностью игнорировать фундаментальные моральные принципы. Абсолютно любые, даже самые простейшие повседневные взаимодействия между людьми требуют определенного уровня взаимного доверия и минимального набора общепринятых правил игры. Сам этический нигилизм Куртц во многом рассматривал как симптом моральной незрелости и инфантилизма. Для него радикальное отрицание ценностей виделось лишь удобной ширмой, за которой скрывается банальное моральное невежество. Философ полагал, что осознанный отказ от поиска прочных этических оснований — это проявление интеллектуальной лени и малодушия, вызванное нежеланием брать на себя подлинную, взрослую ответственность за свой моральный выбор и его последствия для окружающих.

Пол Куртц особо подчеркивал, что этический нигилизм разрушает саму основу института прав человека. Этот институт может сохранять значимость и эффективно функционировать исключительно при условии признания наличия универсальных и неотчуждаемых гуманистических ценностей. В ситуации, когда отрицается существование объективного блага, права человека утрачивают сущностное наполнение и превращаются в формальность — их статус начинает целиком определяться сиюминутными политическими интересами и усмотрением властных элит.

В качестве финального результата торжества нигилистической этики Куртц видел масштабную деградацию культурной сферы. Отказ от устойчивых гуманистических ориентиров провоцирует кризис в искусстве и образовательной системе, подрывает работу социальных институтов, отвечающих за становление и гармоничное развитие личности. Без четких этических ориентиров культура лишается важнейшей миссии — воспитательной и преобразующей, и сводится к механическому тиражированию внешних форм, лишенных глубинного ценностного содержания.

Но Куртц не только критиковал нигилизм, но и сформулировал философскую альтернативу столь несостоятельной концепции. Свою позицию мыслитель обозначил как концепцию критического этического исследования. Данный подход сочетает научный метод с этическим анализом. Эта концепция подробно изложена в его работах «Мужество стать: Добродетели гуманизма» [Куртц, 2000] и «Запретный плод: Этика гуманизма» [Куртц, 2002]. Ключевые принципы критического этического исследования таковы.

1. *Объективный релятивизм.* Моральные ценности релятивны (зависят от контекста), но открыты рациональной критике. Куртц писал: «Мораль релятивна по отношению к жизни индивидов или общества, она погружена в социально-исторический контекст и в конкретные ситуации. Поэтому этические принципы бытуют в некоторой серединной зоне; они являются проксиматичными, близкими к первоосновам, но не окончательными» [Куртц, 2005: 284]. Это означает, что хотя нет абсолютных моральных законов, существуют обоснованные принципы, которые можно проверить и усовершенствовать.

2. *Ситуативно-плюралистический подход.* Учет многообразия культурных и социальных контекстов при анализе моральных проблем. Куртц признавал, что разные культуры могут иметь различные моральные нормы, но утверждал, что их можно оценивать с точки зрения их вклада в благополучие людей.

3. *Натуралистическое основание этики.* Нравственность имеет человеческую природу и связана с познавательными практиками. Этические суждения должны проверяться эмпирически и логически. Куртц утверждал, что мораль вырастает из человеческих потребностей, интересов и стремлений к счастью и самореализации.

4. *Практическое суждение.* Цель этики — выработать рекомендации для конкретных ситуаций, определяя, что является морально предпочтительным. Этические решения должны быть обоснованы и направлены на улучшение жизни людей.

5. *Этика как процесс.* Мораль не является статичной системой догм, а представляет собой динамичный процесс поиска наилучших решений. Этика должна быть открытой к критике и совершенствованию.

6. *Гуманистический фокус.* В центре этического исследования — человек, его благополучие, достоинство и самореализация. Куртц считал, что моральные принципы должны способствовать процветанию личности и общества.

Связь с другими идеями Куртца. Концепция Куртца вписывается в его более широкую философскую систему, которая включает несколько взаимосвязанных идей:

Новый скептицизм. Методологический скептицизм как инструмент поиска надежного знания. Куртц различал несколько видов скептицизма, отдавая предпочтение «исследовательскому скептицизму», который не отрицает истину,

а ищет ее. В отличие от нигилизма, скептицизм у Куртца — это позитивный метод познания, предполагающий критическую проверку утверждений.

Светский гуманизм. Альтернатива религиозно-авторитарной этике. Гуманизм должен опираться на разум, научную объективность и стремление к достойной жизни. Куртц видел в гуманизме мировоззрение, которое ставит человека и его потребности в центр этического рассмотрения.

Евпраксофия. Термин, введенный Куртцем для обозначения нерелигиозного мировоззрения, акцентирующего значение этики и изобильной жизни, основанной на рациональных методах. Евпраксофия (от греч. *eupraxia* — хорошая практика) должна выступать в качестве учения о практической мудрости, утверждающей позитивные ценности человеческой жизни без обращения к сверхъестественному.

Научный натурализм. Убеждение, что мир познаваем научными методами и этика должна опираться на научное понимание человеческой природы и общества. Куртц считал, что наука может помочь нам понять, какие условия способствуют человеческому процветанию.

Критическое мышление. Развитие навыков критического анализа — необходимое условие для этического выбора. Куртц придавал большое значение образованию, которое учит людей самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения [Погодина, 2011].

Анализ концепции Куртца позволяет выделить как сильные стороны его подхода, так и потенциальные слабые места.

Аргументы «за»:

– реалистичность. Признает относительность морали, но не отказывается от поиска объективных критериев. Куртц избегает крайностей абсолютизма и нигилизма, предлагая сбалансированный подход;

– практическая направленность. Ориентирован на решение реальных этических проблем, с которыми сталкиваются люди и общество. Его этика не абстрактна, а нацелена на улучшение жизни;

– гибкость. Учитывает культурные и ситуативные различия, что делает его подход применимым в мультикультурном мире;

– научный подход. Связывает этику с эмпирическим знанием и логикой, что повышает обоснованность моральных суждений;

– гуманистическая направленность. Ставит в центр внимания человека, его потребности и достоинство, что соответствует современным ценностям прав человека;

– открытость к развитию. Этика Куртца не догматична — она предполагает постоянное совершенствование моральных принципов: моральные нормы могут пересматриваться на основе новых данных и опыта, критика и дискуссии рассматриваются как необходимый элемент этического развития, подход открыт для междисциплинарного диалога (философия, наука, искусство) [Погодина, 2011].

Аргументы «против». Несмотря на убедительность и практическую направленность концепции Куртца, она сталкивается с рядом серьезных критических замечаний:

– сложность применения на практике. В условиях конфликта ценностей и культурных различий крайне трудно выработать единое «практическое суждение», которое устраивало бы все стороны. Например, в мультикультурном

обществе могут сталкиваться традиционные ценности с либеральными, и найти рациональный компромисс бывает практически невозможно;

– риск скатывания к релятивизму. Чрезмерный акцент на относительности моральных норм может привести к размыванию фундаментальных этических границ. Если все ценности контекстуальны, то где гарантия, что общество не начнет оправдывать неприемлемые практики под предлогом культурной специфики?

– ограниченность научного метода в этике. Наука хорошо справляется с описанием фактов, но испытывает трудности с нормативными суждениями («что должно быть»). Куртц утверждает, что этические суждения можно проверять эмпирически, однако многие философы (например, сторонники интуитивизма) считают, что моральные истины постигаются иначе — через моральную интуицию или рефлексию;

– проблема определения «человеческого процветания». Концепция Куртца предполагает, что мы можем определить, что способствует «процветанию человека», но само понятие процветания неоднозначно. Для одних это материальное благополучие, для других — духовное развитие, для третьих — социальная справедливость. Без четкого определения базовых ценностей подход остается слишком абстрактным;

– недостаточная определенность «объективного релятивизма». Сам термин кажется внутренне противоречивым: как может релятивизм быть объективным? Критики указывают, что эта концепция не дает четких критериев для разрешения моральных конфликтов, оставляя слишком много пространства для субъективной интерпретации;

– недооценка эмоциональной составляющей морали. Куртц делает акцент на рациональности и научном методе, но многие этические решения принимаются на основе эмоций (сострадания, возмущения несправедливостью и т. д.). Игнорирование эмоциональной стороны может сделать этику слишком «холодной» и оторванной от реальной человеческой жизни;

– проблема мотивации. Даже если мы логически обосновали, что какой-то поступок является морально правильным, это не гарантирует, что люди будут ему следовать. Куртц не уделяет достаточного внимания вопросу, почему люди должны подчиняться рационально выведенным моральным нормам, если они противоречат их интересам или желаниям;

– уязвимость перед идеологическими манипуляциями. В условиях, когда власть или влиятельные группы контролируют «научные» исследования, они могут использовать концепцию Куртца для легитимации своих интересов, объявляя их «рациональными» и «способствующими процветанию» [Поночевная, 2015: 524—532].

Анализ философии Пола Куртца показывает, что он не был сторонником этического нигилизма, а, напротив, активно критиковал его как опасную и деструктивную позицию. Его концепция критического этического исследования предлагает конструктивную альтернативу, сочетающую: рациональность (опора на логику и научный метод); гибкость (учет культурного и ситуативного контекста); гуманизм (ориентация на человеческое процветание); критичность (открытость к пересмотру моральных принципов).

Куртц убедительно показал, что этический нигилизм ведет к опасным социальным последствиям: потере коллективной мудрости, субъективизму, манипуляциям и невозможности поддерживать социальную стабильность. Его альтернатива — критический этический подход — предлагает путь между догматизмом и нигилизмом, признавая относительность морали, но не отказываясь от поиска объективных критериев. Концепция Куртца тесно связана с его более широкой философской системой, включающей новый скептицизм, светский гуманизм и евпраксофию, что придает ей целостность. Несмотря на сильные стороны (реалистичность, практическая направленность, гуманизм), подход Куртца сталкивается с критикой: сложностью применения, риском релятивизма, ограниченностью научного метода в этике и недостаточной определенностью некоторых ключевых понятий.

Значение идей Куртца для современной философии. Философия Куртца остается актуальной в условиях: секуляризации общества, где традиционные религиозные основания морали теряют влияние; глобализации, требующей механизмов разрешения межкультурных этических конфликтов; развития науки, которая все чаще затрагивает моральные вопросы (биоэтика, искусственный интеллект и т. д.). Его призыв к рациональному, критическому и гуманистическому подходу к этике может служить основой для диалога между различными мировоззрениями и поиска общих ценностей в современном мире.

Перспективы развития идей Куртца. Дальнейшая эволюция концепции Куртца может идти по нескольким взаимодополняющим направлениям. Во-первых, перспективным представляется уточнение самого понятия «человеческое процветание», которое выступает ключевым ориентиром в его этике. Сегодня для этого открываются новые возможности благодаря междисциплинарным исследованиям: психология благополучия (позитивная психология), социология качества жизни, нейронауки о природе эмпатии и моральных суждений могут предоставить эмпирические данные о том, какие условия действительно способствуют процветанию личности и общества. Интеграция этих данных в этическую теорию позволит сделать концепцию Куртца еще более обоснованной и операциональной.

Во-вторых, необходима разработка конкретных методик применения критического этического исследования к наиболее острым современным проблемам. Речь идет о создании практических алгоритмов для анализа моральных дилемм в таких областях, как биоэтика, экологическая этика и цифровая этика. Эти методики должны включать четкие этапы: сбор релевантных эмпирических данных, выявление конфликтующих ценностей, оценку долгосрочных последствий альтернативных решений, а также механизмы публичного обсуждения и пересмотра выводов на основе новой информации. Такой инструментарий мог бы использоваться как в академической среде, так и в работе этических комитетов, государственных органов и общественных организаций.

В-третьих, важным направлением развития является интеграция эмоциональной составляющей в этический анализ без отказа от рациональности. Куртц делал основной акцент на разуме и научном методе, что порой приводило к недооценке роли чувств — сострадания, возмущения несправедливостью, эмпатии — в моральном выборе. Современные исследования в области нейроэтики и моральной психологии показывают, что эмоции не противостоят рациональности, а являются ее неотъемлемой частью, влияя на восприятие моральных ситуаций

и мотивацию к действию. Будущая версия критического этического исследования могла бы учитывать этот аспект, разрабатывая способы осмысленного включения эмоциональных реакций в процесс принятия решений — не как иррациональных импульсов, а как источников значимой информации о человеческих ценностях.

Наконец, принципиально значимой остается задача исследовать, что побуждает людей придерживаться морально обоснованных с рациональной точки зрения норм. Даже безупречно выстроенная аргументация не всегда приводит к соответствующим поступкам — особенно в тех случаях, когда следование ей вступает в противоречие с сиюминутной выгодой. В этом контексте немалую ценность представляют наработки поведенческой экономики, социальной психологии и теории принятия решений: они проливают свет на то, какие именно обстоятельства — будь то устоявшиеся социальные шаблоны, особенности мышления или система поощрений и ограничений — формируют нравственное поведение. Создание методик, которые будут усиливать стремление личности опираться на гуманистические и разумные ориентиры, способно заметно продвинуть воплощение идей Куртца в жизнь.

Итак, философская концепция Пола Куртца очерчивает взвешенный и плодотворный маршрут, позволяющий избежать как закостенелого догматизма, так и разрушительного нигилизма, и отвечает актуальным запросам современности. Его обращение к разуму, критическому осмыслению и гуманистическим установкам в сфере этики не просто дает инструменты для осмысления проблем, связанных с ослаблением религиозных основ морали, усилением глобальных взаимосвязей и стремительным развитием технологий, но и намечает методологические координаты для выработки общих ценностных ориентиров в многообразном культурном пространстве. Взгляды Куртца нуждаются в дальнейшем осмыслении и творческой адаптации с учетом новейших научных открытий и реалий сегодняшнего дня: именно они могут лечь в основу этической рефлексии, способной сплотить носителей различных мировоззрений ради идеалов справедливости и всестороннего развития человека.

Библиографический список / References

Куртц П. Мужество статья: Добродетели гуманизма. М.: Российское Гуманистическое общество, 2000. 160 с.

(Kurtz P. *The Courage to Become: Virtues of Humanism*, Moscow, 2000, 160 p. — In Russ.)

Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма. М.: Российское Гуманистическое общество, 2002. 222 с.

(Kurtz P. *Forbidden Fruit. The Ethics of Humanism*, Moscow, 2002, 222 p. — In Russ.)

Куртц П. Новый скептицизм: Исследование и надежное знание. М.: Наука, 2005. 360 с.

(Kurtz P. *New Skepticism: Research and Reliable Knowledge*, Moscow, 2005, 360 p. — In Russ.)

Погодина О. А. Прагматический натурализм Пола Куртца // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5-6. С. 39—43.

(Pogodina O. A. Pragmatic naturalism of Paul Kurtz, *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2011, no. 5-6, pp. 39—43. — In Russ.)

- Погодина О. А. Философия гуманизма Пола Куртца // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 7. С. 196—203.
(Pogodina O. A. Philosophy of Humanism of Paul Kurtz, *Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Knowledge*, 2011, no. 7, pp. 196—203. — In Russ.)
- Поночевная И. Д. Пол Куртц и философская критика светского гуманизма // Философия и культура. 2015. № 4. С. 524—532.
(Ponochevnaya I. D. Paul Kurtz and the philosophical critique of secular humanism, *Philosophy and Culture*, 2015, no. 4, pp. 524—532. — In Russ.)
- Сидорова Т. А. Содержание этического нигилизма в современном обществе // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2009. № 1. С. 195—205.
(Sidorova T. A. The content of ethical nihilism in modern society, *Bulletin of the Novosibirsk State University of Economics and Management*, 2009, no. 1, pp. 195—205. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Соловьева Александра Игоревна — студент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, институт социально-экономических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, solovey.yatutz@gmail.com

Solovyova Alexandra Igorevna — student at the Department of Sociology, Social Work, and Personnel Management, Institute of Socio-Economic Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, solovey.yatutz@gmail.com

Научная статья
УДК 141.319.8
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.105-109

А. А. Буньковская

МИР, ТРУД, МАРКС: ФИЛОСОФСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ *HOMO ERGASTER*

Аннотация. В статье рассматривается происхождение трудовой деятельности человека на примере *homo ergaster* в философско-антропологическом контексте. Показано, что усложнение орудийной деятельности и коллективного взаимодействия у данного вида отражает формирование предпосылок труда как специфически человеческого способа преобразования среды. Анализируется философская концепция труда К. Маркса, согласно которой труд выступает сознательной и общественной деятельностью, формирующей человека как общественное существо. Обосновывается, что деятельность *homo ergaster* может рассматриваться как ранний этап становления предпосылок труда, а не его завершённая форма. Отмечается, что, несмотря на трансформации труда в современном обществе, его преобразующая роль сохраняется. Делается вывод о значимости марксовской концепции для понимания как антропогенеза, так и современной динамики труда.

Ключевые слова: труд, антропогенез, *homo ergaster*, философия труда, коллективное взаимодействие, сознательная деятельность, человек и общество.

Ссылка для цитирования: Буньковская А. А. Мир, труд, Маркс: философское переосмысление *homo ergaster* // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 105—109.

Original article

А. А. Bunkovskaya

WORLD, LABOR, MARX: A PHILOSOPHICAL REINTERPRETATION OF *HOMO ERGASTER*

Abstract. The article examines the origin of human labor activity using *homo ergaster* as an example in a philosophical and anthropological context. It shows that the increasing complexity of tool use and collective interaction in this species reflects the formation of the prerequisites of labor as a specifically human way of transforming the environment. The study analyzes Karl Marx's philosophical concept of labor, according to which labor is a conscious and social activity that forms humans as social beings. It is argued that the activities of *homo ergaster* can be regarded as an early stage in the emergence of the prerequisites of labor rather than its fully developed form. It is noted that, despite transformations of labor in modern society, its transformative role remains unchanged. The conclusion emphasizes the relevance of Marx's concept for understanding both anthropogenesis and contemporary changes in labor.

Keywords: labor, anthropogenesis, *homo ergaster*, philosophy of labor, collective interaction, conscious activity, humans and society.

Citation Link: Bunkovskaya A. A. (2026) World, labor, Marx: a philosophical reinterpretation of *homo ergaster*, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 105—109.

© Буньковская А. А., 2026

Труд занимает особое место в истории человечества и традиционно рассматривается как один из ключевых факторов становления человека и развития общества. Вопрос о его происхождении представляет интерес не только для антропологии и археологии, но и для философии, поскольку позволяет рассматривать труд не только как практическую деятельность, но и как основу формирования человеческой сущности.

Особый интерес в этом контексте представляет *homo ergaster*, с которым многие исследователи связывают распространение более совершенных каменных орудий и усложнение орудийной деятельности. Обращение к философской концепции труда Карла Маркса позволяет рассмотреть этот этап антропогенеза не только с точки зрения биологической эволюции, но и через призму философского осмысления роли труда в становлении человека.

Homo ergaster относится к числу ранних представителей рода *homo* и существовал приблизительно 1,9—1,4 млн лет назад. Большинство известных находок обнаружено на территории Восточной Африки. Особое значение данного вида связано не только с его биологическими особенностями, но и с развитием более сложных форм поведения, прежде всего орудийной деятельности. Именно в этот период начинают формироваться устойчивые способы изготовления каменных орудий, что позволяет рассматривать *homo ergaster* как важный этап антропогенеза.

С *homo ergaster* большинство исследователей связывают широкое распространение ашельской каменной индустрии. В отличие от более ранних олдувайских орудий, ашельские ручные рубила изготавливались по заранее определенной технологии и отличались более правильной формой. Их производство требовало выбора подходящего материала, соблюдения последовательности операций и определенного практического опыта. Это свидетельствует об усложнении деятельности и развитии способности планировать процесс изготовления орудий [Дробышевский, 2017: 73].

Изготовление каменных орудий было тесно связано с решением практических задач: добычей пищи, разделкой туш животных и обработкой древесины. Использование изготовленных орудий постепенно расширяло возможности воздействия на окружающую среду. Если более ранние гоминиды преимущественно приспосабливались к природным условиям, то *homo ergaster* все активнее воздействовал на них, изменяя природные объекты в соответствии со своими потребностями.

Наряду с развитием орудийной деятельности возрастало значение коллективного взаимодействия. Совместная добыча пищи и использование общих стоянок способствовали накоплению коллективного опыта и повышению эффективности деятельности группы. Вероятно, уже на этом этапе происходила передача практических навыков между ее членами. В результате труд постепенно приобретал не только практическое, но и социальное значение [там же: 75].

Таким образом, *homo ergaster* занимает особое место в истории человечества, поскольку именно на этом этапе появляются относительно устойчивые формы трудовой деятельности. Археологические и антропологические данные позволяют проследить происхождение этих процессов и показать их значение для биологической эволюции человека. Однако они не отвечают на вопрос, почему именно труд стал определяющим фактором становления человека. Одну из

наиболее известных попыток философского осмысления этой проблемы предложил Карл Маркс.

Согласно философской концепции Маркса, труд представляет собой сознательную и целенаправленную деятельность, посредством которой человек преобразует окружающий мир. В отличие от животного, которое действует преимущественно под влиянием инстинктов, человек способен заранее представить результат своей деятельности и лишь затем воплотить его в действительности. Именно способность сознательно ставить цель и реализовывать ее в процессе деятельности, по мнению Маркса, является одним из главных отличий человека [Маркс, 1983: 109].

Труд, по Марксу, представляет собой процесс взаимодействия человека с природой. В процессе труда развиваются мышление, практические навыки, способность к сотрудничеству и передаче опыта. Поэтому труд выступает не только экономической категорией, но и важнейшим условием формирования личности и общества.

Особое место в философии Маркса занимает понятие родовой сущности человека. Под ней понимается способность человека свободно и сознательно преобразовывать окружающий мир, создавая то, чего не существует в природе в готовом виде. Именно благодаря труду человек выходит за пределы непосредственного удовлетворения биологических потребностей и становится существом, способным создавать культуру, общественные отношения и материальные ценности.

Вместе с тем Маркс подчеркивает, что труд имеет исторический характер. В условиях капиталистического общества он приобретает отчужденную форму: работник утрачивает контроль над результатами своей деятельности, а сам труд все чаще становится средством существования, а не способом свободного развития личности. Несмотря на это, труд сохраняет свое фундаментальное значение как основа человеческого существования и общественного развития [Маркс, 1974: 86].

Таким образом, философия Маркса позволяет рассматривать труд значительно шире, чем только как экономическую категорию. Если антропология отвечает на вопрос, как возникли первые формы трудовой деятельности, то философия раскрывает ее значение для формирования человека как общественного существа. Именно это создает основу для философского переосмысления роли *homo ergaster* в истории человечества.

Рассмотрение *homo ergaster* через призму философской концепции труда Карла Маркса позволяет выйти за рамки исключительно антропологического описания данного вида. В палеоантропологии *homo ergaster* рассматривается как один из этапов эволюции человека, на котором усложняется орудийная деятельность и появляются более устойчивые формы коллективного взаимодействия. Однако философский анализ позволяет поставить другой вопрос: какое значение эти изменения имеют для становления человека как особого способа существования [Шипелик, 2019: 159].

С точки зрения Маркса, определяющим является не сам факт изготовления орудий, а возникновение деятельности, направленной на сознательное преобразование окружающего мира. Археологические находки позволяют предположить, что *homo ergaster* уже не только использовал природные объекты, но и изменял их в соответствии со своими потребностями. Хотя такая деятельность еще не

обладала развитым общественным характером, она свидетельствует о постепенном переходе от приспособления к активному преобразованию среды [Бурьков, Шипелик, 2016: 39].

При этом было бы неверно полностью отождествлять деятельность *homo ergaster* с трудом в его марксовом понимании. Для Маркса труд представляет собой сознательную, общественную и целенаправленную деятельность, в процессе которой человек не только создает необходимые ему предметы, но и формирует самого себя как общественное существо. Деятельность *homo ergaster* еще непосредственно связана с выживанием и не предполагает тех социальных отношений, которые возникают значительно позднее. Поэтому речь может идти лишь о появлении предпосылок человеческого труда, а не о его завершенной форме [Маркс, 1974: 90], о начале длительного исторического процесса, в ходе которого труд постепенно превращается в основу общественного развития, в одну из отправных точек формирования человеческой культуры.

Современное общество характеризуется существенными изменениями в содержании и организации труда. Развитие цифровых технологий, автоматизация производства и распространение информационных технологий приводят к тому, что все большую роль начинают играть интеллектуальная деятельность, работа с информацией и создание цифровых продуктов. В результате изменяются не только формы занятости, но и само понимание труда как социального явления [Патырбаева, 2012: 27].

Несмотря на изменение форм трудовой деятельности, ее значение для человека сохраняется. Если для *homo ergaster* труд являлся способом выживания, а в философии Маркса рассматривался как основа формирования человеческой сущности, то в современном обществе он все чаще становится средством создания знаний, технологий и инноваций. Меняются способы осуществления труда, однако его преобразующая функция остается неизменной [Афанасов, 2025: 77].

Таким образом, развитие общества не отменяет значения труда, а изменяет формы его проявления. Именно поэтому философская концепция Маркса сохраняет свою актуальность и в XXI веке, позволяя рассматривать труд не только как экономическую категорию, но и как основу взаимодействия человека с окружающим миром и обществом. На примере *homo ergaster* можно проследить возникновение первых устойчивых форм орудийной деятельности и коллективного взаимодействия, ставших важным этапом антропогенеза. В философском понимании труд выступает не только средством удовлетворения потребностей, но и способом формирования человека как общественного существа. Именно поэтому *homo ergaster* следует рассматривать не как «человека труда» в полном марксовом смысле, а как этап, на котором складываются предпосылки той преобразующей деятельности, которая впоследствии становится основой человеческой культуры и общественного развития.

Философское переосмысление *homo ergaster* позволяет рассматривать антропогенез не только как биологический процесс, но и как начало длительного исторического развития человека через труд. Несмотря на существенные изменения форм трудовой деятельности в современном обществе, ее значение как основы взаимодействия человека с природой и обществом сохраняется, что подтверждает актуальность философской концепции труда Карла Маркса и в современных условиях.

Библиографический список / References

- Афанасов Н. Б. Труд на узлах сети: сетевое общество и цифровой капитализм // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 77—88.
(Afanasov N. B. Labor at the nodes of the network: network society and digital capitalism, *Questions of Philosophy*, 2025, no. 10, pp. 77—88. — In Russ.)
- Бурьков В. В., Шипелик О. В. Эволюция труда в антропогенезе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (73): Ч. 2. С. 39—41.
(Burkov V. V., Shipelik O. V. Evolution of labor in anthropogenesis, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2016, no. 11 (73), part 2, p. 39—41. — In Russ.)
- Дробышевский С. В. Достающее звено. Кн. 2. Люди. М.: Corpus, 2017. С. 73—75.
(Drobyshevskiy S. V. *The Missing Link*, book 2: Humans, Moscow, 2017, pp. 73—75. — In Russ.)
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41—174.
(Marx K. Economic-philosophical manuscripts of 1844, in: Marx K., Engels F. *Collected Works*, vol. 42, Moscow, 1974, pp. 41—174. — In Russ.)
- Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. 905 с.
(Marx K. *Capital*, vol. 1, Moscow, 1983, 905. — In Russ.)
- Патырбаева К. В. Современный социум, труд и человек в концепциях постиндустриального общества // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2012. № 1 (9). С. 27—32.
(Patyrbayeva K. V. Modern society, labor and human in the concepts of post-industrial society, *Perm University Bulletin. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*, 2012, no. 1 (9), pp. 27—32. — In Russ.)
- Шипелик О. В. Дискуссионные проблемы теории антропогенеза // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 1. С. 159.
(Shipelik O. V. Discussion problems of anthropogenesis theory, *Manuskript*, 2019, vol. 12, no. 1, p. 159. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Буньковская Анастасия Алексеевна — студент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, институт социально-экономических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, bunkovskaya06@inbox.ru

Bunkovskaya Anastasia Alekseevna — student at the Department of Sociology, Social Work, and Personnel Management, Institute of Socio-Economic Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, bunkovskaya06@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

При оформлении обложки использована
репродукция картины Михаила Васильевича Нестерова
«Философы (С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский)», 1917,
холст, масло 123x125

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2026. Вып. 2

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 30.06.2026.
Уч.-изд. л. 7,7. Объем 5,9 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ONLINE EDITION

2026

2